

Инна Захарова

ИЗБРАННОЕ

Стихи
1977–2011

ХАРЬКОВ
«ПРАВА ЛЮДИНИ»
2011

ББК 84.4 УКР-РОС

338

Художник-оформитель

Б.Е. Захаров

Захарова И.Б.

338 **Избранное / Харьков : Права людини, 2011. — 472 с.**

ISBN 978-617-587-047-1.

ББК 84.4 УКР-РОС

© И.Б.Захарова, 2011

© В.А.Маринчак, вступительная статья, 2011

© Б.Е.Захаров, художественное оформление, 2011

ISBN 978-617-587-047-1

ЧЕЛОВЕК ИСТОРИИ

*Это берег беды. И в него мы вросли до конца —
До распада времен, где видна обнаженная глина.*

Разными бывают предназначения людей. Человек искусства. Человек культуры. Человек науки. Инна Захарова, как и некоторые другие представители её и соседних поколений, с самого начала своего жизненного и творческого пути выбрала призвание: быть человеком истории. Это жизнеобразующая, это духовная и нравственная позиция противостояния миру, преодоления его косности, сопротивления его материальности, протравления злу. Это позиция тех, кто готов к несогласию с господствующим в этом мире. Но в таком случае история вторгается в твою личную судьбу, да ты и сам выбираешь судьбу, сопряжённую с историей.

Может быть, именно поэтому стихи И. Захаровой захватывают с первых даже не строк — слов. «Мой горький Бог», — этими словами она открыла свою первую книгу («Тишина», 1977–1982). После такого начала становится ясным, что случайных слов дальше не будет, что речь пойдёт о самом насущном. Именно так, ведь в этой книге она как бы прослеживает то, как прокладывается ею свой неповторимый путь к Богу. И уже в этой книге обнаруживается важнейшая характеристика её поэтического мышления — историзм.

В начале книги — как предвестье всех дальнейших параллелей и пересечений — «Средневековая картина»:

И время, как веретено,
Прилежно тянет нитку страха.

За ним — обращение к декабристу Лунину, с фиксацией переключки времен, актуальной и поныне:

Все Ваши сны мне снятся вновь
Такой же ночью без исхода,-
И слово горькое — любовь,
И слово тайное — свобода.

Везде и всюду тот же снег,
И солнце кружится слепое,
И с той же вечною тоскою
Я вижу, как уходит век.

«Что нам в прошедших временах?» — спрашивает себя поэт. Да дело в том, что поэт (во всяком случае подобной творческой направленности) не может без истории, без прошлого — своего и общечеловеческого. Мы — это и есть наша память.

Узнать себя, постичь свою душу можно только благодаря истории и культуре. Сознаем мы это, как И. Захарова, или не сознаем, неповторимость каждой души, язык ее состояний и переживаний, прозрений и устремлений приходят к нам из глубин предыстории. Иначе

Над омутом беды душа взовется
И не поймет ни страха, ни греха.

Тут нужно помнить еще, что и современность Захаровой всегда воспринималась (и по собственной воле, и в силу не зависящих от нее обстоятельств) как совершающаяся на ее глазах, претерпеваемая и творимая близкими ей людьми история. Таким людям (среди них в первую очередь Генриху Алтуняну) она тогда, уже тогда обращала слова:

В книгу жизни волеется и Ваша живая глава,
И неласковый Бог поглядит на страницы устало.

Чуткому к движению истории поэту видно, что она неотвратимо уносит в прошлое все, что было, есть и будет, что она отнимает у нас близких, оставляя их за той чертой, где перфект становится плюсквамперфектом:

Земное время — талая вода.
Зерно души живет в глубинах боли,
И прошлого еще белеет поле,
Где вы без нас остались навсегда.

История в таком случае воспринимается и как связь поколений, и как трагические разрывы, вызванные утратами, разломами времени.

Наконец, индивидуальная судьба — это ведь тоже в восприятии поэта история, повторяющая в чем-то историю народа и челове-

ства, в чем-то историю священную. Отсюда переход к метаистории и метафизике:

Я заклинательница дней,
В моих словах сухая сила.
Лучей горячие стропила —
Опора памяти моей.

И я живу у алтаря
Не мною созданного света,
И мне вопросы без ответа
Приносит каждая заря.

Родился новый день во тьме —
Лишь эту истину я знаю,
И первый отблеск различаю
В глухой и горькой кутерьме...

На такой волне совершенно по-новому поворачивается все казалось бы сугубо личное, и любовь предстает как явление спасительного начала (верующий сказал бы: Бога-Спасителя) в твоей судьбе:

Разделим сон — как делят горький хлеб,
Ты ветхой тишиной мои укутал плечи,
На улицу уже выходит вечер
И запирает окна всех судеб.

Мы не услышим ветер из полей,
Мы не увидим, как река смеется,
Но под крыло души твоей забьется
Моя душа. И будет ей теплой.

Так намечается уже в самой первой книге свойственная И. Захаровой и на последующих этапах метафизическая символичность:

Надели истин власяницы
И взяли посохи забот.
А что за всадник мимо мчится?
Вчерашний день? Грядущий год?
Черствее хлеба стало слово,
И память — легкая сума.
Все так не вечно и не ново,
И смотрит даль в себя сама.

И в качестве если не вершины, то связующего звена с позднейшими стихами и размышлениями — одна из первых попыток историческо-философского обобщения:

Муравьиная Азия мой растревожила сон.
Давней русской бедою решили века поделиться.

Уже первая книга И. Захаровой поражает единством, цельностью — ее и нужно воспринимать как целое, реконструируя поэтическую логику развертывания цепи стихотворений, тот скрытый

внутренний сюжет, который объединяет и выстраивает эту последовательность, эту мировую линию истории и судьбы, эту художественную ленту.

Книга «Зимние сны» (1983–1987) начинается с прикосновения к истокам — жизни, века, тысячелетия, истории, культуры, судеб людей, о которых пишет и к кому обращается поэт. На таком фоне символично и значительно все, что окидывается поэтическим взором.

Человек, большой, или даже крошечный ребенок, — в центре истории, в центре бытия, ему «дана неведомая власть / Измерять собою ход времен». Это создает особую напряженность в переживании существования, обостренность взгляда, преувеличенность требовательности и к себе, и к другим, парадоксальность мысли:

О, нет души, ты прав,
Есть только сердце света.

...

Нет надежд безнадежнее тех, что сбылись,
Нет любви, безответней счастливой.

Во второй книге бытие предстает как бы в разрезе, а когда видны все его срезы, все напластования, его трагизм и абсурдность вызывает гротескные символы, сюрреалистические образы:

И даль текла, и сердце билось,
И разбивалось навсегда.

...

А мне казалось— я уже на дне
В янтарной и прозрачной толще меда.

...

Стань мертвой водою, живая вода!
Поля наших душ опустели.

Здесь именно в столкновении с реальностью появляется как закономерная реакция — ярость:

Тяжелая ярость моя, как волна,
Что в стену глухую летит без оглядки.

Грандиозны неразрешимые проблемы, которые встали перед современниками поэта. Может быть, поэтому Захарова обращается к грандиозным образам минувших эпох (которые, впрочем, остаются нашими вечными современниками), среди них, например, к Антигоне (Софокла и Ануйя):

Зачем нам мертвых хоронить —
Себя мы заживо хороним,
Мы души в мертвый Стикс уроним,
Чтоб по теченью плыть и плыть.

Так задается масштаб прямой речи, в которой из-за ее вполне реального содержания выглядывает нечто сюрреалистичное и жутковатое:

А домой возвращается кто-то,
Ни себе, ни другим не знакомый,
Возвращаются голые души,
Потрясенные тем, что вернулись...
В то же время тела наши бродят,
Превращаясь в безликие клетки
Существа, что зовется толпою,
Существа, о котором все знают
Только то, что оно безголово
И бессмертно, как мох или плесень.

Рядом со всем этим так естественно звучит вопрос, с которого начинается последнее стихотворение книги:

Ты знаешь ли, зачем и в тихом доме
Собой ребенка закрывает мать.

Что ж, если мы живем в Содоме, если жизнь — театр абсурда, то мы должны не впустить ни содомии, ни абсурда в наши души и уберечь от этого, прикрыв их своими телами, наших детей.

Все так просто. На словах. Насколько это трудно в исполнении, раскрывает следующая книга «Холодное солнце» (1986–1989), вся пронизанная тревогой, ощущением разрыва времени — «перед прыжком в неизвестность», в «момент отрыва». Чувство, что нарастает хаос, что приходят растерянность и отчаяние, что данностью является «сон разума, сон сердца, сон души», — все это требовало осмысления, упорядочивания. Может быть, поэтому рефлектирует здесь поэт по поводу тоски и страха, времени и памяти, но особенно остро по поводу без-

гласности, невыразимости, которая оборачивается неопределенностью, по поводу потребности в «вечном слове», которое в силу его логосной природы, его поэтической действенности, может преобразить твой внутренний, а стало быть, и внешний мир. Упорядочить образ мира, в слове явленный, — таково предназначение музы поэта:

Только в черном и белом тебя я видала всегда.
Как спокойно и строго всегда на меня ты смотрела.
Страх не страшен с тобой, и беда при тебе — не беда.
И высокий покой не имеет ни дна, ни предела.

Поэтическая экзистенция в катастрофическом контексте и переживание личностью тектонических сдвигов исторического бытия представлены в книге «Остров»(1991–1996), безусловно, этапной для поэта. И потому, что была она реакцией на минуты (и годы) роковые. И потому, что в ней сполна проявилось то, о чем шла речь в том самом стихотворении Тютчева: поэт, «высоких зрелищ зритель», «допущен был в совет» тех, что олицетворяли движущие силы бытия.

В этой книге И. Захарова выстраивает свою «мифологию истории». Поэт, безусловно, почти всегда — мифотворец. Он творит свой философский миф, свою мифопоэтическую реальность. И именно так всей полнотой интуиции охватывает самое непостижимое в истории: то, чем движется история и судьба:

В мире, все убывающем, вдруг загорелась звезда.
И сверкает, как рыба на дне обмелевшей запруды.
Все смешалось, мой друг, все смешалось уже навсегда —
Мир плывет и плывет на глазах в никуда ниоткуда.

Есть предел насыщения даже у этой земли.
Есть предел насыщения страхом, и горем, и верой,
Вон, смотри, тополя, как речная трава на мели,
Хоть и живы еще, но подернуты патиной серой.

Так, наверно, и мы. Тут не станешь о прошлом жалеть,
И надежды свои вспоминаешь все злее и реже.
Это новое время над нами раскинуло сеть.
Мы попались в нее. Мы попались. Но где же мы? Где же?

Именно тогда И. Захарова активно обращается к библейской традиции, что вполне закономерно, ведь именно в Ветхом Завете (впервые в мире!) бытие предстает как история, на смену языческому космоизму приходит библейский историзм, на первый план выходит человек исторический.

Древнейшие исторические повествования и коренятся в мифе, и переплетены с ним. Но и это привлекательно для поэта, который ищет не только описания, но и объяснения исторических и индивидуальных судеб. История повествует, миф объясняет. Трудно представить себе такую философию истории, которая бы объясняла загадку исторического бытия столь же успешно, как это дано в Библии.

Посмотри и запомни — была здесь когда-то земля,
И тяжелые волны внезапно ее поглотили.
Я любила ту землю — овраги ее и поля,
Я любила ту землю, которую все позабыли.

Но наказанный грех проступает сквозь толщу воды,
В ней клубится тоска и тяжелая древняя смута,
Никому не уплыть в это море минувшей беды,
Никому не узнать, как в нем легкие тонут минуты.

Библейский дух, дух времени, дух истории особенно явственно ощутим в последних трех книгах И. Захаровой: «Остров» (1996), «Пустыня» (2004), «Концепция света» (2010). Они образуют тоже своеобразный триптих. Первая книга здесь тезис, сгущено представленный в замыкающем ее стихотворении:

Все проходит на свете. И даже большая беда.
Из нее родились мы, и с ней мы росли и выросли.
Все проходит. Как будто бы в землю уходит вода,
И плакучая ива над сушею плачет без цели.

Как нам вспомнить теперь, почему наши рвались сердца,
Как теперь нам понять, в чем бессмысленной жажды причина?
Это берег беды. И в него мы росли до конца —
До распада времен, где видна обнаженная глина.

В книге «Остров» явлен в первую очередь трагизм личностного бытия на разломе времен: боль и пронзительность разрыва, распада, разлуки, прощанья. Боль и тревога в предчувствии беды.

Основная тема книги «Пустыня», по формуле И. Захаровой, — духовная катастрофа XX века. Осознать, осмыслить, представить ее в поэтическом слове было главной задачей автора. В этой формуле дано главное в осмыслении катастрофической эпохи: причины об-

щественных, исторических катастроф — в падении духовных устоев бытия, в крушении традиционных ценностей культуры.

Духовная катастрофа личности — в неспособности противостоять объективному (внешнему) катастрофизму, в неспособности устоять перед ним, одолеть его, сохранить идентичность (что могло бы составить достойный ответ вызовам вывихнутого века). Опыт борьбы с опустошающим временем и с самим собой, с пустыней опустошения в своем внутреннем мире и в своей личной бытийной сфере — это очень горький опыт. Отсюда ирония, сарказм, гротескные, сюрреалистические образы (весьма узнаваемые):

Железным этот край казался,
Но древоточец правду знал...

...

Гнилой колодой на дороге
Лежит страна, которой нет.

...

Прочитанная в детстве сказка о добром гноме
Каждый раз оказывается мифом про людоеда-карлика.

И сколь же убийственна самоирония:

Самозабвенность — славянское счастье. Иначе как
объяснить, что все до сих пор не сошли с ума мы.

Таков антитезис, данный в книге «Пустыня», где подводятся итоги минувшего века, где производятся окончательные расчеты с прошлым:

Жили чудовища в своих страшных пещерах-странах
в прошлом веке, которому нет примера.

Но прошло короткое время, и начался, наконец, не календарный, настоящий XXI век. Новая эпоха потребовала, чтобы был сформирован в духе и истине и сформулирован в поэтическом слове ответ на вызовы исторического и духовного катастрофизма. Этот синтез, этот ответ — в книге «Концепция света». Книге о нашем времени и нашем безвременье, о тревоге, которая живет с поэтом, о предчувствии скорбей и свершений, о памяти и прошлом, о «слоистом пространстве», которое «все меняет и ставит свои витражи», о том, как «распыляются молекулы времени на лету», как «в горечи вечной мгновение тонет», как «в тайном скрещении небесных дорог / вдруг пробивается тропка земная».

В эти столь хорошо знакомы нам дни, на переходе от времени к безвременью, человеку духа впору было застыть в оцепенении, в отчаянии, в безнадежности. Но поэт (а вместе с ним и адресат его стихов, и читатель) устремляется к любви, к любящему, к любимому «в отважной бессмертной тоске». Устремляется, хотя и мир этот, и наше положение в нем, да и наше состояние таковы, что порою думается: «И душа теперь вовеки веков до себя не дотянет».

Однако тоска и отвага поэта, его тревога и вдохновение, любовь и память вызывают к жизни энергию духа и творчества, возбуждают стремление, вопреки господствующим тенденциям современности, постичь, запечатлеть, передать через поэтическое слово то, что важно, дорого, существенно.

«Жизнь символична, потому что она значительна», — писал Б. Пастернак. Поэзия неизбежно становится символичной, если она стремится передать значительность жизни.

В лирике И. Захаровой, безусловно, присутствует стремление схватить и отобразить значительность бытия — исторического и космического, значительность человеческой судьбы, значительность внутреннего мира, духовной жизни личности. Она живет «в своем безжалостном краю», но живет, как ею сказано, *упрямо*. И держит ее в этом упрямстве ее горькая память, в которой оказывается «так много света», способность увидеть, как «звездная сверкающая пыль / веков вдруг засияет под ногами», как «минуты нанизываются на спицы пространства», держит присущий ей «инстинкт свободы — дар нелепый», держит все то, что она называет «концепцией света».

Переживаемое поэтом бытие — это наше настоящее, наше недавнее прошлое, судьба личности в мире, судьба народа в истории. Значительность здесь неизбежна, поскольку поэт проходит душою и сознанием через эти космические провалы, геологические и исторические разломы, через катастрофичность бытия, которая, как и любовь, «никогда не перестает».

И. Захарова всем существом своим знает, что такое «черного времени черные дыры», знает, как это было: «И на глухих боло-

тах черные годы жили». Она неоднократно устремляла взгляд «на обломки старого мира». Она знает, что непреодоленное прошлое, как тот самый орел, из своих когтей не станет отпускать нас, свою добычу. Знает, что в этом нашем нынешнем мире, вопреки А. Блоку, «и возможное невозможно», чем мир нашего безвременья отличается от миров и эпох, когда цивилизация и культура господствовали над хаосом.

Отсюда так легко прийти к заключению: «В безнадежности нет обмана». Так естественно сказать: «Печаль — основа всей вселенной». А ведь сумма неразрешимых экзистенциальных проблем, вставших перед поэтом, далеко еще не исчерпана.

На эти вызовы рациональных ответов нет. Автор и не ищет их. Ответ поэта надо искать в поэтике его лирики, в живом бытии его поэтического мира. Вот ключевое для книги стихотворение, расположенное в центре ее композиции:

Какой кромешный свет!
Такой бывает темень.
Страшнейшее из бед —
податливое время...

Все лепится легко,
как будто бы из глины.
До Бога далеко —
и память так невинна.

Но где-то в глубине
твой дух сомненье точит.
И тени на стене
слагают образ ночи.

За этим текстом стоит пространство бытия, исторического и метафизического, пространство духовного мира — и еще нечто, невыразимое, невоплотимое, но интуицией схватываемое. В этом и являет себя символичность этой образности, приверженность автора к неосимволистской традиции.

Присущая И.Захаровой поэтика символичности берет от символизма главное: стремление вырваться из оков детерминизма — физического, биологического, социального, прорваться к запредельному, к невозможному и немислимому, но крайне необходимому, т. е. к трансцендентному — в себе, в бытии, в сверхбытии, прорваться к Смыслу, к Логосу. Прорваться, потому что это необходимо, ведь разрушительным тенденциям окружающего мира может противиться только укорененная в невыразимом — иррациональная («нелепая»!) воля к свободе, свету, правде.

Особенно это актуально в нашем временном интервале, напоминающем «доисторический кошмар», когда «все саблезубы и опасны», в нашем межвременье, о котором с горечью сказано: «Настоящее — это ежесекундная плаха».

Для И. Захаровой поэтика символичности это не рациональный выбор, не теоретическое решение. Это органическое свойство ее поэтического мышления, это суть ее личностной и творческой экзистенции. Не случайно ей так близок А. Блок третьего тома

и «Возмездия». Ведь с ее точки зрения его образный язык стал языком позднейшей поэзии.

Но главное, он оставил завет: значительность (или по слову о нем того же Пастернака) «настоятельность сказанного» — вот прямое назначение поэтической речи. Он оставил духовный опыт, в первую очередь опыт духовной стойкости. С него, а вместе с ним и с не менее любимого И. Захаровой Н. Бердяева, началось то, что она теперь закрепляет в афористичных строках:

Я узница своей же воли,
своей свободы непреклонной.

Исходя из этих предпосылок, как из начальной точки своего пути, И. Захарова, перерабатывая материал собственного экзистенциального опыта, закономерным образом формирует свой модус восприятия, переживания и осмысления бытия, которым обусловлено появление в книге соответствующих тем, проблем, мотивов.

Тут есть естественно возникающий в современном сознании эсхатологизм. Тут есть поэтическая философия времени, философия истории, ищущая разрешения неразрешимых проблем современности в большой исторической перспективе. Есть столь необходимые в состоянии безнадежности религиозные созерцания. Есть погружение в антиномии внешнего мира и внутреннего бытия личности. Особенно характерны и естественны для автора — порою по понятным причинам мучительные — рефлексии на тему времени, соотношенного с вечностью и памятью, историей и судьбой. И все

это в сфере действия важнейших экзистенциалов человека — духовности, ответственности, свободы.

Но главное — атмосфера книги, в которой драматизм и трагизм бытия взрываются разрядами, наполняющими ее пространство светом и духовным озоном.

Пространство культуры и поэзии, пространство истории и внутреннего мира поэта, пространство, в котором «дух веет, где хочет», в котором, значит, можно дышать, хотя бы когда он дохнет на тебя, — вот то, что дает возможность жить человеку культуры, автору и его читателю.

Поэт, выполняя свою миссию, не только фиксирует данность значительного в своей трагичности и неразрешимой проблематичности бытия. Поэт устремляется к невыразимому и непостижимому, увлекая за собой читателя, чтобы он внутренним взором увидел то, что для нас, с нашим прошлым, с нашей памятью, в наших условиях (да и в любых иных обстоятельствах, может быть) недостижимо, но столь настоятельно необходимо, так может к себе тянуть душу, что она когда-нибудь все-таки хотя бы *до себя дотянет*.

Исходя из цельности поэтического мира книги, читатель сохраняет (а если утратил, обретает вновь) эту, и не только эту надежду:

Ранняя Пасха без листьев и трав.
Божья печаль и весенняя влага...
Время уходит, у нас отобрав
горстку тоски. И дарует отвагу

Снова глядеть в отрешенную мглу,
вечную помнить вину перед Богом...
В этом земном неприютном углу
месяц сверкает серебряным рогом.

Сам по себе такой синтез прекрасен. Но он очень скоро оказывается промежуточным итогом. Жизнь не останавливается. Начинается новый виток исторического бытия, новый этап существования поэта в истории.

Новые стихи И. Захаровой — очередной тезис. Все опять узнаваемо, опять стало горьким слово любовь, опять стало тайным слово свобода. Надо думать, потому, что

История ходит кругом,
и, возвращаясь вспять,
тем же железным плугом
хочет наш мир вспахать.

И опять вспоминаются декабристы, потому что снова у нас «небо в клетку, а в клетке свобода». Прямое слово открывает нам: «Мы в катастрофе родились, живем мы в катастрофе». Отчаяние говорит: «Нам не вырваться из этого замкнутого круга».

Но мысль остановить невозможно, и она схватывает: «Это времени зигзаг нелепый»; «время вяжется наизнанку и наоборот». То есть — наблюдаемое вне нормы. Наблюдаемое — вне закона, во всяком случае, закона Божьего. Это люди придумали миф о вечном

возвращении, чтобы обесмыслить противление и сделать нас рабами. Это языческая доктрина, это варварство. Потому-то и говорит поэт: «История вертит свой варварский круг».

Но с точки зрения Божьего закона по кругу нас водит дьявол. И, значит, для того, чтобы история двинулась дальше, мы должны разорвать этот круг. Такова миссия человека истории, такова миссия, которую выбрал для себя поэт, смеющийся сказать о себе: «Я горькой свободы дочь». Таков нынешний тезис, выдвинутый поэтом, таков ответ человека истории на вызов времени:

В чреде времен наш миг такая малость,
Что видим свет мы, несмотря на мрак.

Виктор Маринчак

Из книги

Т И Ш И Н А

1977–1982

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Мой горький Бог, уже на землю дня
Роняет вечер лепестки заката.
Пригрелась боль, и ветер пахнет мятой.
Всю память мира ты мне дал когда-то,
Так помолись, о Бог мой, за меня.

* * *

Мир переписан от руки,
Но в слове «свет» была ошибка —
И потому пространство зыбко,
И дней привяли васильки.

А в облаках темна вода
И вечны тайные чернила,
А мы все пишем то, что было,
О чем не знали никогда.

И в ученичестве своем
Живую суть приняв за слово,
Решив, что в мире все не ново,
В ошибке, как в грехе, живем.

* * *

Игру минут мы назовем судьбой.
В мою печаль чужой мотив вплетется,
И день, как шут, на грани тьмы смеется
И желтый плащ волочит за собой.

И никогда мы не узнаем дом,
Где время наше празднует рожденье
И дарит нам земных часов биенье
И вечной сказки нераскрытый том.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КАРТИНА

И время как веретено
Прилежно тянет нитку страха.
Дождь целый день стучит в окно,
И мокнут дом, собор и плаха.

Но не дано мне, как на грех,
Прясть вековую паутину.
В горячих пальцах мну я глину,
Чтоб новый мир слепить для всех.

По окнам пробежали тени:
На плаху грешника ведут.
В немом созвучии рождений
Освободится он от пут.

Успеть бы мир слепить сначала,
Еще до взмаха топора...
Но чья там голова упала
Сегодня, завтра и вчера?

МИХАИЛУ ЛУНИНУ

Минувшей были полумгла,
Где нас столетье разлучило.
Я от рожденья Вас ждала,
Я от рожденья Вас любила.

И звезд крупницы солонны
В ночи глухой и отрешенной,
И снег Сибири, опаленный
Дыханьем ветра и вины.

Все Ваши сны мне снятся вновь
Такой же ночью без исхода, —
И слово горькое — любовь,
И слово тайное — свобода.

Везде и всюду тот же снег,
И солнце кружится слепое,
И с той же вечною тоскою
Я вижу, как уходит век.

* * *

Склонилась солнца голова
На плаху желтого заката,
Беда свою поставит дату,
И боль оденется в слова.

Что нам в ушедших временах?
Но острием смертельной муки
Очерчен круг земной поруки,
И в нем, как пламя, пляшет страх.

* * *

Гнев, о Богиня, воспой
Ахиллеса, Пелеева сына...

Живая суть под скорлупой стиха,
Как яростный птенец, на волю рвется.
Над омутом беды душа взовьется
И не поймет ни страха, ни греха.

Какое слово перескажет боль?
В каком дыму глухим векам отрада?
На сцене мира каждый миг награда,
И каждый помнит, что не вечна роль.

Но шелест крыльев легкий и глухой,
И замирает горькая потеха,
И древних ритмов оживает эхо,
И памяти медлителен прибой.

ГОРОДСКАЯ СИМФОНИЯ

Г. О. Алтуняну

*

Утихнет ветер на закате.
И, отстранившись, высота
Напомнит миру о расплате
Чертами тонкого креста.

Но город — шут в цветном наряде,
Забыв часов тревожный бой,
Кружится в странном маскараде,
Меня таская за собой.

Легко кружиться, сердце вынув,
Но вдруг увидишь невпопад:
Глухим стыдом горит рябина,
И бледен от стыда закат.

*

Сын на моих руках уснул,
И музыки прозрачен лепет,
Но боль свое пространство лепит,
И всех ветров доносит гул.

За нашей хрупкой тишиной
Уже в свои права вступила
Чужая призрачная сила,
Но ты со мной, мой сын, со мной..

*

И в чутком сумраке ночном
Есть шепот тайного страданья,
И ни природы, ни названья,
Лишь ветер бродит за окном.

Горюет кто в уютной мгле,
Где даже свету сладко спится?
Что может в мире приключиться,
И что случилось на Земле?

Но безответен ночи вздох,
И навсегда я виновата,
Что моего оставят брата
Без этих горьких звездных крох.

*

Со мной мой город не знаком,
И я с ним больше не знакома.
Как беззащитен был твой дом,
Как одинок ты был вне дома.

И стерегла беда зарю,
И в зимней горечи капли
По ноябрю, по декабрю
Как в пустоте, шаги звенели.

Из окон вырывался свет,
И звал, и падал мне под ноги.
Но не было к тебе дороги...
А вот уже и света нет.

*

Недугом тем же я больна,
Которым все больны в России:

Своя неволя — не вина,
И каждый сам себе мессия.

Стыда трепещущая плоть
Мне с детства сердце заменила,
Но отдал звезды мне Господь,
Но даль ветрами заманила.

Тоскою скованный простор,
Зачем ты мне всего дороже?
И день сверкает, как топор,
И ночь прийти в себя не может.

В стыде отвагу обрести,
Родного не щадить порога.
Нам крест один на всех нести,
И каждому — своя дорога.

*

Все о тебе, весь день с тобою,
Во мне живет твоя беда,
И тем ли сердце успокою,
Что нынче в мире, как всегда,

Что люди людям чашу боли,
Не дрогнув, поднесут к губам,
Что зерна душ в крутом помолё
Сотрут, и вечность сунут в хлам?

Я так за все века устала,
Язык страданья так же нем.
Мой Бог, построй свой мир сначала
Или разрушь его совсем!

*

Вдохну спросонья воздух горький,
И сны растаявшие жаль.
А снился мне другой февраль,
Где свет не стыл колючей коркой,

Где в наше белое окно
Летела ветреная вьюга,
Где не ждала неволя друга,
И это было так давно...

Я в этих днях теперь, как рыба
В солено-горькой тишине.
Беда вокруг, беда во мне,
И только снам за все спасибо.

*

Этой белой тоске, как метели, не видно конца.
И секунд кутерьма, и беды потаенное соло.
Всей нелепостью мира оплавлены наши сердца.
И не трогает души священное право глагола.

Знаю, как Вам помочь, о мой друг, моя вера и боль.
Пусть летать не умеет бессильем рожденное слово.
В сердце ярость и свет, а губам остается лишь соль,
Но и солью земной будем живы мы снова и снова.

Что же делать нам всем, если люди забыли слова,
Но запомнят века то, что ветру сейчас я сказала:
В книгу жизни вольется и Ваша живая глава,
И неласковый Бог поглядит на страницы устало.

*

И снится мне, что я иду
По снежной замершей равнине,
И все в тоске по свету стынет
Душа, рожденная во льду.

Времен тяжелый перезвон,
Где каждый миг — звено из цепи.
Что в мире больше и нелепей,
Чем этот вечный русский сон?

Любимый и жестокий край
Тяжелые прикроет веки
И видит сон о светлом веке,
И всей душою хочет в рай.

Но повстречавшись наяву,
Мы сны друг другу не прощаем.
Все так же рай необитаем.
Все в том же холоде живу.

*

На смерть О. П. Алтуняна

В набежавшую тучу укрылась от ветра заря.
Не видать тебе солнца, мой город, Иуда и грешник.
В середине весны наступает конец ноября,
И средь голых ветвей одинок и бездомен скворешник.

Город, предавший Сына, сегодня хоронит Отца,
В ритуале земном пересечены накрест дороги,
И бумажный венок, и горячие иглы венца,
И одной тишиною укрыты гробы и остроги.

Тридцать звонких монет уплатил себе город вперед,
Чтобы мертвых своих помянуть на положенной тризне.
И навеки сковал эти улицы каменный лед,
И холодное небо не дарит ни света, ни жизни.

* * *

Мой друг Мефистофель,
Нам тяжело вдвойне.
Очерчен твой профиль
В небесном окне.

Ты тень у добра —
Я же тень у души,
Все вечные споры — пора! —
Разреш!

Кто в мире заметит
Твое искушеньё?
На оклик ответит
Лишь ветер осенний.

В лимонном свеченьи
Неоновых луж
Плывут отражения —
Тени без душ.

И сам уже пленный
В кольце пустоты,
Мой враг неизменный,
Что маешься ты?

Быть телу лишь тенью
Живого огня.
Что наши сомненья!
Их нет у меня.

* * *

Мы глубинные тихие рыбы:
Воду времени тронь плавниками —
Воды мира бушуют над нами,
И веков осыпаются глыбы.

Тонут дней золотистые лодки
И груженные звездами ночи.
Каждый миг из грядущего соткан.
Каждый миг до рожденья просрочен.

Наши губы с младенчества пили
Эту горькую воду столетий.
Мы беды первородные дети.
Тени дней, что когда-то остыли.

* * *

Земное время — талая вода.
Зерно души живет в глубинах боли,
И прошлого еще белеет поле,
Где вы без нас остались навсегда.
Мои живые — мертвые на миг, —
Как руки мира вас не удержали?
В высоком дне горит свеча печали,
И в тишину бесшумно канул крик.

ПАМЯТИ ДЕДА

*

Пусть красная рябина дня
И черная рябина ночи
В молчаньи станут у обочин,
Земную память сохраняя.

Я наклонюсь к истоку лет,
Умоюсь горькою водою.
Ты ранней вел меня тропюю,
Но не найти знакомый след.

*

Тебе ли этот отдых
От света и труда?
Еще дрожала в ведрах
Вчерашняя вода.

И колокольни кленов
В себе таили звон,
И медленно по склону
Сползали зори в сон.

Венки забытых весен,
И ленты белых зим...
Закутывает осень
Твое надгробье в дым.

А мир так чист и светел,
Что не согреть души.
Лишь молча бродит ветер
И плачут камыши.

ПОСЕЛОК ВЫСОКИЙ

Сестре Маше

*

Закрой калитку за собой,
Там сны и тени...
Уткнулось солнце головой
Земле в колени.

Нам, здесь рожденным, уходить,
Им — оставаться.
Себя вовек не повторить
И не дозваться.

Одной мы призваны судьбой
Из тьмы зачатья.
Закроем память за собой
Одной печатью.

Чужим не видеть наши сны,
Не спутать тени.
Здесь только мы обручены
Кольцом видений.

*

Моей тоски сухой песок
Засыпал лунную дорожку,
И тихая промчалась кошка
Сквозь старый сад наискосок.

Там в шумных кронах детских грез
Минуты, как черешни, зрели,
И легких дней моих качели
Сбивали гроздь синих гроз.

*

Печаль очерчивает круги.
Она, как циркуль, обвела
Фрагмент февральской нервной выюги
И предвечерний блеск стекла.

Весь мир горит на углях белых,
Уносит ветер легкий прах.
Я помню запах дров горелых,
И я — у деда на руках.

Я помню сонное движенье
Какой-то тени за окном.
Как снег, осыпались мгновенья
На светом выбеленный дом.

*

В белом мареве раннего детства
Оплывают грядущие зори,
И души вековое наследство
Первобытно и горько, как море.

Пел петух, и набухшие двери
Трудно было открыть спозаранку.
До весны, до вины, до потери
Лишь далекий призыв полустанка.

Каждый день свои «поздно» и «рано»
Приносил мне еще до рассвета.
Как на дне золотого стакана,
Я в луче забытого света.

*

Где белый полдень воскресенья?
Где детства чистая вода?
Там, мимо зелени селенья,
Бегут в пространство поезда.

Земное, зыбкое движенье
Совет дорог тугую нить,

Ее одну со дня творенья
Не оборвать, не повторить.

Забыты сны, забыты цели,
И пересказана тоска...
А вдоль дорог все те же ели,
И в ту же даль течет река.

* * *

Благодарю тебя, мой Бог,
За совершившееся чудо,
За реку снов из ниоткуда,
За прочерки пустых дорог.

И тайны вечное сиянье —
Причина звезд и гроз глухих,
Как бережно ее молчанье,
Как воздух предрассветный тих...

Пусть над Землей сомкнулась тень,
И век, как свечка, оплывает,
Пусть ветер с ветки не взлетает —
Я знаю — ясным будет день.

* * *

Я заклинательница дней,
В моих словах сухая сила.
Лучей горячие стропила —
Опора памяти моей.

И я живу у алтаря
Не мною созданного света,
И мне вопросы без ответа
Приносит каждая заря.

Родился новый день во тьме —
Лишь эту истину я знаю,
И первый отблеск различаю
В глухой и горькой кутерьме...

* * *

Кольшет ветер зыбку дня,
Запеленала время вьюга.
Под снегом сонная округа,
И нет дороги для меня.

В тоске свернешься, как в постели,
Огонь в душе не развести.
От колыбели — до метели,
А дальше некуда идти.

* * *

Е. З.

Разделим сон — как делят горький хлеб,
Ты ветхой тишиной мои укутал плечи.
На улицу уже выходит вечер
И запирает окна всех судеб.

Мы не услышим ветер из полей,
Мы не увидим, как река смеется,
Но под крыло души твоей забьется
Моя душа. И будет ей теплой.

* * *

1

Все оставалось, как всегда,
И только ветры онемели,
Когда грядущий день отпели,
И Вифлеемская звезда
Падучей сделалась звездой.
Но кто же скажет нам с тобою:
«Оставь надежду навсегда»?

2

И ни на шаг мы не ушли
От старых истин и вопросов,
Застряло время на мели
Среди молчанья зыбких плесов.
Все то же небо без глубин,
И так же призрачно движенье...
Мой друг, ты слышишь ветра пенье
Мой друг, ты можешь быть один?

Забыли памяти поля
Кочевье наше вековое,
Здесь даже Каин на постое,
Здесь спят немые тополя
Над серебристою травюю.
Какая тихая Земля,
Мой друг, досталась нам с тобою.

* * *

Как аукнется — так откликнется.
Не поднимется ил со дна.
И с немymi жильцами свыкнется
Многослойная тишина.

Мир глядится в пустое зеркало,
И заката запекся рот.
Вас неволя не исковеркала,
Но и воля вас не берет.

Вечной жертвы святое правило —
Слепоты просветленный дар.
Что же вас разбудить заставило
В наших душах такой пожар?

* * *

Надели истин власяницы
И взяли посохи забот.
А что за всадник мимо мчится?
Вчерашний день? Грядущий год?

Черствее хлеба стало слово,
И память — легкая сума.
Все так не вечно и не ново,
И смотрит даль в себя сама.

* * *

От веков ни отдыха, ни прока, —
Только помни все наперечет.
Под зеленым знаменем пророка
И под красным время протечет.

И волной о камень будет биться
Вечная и темная вода,
Но опять из той же мглы родится
И протянет тонкий луч звезда.

Разобьются страны, как кувшины,
И потомки, черепки собрав,
Слепят мир из той же самой глины,
Как и раньше «смертью смерть поправ».

* * *

Янтарь тоски в твоих глазах.
Сехмет потрянула рыжей гривой.
Горит огонь ее ревнивый.
Минуты обращая в прах.

Нас кружит хоровод гробниц,
Где мы с тобой живые фрески.
И мирозданье ставит пьески
Под шелест будущих страниц.

О, как нестрашен бранный Рим
Тому, кого пленило время.
Заманчивой неволи бремя
Отбросим вмиг — и вмиг сгорим.

* * *

Вдруг разорвав пространство снов,
Упало яблоко средь ночи.
Мой день вчерашний был непрочен,
А день грядущий не готов.

Мир между мигом, между делом,
И между телом и душой.
Подол мой полон яблок спелых,
Зачем-то собранных тобой.

* * *

Мне проще с ним — вам проще с нею,—
В дорогу, милый пилигрим.
Свое пространство мы творим
Не как хотим, а как умеем.

Мой тихий друг, моя печаль,
Мы столько снов не досчитались,
Над нами ветры посмеялись,
И зим осыпался хрусталь.

За белым маревом вины,
За черным призраком дороги
Нас ждут остывшие пороги,
Которым мы обречены.

* * *

И корень зла уже искать не надо,
И боль, как дым.
Нам друг на друга посмотреть — награда.
Но не глядим.

Запутал ветер серых ливней пряжу,
И мокнет сад.
Тебя шутя я назвала пропажей,
И невпопад.

В воде тоски ворон немая стая,
А тонут врозь.
Я думала, что мы с тобой летаем.
Не довелось.

* * *

Сложила песню я тебе,
Но пела я ее другому.
Была ровна дорога к дому,
Но не верна твоей судьбе.

Мгновений порванные четки
Ты тербил еще спеша,
Но грани улиц были четки,
И в плоскость вписана душа.

И, пленник собственных строений,
Ты — слепок прежнего лица
Оставил мне для сновидений,
Которым нет и нет конца.

* * *

О любовь моя, горькая мята,
Я узнала тебя невзначай.
Дети шли, и шагали солдаты,
И движенье текло через край.

Город слеп в нахлобученной туче,
И отчаянно-красный трамвай
Все дразнил меня звоном певучим:
«Поспевай, поспевай, поспевай!»

Но трамваи, солдаты и дети
Обогнали меня на ходу...
Ничего, я одна в целом свете.
Постою, и домой побреду.

* * *

Поговорить и посмеяться,
Узнать часов зовущий бой...
О, как легко теперь прощаться!
Мой милый друг, где мы с тобой?

Вот город на ветру танцует,
И нашей боли вопреки
Нас заморочит, заколдует
День без печали и тоски.

И мы сойдемся мимоходом
На перекрестке длинных лет.
Вчерашним дням и талым водам
До нас сегодня дела нет.

* * *

С утра хлебнув из водостока,
Раскиснет к вечеру зима.
Мы захмелеем ненароком
И вместе с ней сойдем с ума.

И нам теперь одна отрада —
Себя не помнить и не знать,
Когда часы нам — не преграда,
И в безвременьи — благодать.

И в безвременьи тихо капли
По стенкам радужным ползут,
И сам ты, в их движенье вкраплен,
Не видишь гаснувших минут.

* * *

А вечер грел над свечкой дня ладони.
Янтарным соком полон был покой.
Я вылила его своей рукой,
И серых лет перелистала сонник.

Мне толковать несбывшиеся сны,
Настоем трав поить больное счастье,
Когда его минуты сочтены,
А мир найти к нему пути не властен.

Молиться о победе устаю,
Молиться о пощаде не пристало.
Так дай мне, Бог, в конце искать начало,
И в темной силе светлую струю.

* * *

Оазис в горестной пустыне —
Черешни отрешенный цвет.
Кто здесь старается донине
Отцовский сохранить завет?

Как будто бы вчера Иаков
Здесь гнал стада на водопой.
Мир так же прост и одинаков
С его весельем и тоской.

На солнце греется старуха,
Пчела качнулась на стебле.
И тополя бормочут глухо
О том, что было на земле.

* * *

Словно капля, луна висела
На мохнатой древесной лапе.
Я бродила по водам белым
В царстве древнего Хаммурапи.

Я будила гусей крикливых,
Я из глины лепила лица.
Разве знала я в час прилива,
Что морозный мне сон приснится?

Даль стеклом оказалась тонким,
И застыли узоры были.
В законной глухой сторонке
Бродит ветер по снежной пыли.

* * *

Покорна пальцам глина,
И вечен труд Богов,
Земная сердцевина
Своих не знает слов.

Мы мир слепить готовы,
И снова глиной стать,
Чтобы живое слово
Немым векам отдать.

* * *

И мне б, над пядями склонясь,
Ремеслам древним научиться,
И за водой ходить к кринице,
Где травы никнут, серебрясь,

Но снов томительная вязь
Мне наяву все время снится,
И сердце выпорхнуть стремится
И петь, над буднями смеясь.

О праздник слова потаенный!
Теряет миг запечатленный
Над временем немую власть,

И хмель пространства голубого
Я пью отныне не боясь.
Мой Бог, в начале было слово.

* * *

Люблю того, кто дан мне Богом,
Живу, скучаю ни о ком,
И дразнит все меня дорога
Шершавым, влажным языком.

Скучаю так, как ночь по свету,
Как шумный день — по тишине,
И все, что манит жизнь эту,
Движеньем каждым близко мне.

Не в жизни — так в себе ты волен,
И голой ветке глаз мой рад,
Когда тоскою воздух болен
И белым паром дышит сад.

* * *

Сергею Грибову

На грани сна и маяты
Лиловый теплится багульник.
Пусть снятся мне твои черты,
Друг, богослов и богохульник.

О, гнева чуткая струна,
О, молния Ильи Пророка,
Тобой навек покорена
Земная сонная морока.

Отец ты ритму или сын,
Рожденный собственным созданием,—
Ты так двулик и двуедин,
Как вдох и выдох мироздания.

В отмеченном тобой кругу
Немеют наши пасторали.
Твой гнев верней моей печали,
Но чем помочь тебе могу?

* * *

Сергею Грибову

Мой город будет знаменит в миру.
Твой тайный пир несет ему похмелье
За то, что серой окрутил метелью
И душу стыть заставил на ветру.

Тебя своим он пленником считал,
Сжимал он улиц тесные объятия,
И посылал мгновенья рать за ратью,
А ты ряды их сомкнутые рвал.

Но сам тобою он давно пленен.
И, сняв с него бесславье, как заклатье,
Ты дал ему твоей тоски распятые
И вечных ритмов колокольный звон.

* * *

В душе навек заключена
Глухая жажда совершенства:
Единый миг достать со дна
И спутать горе и блаженство.

Пространства яростная власть,
Неволя памяти горячей.
Слепой, как все, я родилась —
Зато мне мир достался зрячий.

* * *

Вовек служить не будет дух
В земной обедне.
За то, что Бог к молитвам глух —
Сожгите ведьму!

Лишь тело лунное мое
Прольется в пламя —
Сорвется с веток воронье,
Смеясь над вами.

И лягут тени прошлых бед
На ваши лица.
Что с нами было сотни лет,
Что вновь случится?

Здесь данный каждому предел
Бессилье множит.
За пыл и пепел наших дней
Прости нам, Боже !

* * *

В сплетеньи напряженных вен
Дороги тайна вековая.
Живет в нас обреченный ген
Супругов, изгнанных из рая.

Какой тропею ни пойдя,
Душа другую песню спрячет.
Мы век оставим позади,
Решив, что дальше все иначе.

Но вновь родившись, и опять
Даль разбудив в крови тревожной,
Мы будем вечно выбирать
Лишь то, что выбрать невозможно.

* * *

Давно пришел земной успех,
Послушно стадо.
Но так же первороден грех,
Мой Торквемада.

О, инквизиторская честь,
Где прах — награда —
И все останется как есть,
Мой Торквемада.

Одна нам истина дана,
И в недрах ада
Одна на всех лежит вина,
Мой Торквемада.

* * *

Вы — пламя темного костра,
Вы — Божье имя,
Вы — наше вечное вчера
В грядущем дыме.

Здесь каждый тополь опален
Пожаром синим.
Но на вершине всех времен
Белеет иней.

И вновь сгорите вы дотла
В тоске высокой.
Но так же будет даль светла
И одинока.

* * *

С. Г.

Лежала мумия в гробнице.
К ней помолиться тек народ.
Но кто посмел остановиться
И время пропустить вперед?

Кто против темного течения
Одежд и лиц пустился вплавь?..
Забудь жрецов глухое пенье
И тайный жертвенник поставь.

Пусть одиночества лампада
Горит под сводом высоты, —
Нам суждена одна награда, —
Свободна я, свободен ты.

* * *

Рабами предки не были мои
Ни в Риме, ни в Египте, ни в России.
И мне знакомы тропы вековые,
И хрупок плен привычной колеи,

Но Севера печальное чело
Избороздили ранние морщины,
Он подарил мне детских лет тепло,
И дал душе закон Отца и Сына.

И не уйти от зыбких тополей,
Во тьме горит моей тоски лучина,
И с каждым днем я повторю верней
Земной закон, закон Отца и Сына.

* * *

В клубке племен моя двойная нить,
По Аврааму плачет Ярославна.
В ковчеге дня до суши не доплыть.
Кибитку ночи сон качает плавно.

Я — дней забытых горький пересказ,
Египта пыль на Куликовом поле.
И только Бог, собою недоволен,
На всех на нас не поднимает глаз.

МОНОЛОГ ВЕДЬМЫ

Забыли вы костер зажечь
На площади пустого неба.
Смотрите же, кого испечь
И с кем сыграть на корку хлеба.

Мой Бог высок и нелюдим,
Я вашим — нищим — не молилась,
И небу верная, как дым,
Лишь к темным звездам уносилась.

Быть искрой горнего огня
В волне извечного прилива.
Вам не пройти по склону дня —
Там жгучих слов моих крапива.

* * *

Неспешно вечера течение
В размытом русле облаков.
Нам день в момент самосожженья
Подарит вечности покров.

И над татарскими степями
Оседлый курится дымок.
Но память вышитое знамя
Для всех для нас готовит впрок.

Какие сны, какие раны
Несет зачатая злая власть?
И в колыбельках Чингис-ханы
Пьют молоко и плачут всласть.

Детьми оплаканные зори
Пойдут под нож других времен.
Полынь, песок, печаль и море —
Татарский первобытный сон.

* * *

Солнца щит на небесных вратах.
Мы стоим у ворот Цареграда.
Но зачем нам земная награда
Там, где все превращается в прах?

И — опять мы играем отбой.
И победа нам давит на плечи.
И без нас соберут свое вече
Эти ветры в дали голубой.

И пройдут и снега, и дожди
Мимо нас, не любя и не глядя.
О единой прошу я награде:
От побед нас, Господь, огради.

* * *

Муравьиная Азия мой растревожила сон.
Давней русской бедою решили века поделиться.
Тот же ветер сухой, тех же трав обреченный поклон,
И у конского черепа вещая правда в глазницах.

Муравейник кипит и вскипает тяжелой волной,
И на гребне времен оживают и пенятся строки.
На страницах Земли не дописан единственный бой,
Вот уж тысячу лет нам его обещают пророки.

Ну, а здесь как всегда петухи окликают зарю.
Доордынского утра молочная нежная спелость.
Но опять и опять я забытой виною горю
И бессилье терплю, и за тысячу лет притерпелась.

Из книги

« З И М Н И Е С Н Ы »

1983–1987

* * *

В начале жизни есть село
Среди полей над мелкой речкой.
Там семь сверчков поют за печкой —
Семь дней, что дарят нам тепло.

Там детства желтое зерно
Хранит украинское поле,
И в этот свет, и в эту волю
Мое дыханье вплетено.

Там живы все и навсегда.
Там всех встречают на пороге.
Но сбиты в кровь босые ноги
У всех, кто ищет путь туда.

* * *

Тот, кто родился в начале двадцатого века,
К старости трудной доплыл на дрейфующей льдине.
О, никогда не научит Нерона Сенека
Видеть в пункте оборванных жизненных линий

Собственный путь, что когда-нибудь так же прервется.
Мир под ногами невиданно хрупок и тонок.
Но в двадцать лет моя бабушка звонко смеется,
И из кровати к ней тянется сонный ребенок.

ЗИМНИЕ СНЫ

*

Умолкла тревожная скрипка,
И весел случайный мотив.
В замок превратилась улыбка,
Беду в моем сердце закрыв.

И тени тоскуют о плоти,
Бессонница мучает сны,
В полете, в полете, в полете,
Как птицы, надежды видны.

Далекое сонное поле,
Недавняя память утрат.
На волю, на волю, на волю
Надежды, как птицы, летят.

*

И дремлют тихие снега,
И темен лес крылатый.
Какому свету берега?
Какой печали — дата?

И мелом выбеленный день,
И старая осока...
Над сонной тайной деревень
Восходит день высоко.

И горьким куполом покрыт
Весь мир, что с детства знала.
Одна струна звенит, звенит
И так душа устала...

* * *

Я устала любить. О, как сердце мое тяжело!
Это темная жалость его до краев наполняет.
Словно вечное время мне разом на плечи легло
И грустить обо всех, и жалеть меня всех заставляет.

Я к усталости этой привыкла и с нею живу.
И легко, и светло этот мир мне себя открывает —
То подарит мне реку, то пса, то сухую траву,
Лишь тебя мне всегда, и везде, и во всем не хватает.

* * *

О, нет души, ты прав,
Есть только сердце света.
Из всех земных отрав
Зачем ты выбрал эту?

Наш спор забудь, забудь,—
Все сказки равноправны.
Изменчивая суть
Нам не изменит в главном.

И в круговерти лет,
Пути не выбирая,
Один мы видим свет,
Душа моя родная.

* * *

Вода в сиреневом кувшине,
Как ночь, прозрачна и темна.
Здесь я стою посередине
Пустого комнатного сна.
Я жду отчаянно кого-то,
И кто-то так же ждет меня,
Но даже в сон вошла дремота,
И мыслям здесь не до полета,
И дни мои не знают счета,
И лампе здесь не до огня,
И я уже не жду кого-то,
И он давно не ждет меня.
И скудных мыслей рвутся нити,
И не соткать мне полотна
Из тех дорог и тех наитий,
Какими жизнь была полна,
Когда она еще не снилась,
Ни мне, ни прочим и когда
«На мутном небе мгла носилась»,
И даль текла, и сердце билось,
И разбивалось навсегда.

* * *

Как отдают листву
Живому огню костра,
Горькую дань родства
Я отдаю тебе.
Нас оно прежде жгло
И не давало жить.
В странной моей судьбе —
Ты, как земная ось.
Прочее все прошло —
Братом или сестрой
Жить на Земле легко.
Только в твоих глазах
Вижу себя насквозь.
Боже, какой покой!
Вечер, как молоко.
Прошрое глубоко.
Прочее не сбылось.

ЕВПАТОРИЯ

*

Высота нам не дарит ответа,
Глубина в глубину уплыла.
Но из воска горячего лета
Лепит мир золотая пчела.

И горит, отражаясь в глубинах,
Высоты очарованный свет,
В двух зеркальных живет половинах
Вечный праздник, которого нет.

*

Полдня розовая крыша
Над кварталом караимов.
Мы не видим, мы не слышим,
Как века проходят мимо.

Под горячей этой кровлей
Жили мы в миру когда-то.
Морем, солнцем и любовью
Оживают снова даты.

Стали пылью под ногами
Наши каменные стены,
Разошлись в волне кругами
И победы, и измены.

А трехтысячное лето
Все рукой тяжелой гладит
Порыжевшие от света
Улиц шелковые пряди.

*

Этот город — как песочные часы, —
В днях прозрачных — золотистая струя,
Здесь одной песчинкой стала я —
Там, где море задремало у косы.

Только миг, который глубже всех глубин,
Только воздух — выше всякой высоты.
Здесь другой песчинкой стал и ты —
Мой горячий, золотистый сын.

Нам дана неведомая власть —
Измерять собою ход времен.
Вот волна лениво поднялась
И лизнула белый небосклон.

* * *

«Жена чужая», — скажешь мне, —
Чужая, верно, виновата...
Не по земле — так по луне
С тобою мы идем куда-то.

И невесомость нам далась
Трудней, чем прочие науки,
Но как душа к душе рвалась,
Когда мы отпускали руки.

Пусть эти лунные поля
Зальет Земля лиловым светом.
Там наши плачут тополя,
И наше там вздыхает лето.

* * *

О сплошное самосозерцанье!
Что увидел ты в своих глазах?
Так внезапна кара за всезнанье,
Так нечаян перед жизнью страх...

В глубину зрачков твоих случайно
Я однажды, тихая, вошла
И узнала отражений тайну:
Мы с тобой друг другу зеркала.

* * *

Я в эти глаза не хотела смотреть —
На сон моя нежность похожа.
Набросила осень прозрачную сеть,
И вырваться сердце не может.

На влажный песок осыпаются дни,
И листья горят под ногами.
О горькая осень моя, сохрани
Покой, не нарушенный нами!

* * *

Неужели все в жизни случайно?
Штора зыбкая, синяя мгла...
Никого никогда так отчаянно
Я на свете еще не ждала.

Но уже фонари-пилигримы
Принесли за плечами рассвет,
И дорога, бегущая мимо,
Мне сказала, что прошлого нет.

* * *

Этой музыкой светлой и зыбкой
Был наполнен тоскующий двор.
И, сверкнув, поднималась улыбка —
Твой умелый и точный топор.

Жертвы я и тогда не любила.
Я улыбку твою отвела.
И апрельское утро застыло
В отраженьи немого стекла.

Жертвы я не люблю и поныне,
Мне чужая душа ни к чему.
Для меня ты, как ветер в пустыне,
Где не нужен никто никому.

* * *

Я облик выберу любой
И уложусь в любые сроки,
И лишь тогда мы одиноки,
Когда расходимся с собой.

Чужая женщина — в свой дом
Иду знакомым переулком.
И в сердце холодно и гулко,
И я не помню ни о ком.

* * *

И зыбкий воздух, как вода,
Над суетой стоит вокзальной.
Разлуки нашей миг зеркальный
Все отражает навсегда.
Здесь оборвались провода,
И солнце вытекло на шпалы,
Но в том же круге дальний путь —
Конец прикинулся началом...
Увидимся когда-нибудь.

* * *

Нет надежд безнадежнее тех, что сбылись,
Нет любви безответней счастливой.
Нам с тобой не взлететь в заповедную высь
Воплощенной любви сиротливой.

Семь небес — семь квартир по четыре угла,
Золотистых минут паутина.
Но тебя я в открытом просторе ждала,
Где ветрами плескалась равнина.

Пусть надежды надеждами будут всегда,
Пусть сбывается то, что случайно.
Эти слезы — не в счет, эта боль — не беда,
И светла наша легкая тайна.

* * *

А время пахнет древесиной,
И свежий срез его смолист.
И все живет в минуте длинной
Зародыш речи — птичий свист.

И дали тонкая бумага
От длинных прописей чиста,
И льется солнечная влага
На плечи сонного куста.

Но губ твоих прикосновенье
Опять — начало всех тревог,
И плен души, и дня смятенье,
И узел спутанных дорог...

* * *

В ночном кошмаре раскололась явь,
И на полу желтела лужа меда.
И как оса, увязнув без исхода,
Я все на волю рвалась влет и вплавь.

А утро было целым, как всегда —
Я это сразу поняла спросонок.
Летала стая голубых пеленок,
И в трубах пела о своем вода.

Мир просыпался и горел в окне,
И обещал прекрасную погоду —
А мне казалось — я уже на дне
В янтарной и прозрачной толще меда.

* * *

Бредет слепой старик
Вдоль гулкой автострады.
Его беззвучный крик
Нам понимать не надо.

На слом — свое отжив,
Как стадо самосвалов,
Морочим свой мотив
Бетонов и металлов.

И каждый знает сам :
Букашку — на булавку,
А память — только хлам,
Негодный в переплавку.

* * *

Он смерти ждал, как почтальона,
Который пенсию несет.
На грани жизни застекленной
Уже дремал усталый год.

Уже чужими были дети
И не его горели дни,
А ночь, забрасывая сети,
Ловила редкие огни.

А он был сам за той чертою,
За тем единственным стеклом,
Где, оставаясь сам собою,
Смотрел на свой последний дом.

* * *

В горячей жажде фонарей
Весенний растворился вечер.
Когда печаль моя острей,
Глубокий миг открыт и вечен...

И в этот миг попала я,
Не угадав его значенья,
И темной улицы струя
Меня несет в своем теченьи.

Нам всем дано одно «сейчас»,
Но спит в грядущем свет вчерашний,
И знают каждого из нас
В лицо часы на старой башне.

* * *

Стань мертвой водою, живая вода!
Поля наших душ опустели.
Над черной землею гудят провода,
И дремлют старухи в постели.

И снятся старухам горячие сны,
И тают замерзшие годы.
И сходятся зимы к подножью весны,
И тянутся к Солнцу подводы.

Но внуки не помнят чужое тепло,
Которое мир не согрело.
Что было — то было, и мимо прошло,
И ветром в полях просвистело.

* * *

На дно горячих глаз
Навеки ярость спрячу.
Но буду я на вас
Теперь смотреть иначе.

И в призрачном кругу,
И в яблочке мишени
Я разглядеть смогу
Все контуры и тени.

Но знайте: целясь в вас,
Сама в себя стреляю.
И в каждом каждый раз
Живу и умираю.

* * *

«Уйти в бега, сойти с ума»
Я и на краткий миг не смею,
Когда тоскую и жалею
О чем не ведаю сама.

И вдруг в угаре золотом
Увижу — Солнце снова встало,
И открываю мир сначала,
Оставив горечь на потом.

А кто-то шьет мою печаль,
Лучей распутывая нити.
И больше всех других открытий
Мне солнца утреннего жаль.

И, как подсолнух, я тянусь
И слезы черные роняю
В полынь и пыль родного края,
И вдоволь света не напьюсь.

* * *

Тяжелая ярость моя, как волна,
Что в стену глухую летит без оглядки.
Я в миг столкновенья на свете одна,
И привкус беды не соленый, а сладкий.

Глухая стена, о которую вновь
Разбиться готова — стоит нерушимо.
Идите вдоль берега — дальше и мимо,
Не зная, что рядом соленая кровь.

Я стену себе выбирала сама,
И было вольно о нее мне разбиться.
И снова волна, поднимаясь, клубится,
От ярости белой лишаясь ума.

* * *

Качались ветки за окном,
Мне передав свое смятенье...
В порыве перевоплощенья
Дождь по стеклу стекал огнем.
По воле ветра плыл мой дом,
И не было в ночи спасенья.
Сквозь сеть густую тишины
Струясь, просеивались звуки...
Я знала боль чужой разлуки,
Чужой неведомой вины,
И с кем-то прочной нитью муки
Мы были там сопряжены.

* * *

Когда метель упала с ног,
Не сделав белым снег,
Когда до сердца мир продрог
И сутью стало — «нет!»,

Я, дав себе обет молчать,
И, не вступая в хор,
Пошла одна рассвет встречать
На дальний косогор.

И новой жизни красный сок
Был горек, как всегда,
Но я, земной ее росток,
Одна сказала: «да!».

* * *

А город, как сердце больное,
В тяжелой тоске кумачей
Своей захлебнувшись виною,
Не твой он, не мой — и ничей.

Остывшая сила вулкана
Под пеплом сожженных времен.
Господь ему не дал тумана —
Прикрылся покровом знамен.

И, призраки прятать не смея
В багряных своих лоскутах,
На вечном ветру каменеет, —
Сам ветер, и призрак, и прах.

АНТИГОНА

*

Ну, что ты шепчешь, мой суфлер,
Ты видишь, я не помню роли.
Не мне диктуй чужую волю —
Здесь каждый сам себе актер.

О, что мне зрителей укор!
Идет игра до первой боли.
На сцене я одна, как в поле,
Где дальний теплится костер.

Нас ослепил софитов свет!
Здесь сцены не было и нет,
Мое не замкнуто пространство.

Иду на дальний свет огня.
Поют метели для меня
Земную песню вечных странствий.

Монолог Антигоны

Зачем нам мертвых хоронить—
Себя мы заживо хороним.
Мы души в мертвый Стикс уроним,
Чтоб по теченью плыть и плыть.

Чужой вины хлебнув из чаши,
Я этой горечью полна.
Что брата мертвого вина?
Ведь правота виновней наша.

Под зыбким золотом песка
Я погребла его измену,
Чтобы в ошибке сокровенной
Осталась жить его тоска,
И вечный страх земного плена.
На все грядущие века
Бессмертны мы. Не плачь, Исмена!

*

Когда героя нет,
Что делать героине?
Когда горячий свет
В глазах бессонных стынет.

Любовь моя, беда!
Есть этот край Вселенной,
Где мы с тобой всегда
В трагедии нетленной.

Где вместе мы умрем,
Чтобы опять родиться,
Где вечности проем
Откроет наши лица.

О, сонных дней сюжет
В минутной мелодраме...
Когда поэта нет,
Не быть Прекрасной Даме.

*

У театрального крыльца
Горят сентябрьские клены.
А мне б Офелии влюбленной
Не видеть бледного лица.

Мечтала всех соединить
Она в одном просторном доме
И стол большой на всех накрыть,
Не зная, что живет в Содоме,
Не ведая, что всем н е б ы т ь.

Зачем же девочке безгласной
Трагедии суровой нить?
Таким ли Гамлетов любить
В тоске убийственно напрасной?

Когда на части мир разъят
И над бедой кричат вороны,
Пусть Гамлет вместе с Антигоной
Минут последних выпьют яд.
В огне сентябрьские клены.
Горят сердца. Миры горят.

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Генриху Ованесовичу Алтуняну

Я подавилась собственным молчаньем
И все слова навеки потеряла.
Их произносит кто-то за меня,
А я кричать и выть могу. И только.
И вижу я: от крика моего
Срывает ветки ошалевший ветер,
И стаи птиц испуганных летят,
И, содрогнувшись, гром в ответ грохочет.
И только вам не слышно ничего:
Вы от рожденья слепы, глухи, немые.
Такой и я была еще вчера,
Пока молчанье горло не сдавило
И чуть совсем не задохнулась я.
И лишь пространство криком прошибая,
Я вновь свое дыханье обрела,
Как будто бы я родилась еще раз.
Узнайте же: о тех кричу, кто умер,
Кого молчаньем убивали мы,
И кто в молчаньи нашем задохнулся.
Узнайте же: о тех кричу, кто жив,
Но кто еще так выть не научился,
Чтоб гром гремел и сыпалась земля
На головы глухих, немых и тихих.

*

И лучше не знать никогда,
Кто здесь перед кем виноват,
Поскольку, решенье приняв,
Ты с правым разделишь вину.
Как лодка, качает тоска
Меня на высокой волне
И медленный-медленный день
Сквозь круглое солнце течет.
И смертной тоскою полны
Глаза у любого из тех,
Кто тысячу раз обрекал
Другого на ту же тоску.
Но этого я понимать
Не смею вовеки веков,
Когда на своих и чужих
Нас делит упрямая боль,
Когда на своих и чужих
Нас делит дорога одна,
Где каждый в своей колее
С которой ему не свернуть.
А, главное, делит нас то,
Что памятью в мире зовут,
Что в мутном растворе беды
Растет, как прозрачный кристалл.

Я жалость, как суку, гоню,
И ей же бросаю куски,
И слушаю вечный скулеж,
Что каждый во всем виноват.

АНТИМОНОЛОГ

Одно из двух мы помним ремесло,
Одно из двух нам суждено призванье.
Куда тебя в потоке занесло
И как придумать этому названье?

Живем в бреду. И чем реальней он —
Тем призрачней становимся мы сами,
И каждый день расходимся кругами,
И сам себе ты жалок и смешон.

И этот смех в бреду — всего страшней.
И жертвы здесь, и палачи смеются,
И вместе пьют, чтоб часом не очнуться,
И общий бред связал нас, будто клей.

А если так — чего уж тут мудрить!
Тебе с поклоном дань приносит город.
В рубахе красной — туг, как петля, ворот,
Но ты живешь! И будешь долго жить!

*

Мы теряем себя среди улиц
И дороги домой не находим.
Белым оловом зимнего полдня
Заполняются медленно взгляды.
А домой возвращается кто-то
Ни себе, ни другим не знакомый,
Возвращаются голые души,
Потрясенные тем, что вернулись...
В то же время тела наши бродят,
Превращаясь в безликие клетки
Существа, что зовется толпою,
Существа, о котором все знают
Только то, что оно безголово
И бессмертно, как мох или плесень.
Из своих замороженных комнат
Мы за ним наблюдаем украдкой.
Каждый помнит, что стал его клеткой,
Каждый знает, что сам себя спрятал.
И вина первобытной амебы
Перед кровью убитого зверя,
И голодная волчья усталость —
Все слилось в одинокой молитве,
Что душа посылает в пространство.

Диалог

- Вам больше всех надо?
— Да, времени мало...
— Чего вам нейдет?
— Мгновенья легки...
— Известно ли вам, что последний смеется?
— Смотрите, как мы от себя далеки...
Смотрите, у самого края сознанья
И вас, и меня пустота стержет.
Но души свое совершают призванье —
Свободный, огромный и вечный полет.
— Куда вас несет?
— А туда, куда рвется
Душа моя, чтобы себя же найти.
— О стену ударитесь — лоб разобьется!
— Лишь сами мы — стены на нашем пути...

*

И черт нас не берет,
И Бог нас не карает.
Но каждый, кто живет,
Однажды умирает.

Какая власть спасет,
Когда сомкнутся дали
В агонии высот,
В мелодии печали?

Кому оплакать вас,
Безжалостных и нищих,
Когда веселый час
У века выбьет днище?

Заглянет луч, скользя,
В забытую аллею...
Жалеть о вас нельзя.
Но все-таки жалею.

*

Когда к отчаянью привыкнешь так,
Что спишь, не просыпаясь, по ночам,
Обед готовишь, сына водишь в сад,
И в праздники друзей к себе зовешь, —
То кажется, что твой спокойный дом
Стеклой банкой оказался вдруг.
И в этой банке наглухо закрыт,
Ты видишь мир сквозь толстое стекло,
Хоть лоб разбей, хоть криком изойди, —
Ни от кого не отведешь беду,
Как будто это фильм или сон,
Где только умирают наяву.
Я со своей бедой разлучена,
Отчаянье — дыхание мое,
Вздохнешь — и затуманится стекло,
На краткий миг стирая контур дня.

*

На пулю в затылок не станем пенять.
Здесь каждый лишь сам в себя выстрелить может.
Что принял ты сам — никому не отнять,
Что знаешь ты сам — стало собственной кожей.

Здесь каждый себя под конвоем ведет,
И каждый боится себя до икоты,
И каждому сзади мерещится кто-то,
Кто шага неверного хочет и ждет.

Монолог

В конце концов, и, солнцу задан путь.
Над памятью еще никто не властен.
Закрывать глаза — и вспомнить что-нибудь,
И что ни вспомнишь — то и будет счастьем.
Себя не жаль — известен ход игры,
И он вовек не может быть нарушен.
У них в саду уже созрели груши,
И яблоки срываются с ветвей
И падают в засохшую малину,
И старый дом подставил солнцу спину
И вспоминает всех своих детей —
Отца, и мать, и умершего деда.

И памяти горячие лучи
Сквозь сотни лет пронизывают души,
Навек друг с другом сопрягая их,
И жаркой ночью воздух глух и тих,
И, прозрачные, в нем витают беды
Тюрьмы, сумы и горькой той победы,
Которую отвергнуть не посмел.
Да примет в мире каждый свой удел...

*

А дальше степь, и эти перелески
Чернеют, будто траурные ленты,
И солнце на большой цветок похоже,
Который прямо у дороги вырос...
Из всех дорог, всегда ведущих к Риму,
Есть лишь одна, что от него уводит,
И провода над ней полны той силы,
Что может вмиг их оборвать и вскинуть
Десятки щупалец в звенящее пространство.
И рельсы той дороги так лукаво
Блестят вдали, и кажется, готовы
Вдруг от колес тяжелых уклониться,
И уползти в траву глухих обочин,
Или обвить состав холодным телом,
И превратить в немую груды лома
Все то, что к цели движется и рвется...

Пути себе никто не выбирает,
И я, стремясь душой своей и сердцем
Идти по той единственной дороге,
Что путником тебя навек избрала, —
Я еду в Рим, и звонкие вагоны
Спокойную рассказывают сказку,
Как жить и быть совсем легко и складно.
Но вижу я лишь встречное движение,
Которое тобою управляет, —
И боль твою который год глотаю,
Давясь виной и яростью бессильной,
Я забываю о предназначеньи,
Тебе навек подаренном судьбою,
За то, что ты светлей меня и прочих.
И погружаясь в горькую минуту,
Опять я вижу степи, перелески,
И дымный свет коварного пространства,
Которое, впитав твою неволю,
Еще вольней под белым солнцем дышит.

* * *

Ты знаешь ли, зачем и в тихом доме
Собой ребенка закрывает мать,
И сон пространства хочет удержать,
Когда светлеет ночь на переломе?

Мы все проснемся в яслях на соломе,
Нам всем дано дары волхвов принять,
Но как в себе свой первый сон понять
И сохранить в Эдеме и в Содоме?

Темно, тепло, — глаза привыкли к мраку,
И где-то лает за окном собака...
Но этот миг уже необратим,

И потому, вовек не веря стенам,
Собой дитя закрыв от всей Вселенной,
Встречает мать рассвета серый дым.

Из книги
« Х О Л О Д Н О Е С О Л Н Ц Е »
1986–1989

* * *

Бог жил в просторном и высоком дне,
И потому и я жила на свете,
И потому трепал деревья ветер,
И пел петух, и таял снег к весне.

И потому, что я была жива,
Дышал и жил со мною кто-то снова,
И я свое произносила слово,
Лишь откликаясь на Его слова.

* * *

Деревни площадь в час перед закатом...
Притоптанный спорыш и стая уток,
Лениво спящих возле желтой лужи.
Я с дедом шла вдоль площади куда-то,
И зыбкий свет, как воздух, был мне нужен.
Как дерево, пила я всею кожей
Горячие оранжевые капли,
И дед мой солнцу поклонялся тоже,
И солнцем к жизни был мой род разбужен.
Зимой солнце было невесомо,
И мне всегда согреть его хотелось.
Тебе должно быть это так знакомо,
Как ты, я к лютой стуже притерпелась.

* * *

Над робким зигзагом речного песка
В пространстве пустом и высоком
Над черным ручьем под названьем «река»
Так солнце сейчас одиноко.

Так солнце сейчас одиноко, как я,
У этой земли на ладони.
Печаль великана, печаль муравья
В одном океане утонет.

* * *

Еще я помню холод свой и страх,
И ветер, бьющий ставней незакрытой,
И я стояла тихо у двора,
Чтоб человека спрятать от погони.
Но кто его ловил и почему?
Я не узнаю никогда об этом.
И так недавно бабушка моя
Мне о призваньи нашем рассказала,
Когда она и мать ее — тайком
От прадеда — в своем скрывали доме
Всех ото всех, кто б ни стучался к ним
В горячечной и смертоносной смуте.
Мне на роду написано скрывать
Тех, кто бежит, и прятать тех, кто ловит,
Когда черед им убегать пришел,
И, ни вины, ни прав не разбирая,
На стук тревожный — двери отворять.

* * *

Послушница-муза, я снова на час
От мира с тобою укрылась,
И взгляд твоих светлых внимательных глаз
Мне дарит надежду и милость.

С тобою могу я того пожалеть,
Кого вспоминать не пристало.
Пусть боль потускнела, как старая медь,
Пусть сердце от боли устало.

С тобою могу помолиться о тех,
Кто всех мне на свете дороже.
Одной Нелюбви моей горечь и грех
Обеим прости ты нам, Боже!

МУЗА

Только в черном и белом тебя я видала всегда.
Как спокойно и строго всегда на меня ты смотрела.
Страх не страшен с тобой, и беда при тебе — не беда.
И высокий покой не имеет ни дна, ни предела.

В беспредельности этой горит восковая свеча.
Ты на стол мой опять ее ставишь усталой рукою,
И так счастлива я. И так ярость моя горяча —
От тебя от одной никогда ничего я не скрою.

Знаешь ты, что упорство мое не имеет границ.
Ты меня научила любить первобытную глину.
И тяжелая боль, и стремительный шорох страниц —
Все твое. И пути твоего никогда не покину.

* * *

Разбила я песочные часы
И на свободу выпустила время,
И на моей ладони шевельнулась
Пустыня, золотистая и злая.
Но в миг один ее развеял ветер,
И сердце сжалось от тоски знакомой,
Что уходящий миг не повторится.
И вспомнился от зноя тесный полдень,
И цепь верблюдов, уходящих к солнцу,
И пот колючий от песка, и тело,
Сожженное тоскою о прохладе...
Там высыхала на моей ладони
Случайная и дорогая капля
Воды, которой измерялось время,
А боль казалась просто белым диском,
К зрачкам навеки прикипевшей мукой.
Восток и Юг всегда боятся света,
К себе их тянут тени и глубины,
И потому в такой тени, как эта,
Мне жаль лишь тех, кто ни о чем не помнит.

ПЕСНЯ МЫШЕЙ

*

Ни себе — ни миру.
Ни земле — ни небу.
Ни ночам текучим
И ни дням чеканным.
Больше слов не надо.
Больше слов не надо.
Будет все — как будет.
Все облезут краски.
Серый путь — он самый
Хоженный и дальний,
Ни тройных развилин,
Ни камней замшелых.
Выбирать не станешь —
Прямо все да прямо...
Тот кто раз родился
Средь такой дороги
Будет все, что знает,
Прятать по карманам,
Будет вечно гладить
Сам свое же темя,
Чтобы кругло было,
Чтобы было гладко.

*

Отведены древние страхи.
Задобрены грозные боги.
Их можно забыть и оставить
Под небом холодным друг другу.
А мы о себе не забудем.
А мы между тем повоюем.
Потом, помирившись, поплачем
Над нашей беспомощной болью,
Над тем, что мы пьем и едим.
И в небе мы вырыли норы.
И дыры мы в солнце прогрызли.
И наше подземное счастье
Над серыми нами горит.

*

Египетский тихий божок,
Сын древней горячей пустыни,
Ты только мурлычешь о чем-то
И смотришь сквозь нас в пустоту.
Ты сыт и мышей ты не ловишь,
Но песня твоя невесома,
И светятся холодом звездным
Твои золотые глаза.
Божественна гибкая праздность.

Ленива веков вереница.
Жалей же мышей и не трогай
В своем отрешенном раю.
Жалей же мышей и не трогай!
Они в суете бесконечной
Затем лишь плодятся на свете,
Чтоб ты невесомость воспел!

*

До рассвета проснувшись, ветер
Разбудил и меня, и иву,
Чтобы вместе мы сны смотрели,
Чтоб один нам приснился сон.
Все увидела я на свете
Хлорофилловыми глазами,
Не зеленой, а красно-серой
Вдруг земля показалась мне.
Трепетала живая влага.
В каждой клетке рождалось солнце.
И минута текла спокойно,
Словно часом она была.
И была высота огромна
И свободна, как легкий выдох,
И не ветер, а я летала
Над землей и шептала я:
«Ставши деревом, ставши ветром,

Что отдам я взамен на это,
Что они, мои сны увидев,
Будут знать о своей земле?»
И узнали тугие корни,
Из костей добывая фосфор,
Что подземная их работа
Дарит фосфор другим костям.
Сок древесный, как слезы, горек.
Ветер гладит легонько иву,
Три души, как одна, притихли,
Ожидая, что день придет.

*

Лоб в лоб мы сшиблись
Не до крови — до мозгов, до мыслей.
Назад, как было, нас не соберешь.
Твой нос мышинный,
И мордочки твоей улыбчивый оскал
Я ненавижу, как я ненавижу!
Но почему меня к тебе тянуло так,
И так неудержимо мы сближались?
В мышинный рай хотелось мне попасть.
Зачем? Сама, как следует, не знаю.
Но что тебе хотелось от меня
Узнать, увидеть? Песня невесома.

Как шар воздушный, вмиг она умчит
Тебя туда, где холод и пространство,
И каждый среди всех навек один.
Таким вам ад мерещится ночами,
Когда ложатся мыши на покой
В своем уюте скученном и сером.
И защищенность миллионов шкур —
Гарантия надежности Вселенной.
Но тянет холодом из вечных белых дыр.
Вот так-то, брат. И как нам разобраться,
Где ты — где я?
И что нам ад и рай?

* * *

Город полон тоской железной,
Страхом ржавчины, жаждой дегтя,
Одиночеством всех деревьев,
Завершенностью всех пространств...
Город сердце хватает в когти
И катает его он в лапах,
Но, горячее, не удержит.
Золотое искрится сердце,
И, огни рассыпая, всходит
Над холодным и тусклым миром,
Отражаясь в вечерних стеклах...
И реки неживое тело
Нам покажется вдруг ожившим
И текучим, как свет и время,
Что о городе и не вспомнит.

* * *

*

Я в Риме — гречанка-рабыня,
Храню я хозяйские книги,
Софокл, Эсхил, Аристотель —
Здесь, в Риме, вы тоже рабы.
Как лавры черны на закате
Под солнцем слепым и тяжелым,
И белое тело дороги
Простертое навзничь лежит.
Хозяева здесь не бывают:
Ни я не нужна им, ни книги,
И раб-финикиец считает
Своею хозяйкой меня.
Он ужин, склоняясь, приносит
Сюда, где собрались мы вместе,
Овидий, Катулл и Вергилий —
Презренного Рима рабы.

Мятеж мы затеяли с вами
Такой, что Земля не видала:
Над прахом сожженного Рима
В веках вы останетесь жить.
А я — я храню ваши души
Для будущей вечной минуты,
И темную муку простора
Глаза мои терпят всегда.

*

Н. Ефремову

«Обрати лицо свое к восходу
И ступай...» — хозяин скажет мне.
Как невинна формула свободы
В вавилонском сумасшедшем дне!

Не раба я, и не в Вавилоне,
Но к восходу повернув лицо,
Вижу я, что злое солнце тонет,
И ложатся тени на крыльцо.

Как закат я спутала с восходом
И куда отсюда мне бежать?
Только здесь со мной моя свобода,
Здесь, где солнце повернуло вспять.

*

И милость царя горше казни казалась тебе...
Но тихие жены счастливо и робко глядели,
И дети играли у ног, и невольницы пели,
И не было выбора в этой проклятой судьбе.

О, плен этих дней в паутине его золотой!
Друзья, и вино, и внезапные сполохи смеха,
Как будто все то, что случилось, была лишь потеха,
Лишь шутка, которая всем показалась простой.

А смерти смотрел ты спокойно и жестко в глаза,
И миг, разрастаясь, наполнил пространство пустое.
Но жизнь привязалась и снова бежит за тобою,
И падает солнце, как горькая злая слеза.

* * *

Вода стояла в ведрах запотевших,
И на веранде яблоками пахло,
И пахло прелью, мелом и мышами.
С младенчества осенний этот запах
Будил во мне тупую боль утраты.
Еще до смерти и отца, и деда
И до рожденья памяти — я знала,
Что нет на свете ничего дороже
Минут, случайно собранных в ладони.
Они, как зерна спелой кукурузы,
Желты и круглы. И любую вспомнишь
Потом отдельно. Миг запечатленный,
Как смерть для смерти. Жизнь в нем хранится,
Чтоб прорасти потом в другое время
И много раз в том времени умножить
Живое солнце канувшей минуты.
Но как их мало, собранных мгновений,
И как печален запах яблок спелых!

* * *

Кто научил меня молитве, если я
Явилась в мир, когда забыл он Бога,
И бешено вокруг оси вертясь,
В тот миг он за своею гнался тенью.
Но до того, о, как задолго до
(За 200–300 лет до своего рожденья),
Я вспоминаю воск тяжелых свеч,
Который жег мне сомкнутые пальцы,
Когда, свечу не смея уронить,
В процессии текучей шла к собору,
И ужас, и восторг души своей
В чужом, еще не повзрослевшем теле...
И как молитвой ласковой пыталась
Я чью-то душу от греха спасти...
Куда я шла? — теперь себя спрошу,
И чьи грехи замаливать хотела,
Когда еще сама не знала, что живу?

* * *

Из всех невероятностей на свете
Невероятней всех мы на земле.
Из каменной колоды сотни карт,
Раскрывшись веером, мне память предсказали,
И так же всем, кто жили до меня.
И с этих пор я часто узнаю
Другой набор все тех же повторений
И с той же суммой выпавших очков
И в глубь веков нырнув, и вдаль умчавшись,
И выучив все сказки наизусть,
Я памятью очерчена своею.
И всюду вижу: тот же длинный день,
И ночь, что как волна его скрывает,
И я сама, как лодка, на волне:
Куда прибьет — туда я и пристану,
Чтоб снова узнавать любовь и боль
И снова биться в твердой оболочке,
Которую кто временем зовет,
А кто еще того страннее — телом,
Как будто в жизни не один закон,
И не одно у смерти содроганье...
Ведь вся невероятность на земле
Досталась нам, хоть мы о том не знаем.

* * *

Не при мне этот лес вырубали
И деревьями крыли дорогу,
Черных леших и робких русалок
Не при мне утопили в болоте.

Но при мне плачет в голос кукушка
На единственной старой осине,
Той, что под ноги бросить забыли.
Но при мне в этом мертвом просторе
Годы хмуро бредут по дороге
Прямо к тусклому желтому диску,
Что не сдвинется с места вовеки.

И, тоскуя по бывшему лесу,
Каждый год окликает кукушка,
Но, забывши все то, что случилось,
Память им по себе не оставить.

БЕЛОЕ ОЗЕРО

*

Сон разума, сон сердца, сон души —
Родимое, горячее болото.
Здесь воздух спит и сохнут камыши,
И в этом сне все время плачет кто-то.

Под этот плач я родилась на свет.
Под тот же плач во сне качала сына.
Но нет меня. И никого здесь нет.
Лишь белый свет. И голубая тина.

*

Здесь кровь уходила в горячий песок
И слово на ветер летело.
И прятался страх, среди старых осок
Храня свое старое тело.

И были у страха глаза велики,
И в них отражались мы сами.
И плыли над миром пустые зрочки,
И снова всходили над нами.

И прятались мы среди тех же осок,
И страхом был всякий и каждый,
И время впиталось в горячий песок,
И высохли травы от жажды.

*

Над Белым озером встает
Звезда холодная чужая
И вместо солнца свет свой льет
На воду, на песок у края.

И вижу я: вода красна
От нового, чужого света,
И длиннорукая сосна
Стоит одна на склоне лета.

Она видала все и всех:
При ней в воде густой топили
Хрусталь, и разноцветный мех,
И книги, сизые от пыли.

Угрюмые волы при ней
Сюда свозили мир вчерашний,
И бился перепел над пашней
В агонии горящих дней.

И босоногой детворе
Так было весело и странно
На углях старого романа
Картошку печь в ночном костре.

И старый сом-библиофил,
Латыни звонкой научаясь,
Тоскою философской маясь,
На дне усами шевелил.

На Белом озере вода —
Чужого солнца отсвет алый.
Та жизнь, которой я не знала,
На дне осталась навсегда.

*

Тревога, от которой никуда
Не спрятаться, пока живем на свете.
И снова треплет обреченный ветер
Гудящие и злые провода.

И мы с тобой несемся, как всегда,
К черте чужой, проведенной не нами
Затем, что родились мы близнецами,
И на двоих у нас одна звезда.

Ты в небо можешь не смотреть, поверь:
Ей, как и нам, на свете одиноко.
Звезда дневная — сонная морока,
В миры другие запертая дверь.

Ну, что же делать, если двое нас.
Мы улыбнемся и пойдем друг друга.
У нас с тобой единый счет потерь
В едином центре замкнутого круга.

*

И я однажды поняла,
Что здесь учиться жить не надо.
И я жила и не жила
В нелепом сне на грани ада.

Здесь умирать училась я
У вас, так горько мной любимых,
Моим отчаяньем хранимых
На самой грани бытия.

* * *

И тень, как бутон, распустилась,
И стали видны мне тычинки,
Покрытые рыжей пыльюю.
И молча мохнатые пчелы
Слетались, роились, кружили,
И был горизонт бахромою
Высокого леса закончен.
Пыльца золотого заката
Ссыпалась по крышам и листьям
И в темно-оранжевом свете
Я вдруг увидала дорогу
С идущим по ней человеком.
И сразу его я узнала,
Хоть видела точно впервые,
И сразу я вспомнила вечер,
Где вслед я смотрела другому,
Где плакал забытый кузнечик
И золотом боль отливала.
О горечь земных сопряжений!
Любви непонятной и скрытой,
Как будто натянуты струны,
Которых вовек не коснешься,
Но знаешь, что если их тронуть,
Мелодия вмиг бы возникла.
Но вот и мелодию слышишь,
Натянутых струн не касаясь.

* * *

Мне приснилось, что я — это ты.
И тяжелый узнала я страх.
Ледяные раскрылись цветы
На стеклянных холодных полях,

И осыпалась звездная пыль
С отрешенных и белых небес.
И не сон это вовсе, а была
В нашем крае красот и чудес.

Он такой же, как ты — этот край.
Заблудиться в нем может любой.
Здесь родившись — живи, умирай,
Чтобы не было жизни другой.

* * *

Ни верой, ни безверием моим
Я не могу с тобою поделиться,
И если сон твой мог бы мне присниться,
То явь твоя бесплотна, словно дым.

Слова, слова — частицы в пустоте.
Ты создаешь пространство вне простора,
Твои слова за гранью разговора
Живут в своей бессонной маяте.

Но я, мой друг, совсем не слышу слов.
Я лишь смотрю и вижу их движенье.
Не двойники друг другу мы, а тени,
Две бедных тени из двойных миров.

* * *

Двоящиеся странные черты,
И я, крестясь, бегу от наважденья.
И никогда мне не понять, кто ты,
И как ты понял, что живу в смятеньи.

О, как ты ловишь души на блесну
Неверного и раннего светила !
О, как ты шепчешь, отходя ко сну,
Про женщину, что мир тебе открыла!

Но я не стану открывать миры.
Я дни ловлю, пока ты ловишь души,
И ты мое сомненье не разрушишь,
А я твоей не разберу игры.

Ловец души, с тобой нельзя шутить:
Тебя легко поймать на день вчерашний,
На этот свет, на белый дым над пашней,
На то на все, чем сердце будет жить.

* * *

В твоём текучем мире столько света,
И суеты, и нервного биенья
Горячей мысли и горячей плоти.
И треплет ветер красные деревья,
И стаи птиц кружатся в жестком небе,
И город, как вулкан, дрожит от гула,
И этот гул твоё питает сердце.
А в темных окнах отрешенных зданий
Вдруг проявляясь, проступают лица
Прекрасных женщин, что тебя любили,
Глаза их слепы ко всему на свете,
В них лишь огней текучих отраженье.
Но, кажется, я в сон чужой попала,
Где ускользают в робком страхе тени,
Чтоб на глаза тебе не попадаться.
О, как своё ты осветил пространство,
И обнажил в нём все углы и грани !
Но я, жалея тени, их скрываю
В своей душе — и ты о том не знаешь.
Лишь изредка, со мной встречаясь взглядом,
Ты ловишь их случайное движенье
И в беспокойстве смутном повторяешь:
«О чём, скажи, так долго можно думать?»

* * *

Я прятала вечное слово
И муку молчанья терпела.
А день повторял себя снова,
Как будто пластинку заело.

И ты в этом дне повторялся
Бессмысленно и непрерывно.
А в небе печально и странно
Осеннее солнце горело.

И я уплывала куда-то
Из этого странного мира,
Где время, как мягкая вата,
Где стала вселенной квартира,

Где Богом себя нарекая,
Ты мир себе создал в неделю.
Но я не из этого рая,
И листья давно облетели!

* * *

Так Бог велел и так хотела я.
Ну, что же делать: видно, не судьба мне.
И времени холодная струя
Уже покрыла дней горячих камни.

Какая пропасть в слове «никогда»,
Но для меня оно в секунде каждой.
И этот вечер, серый, как вода,
Не утолит и не остудит жажды

Другого мира и другого дня.
Мой милый друг, не вспоминай меня!

* * *

Неведомой власти покорна всегда,
Тебя я любить не могу, как другие.
А зимняя боль холодна, как вода,
И правда, что все в этом мире чужие.

И правда, что я, не грустя о тебе,
Гуляю по улицам, мне неизвестным,
И вижу, как ветер и ветки в борьбе
Пространство тревожат и делают тесным.

Я вижу, как тени дрожат на стене,
И мир попадает в тревожные сети.
И горечь твоя прорастает во мне,
И нет никого мне роднее на свете.

* * *

Да, я безгласна. Сто витков молчанья
Свилось в одно несказанное слово,
Чтоб это слово, вырвавшись нечаянно,
Своею волей в мир не улетело.

Все сто витков для одного лишь слова,
Для имени, для вспыхнувших созвучий,
Которыми судьба моя назвала
Саму себя. И что могу я сделать?

Я лишь покорна этому заклатью,
Я это имя молча называю,
Открыв пространство белой-белой боли,
И хрупких льдин, и медленного снега.
И в том пространстве так мне одиноко,
Как дереву зимой. И так же тихо.

* * *

Так было уже не со мною, а с кем-то.
Дождь лился на землю, и пахли цветы.
Там лето кончалось, и кто-то уехал,
А кто-то грустил и с друзьями шутил,
И горечь разлуки скрывал и пытался
Он дни, как закладки, вложить в свою грусть,
Чтоб помнить, когда и о чем он подумал,
Чтоб горький напиток тянуть и тянуть.
Но я здесь причем? И к чему вспоминаю
Чужое страданье, чужую любовь?
Дождь льется и льется, но астры не пахнут.
И скоро из школы вернется мой сын.
И муж на закате вернется с работы,
И будем мы вечером тихим втроем.
Дождь льется и льется — пусть дождь, а не слезы.
Я права на грусть не имею, и вот
О ком-то, о чем-то я все вспоминаю
И день я сминаю, как белый листок.

* * *

Мне бы память другую и сердце другое, —
Никуда от тебя я уйти не смогла бы
И, ослепнув от счастья, я бы шла за тобою,
Как же счастливы те, кто покорны и слабы.

Тяжесть вечных высот, что на женские плечи
По ошибке легла — мне не сбросить до смерти.
Ты дорогой своею иди, человеке, —
Мне никто не поможет ступать по невидимой тверди.

Тяжесть вечного неба и холод пространства пустого
Ни тебе, никому, не могу я на свете доверить.
Друг мой милый, ты знаешь, как смутно и ветрено слово.
Лишь глазами скажу: задержись на секунду у двери.

* * *

...Остался в далеком дне
Странно близкий мне человек,
Отраженный в моем окне,
За которым вода и снег.

Нелюбимый, он дорог мне,
Чем-то странным, чего боюсь,
Отражаясь в чужом окне
(То ли, что не туда вернусь,

То ли, что не себя найду).
Зыбко зеркало без лица.
Мне в тоске не найти конца.
Только Бог мой отвел беду.

* * *

В холодном мире выбелены стены,
И в замкнутом пространстве зимней стужи
Сидит ворона на высокой ветке
И с наслажденьем мерзнет и тоскует,
Качаясь и кивая длинным клювом.
И мне ли не понять, как это просто
Совсем забыть, что ты летать умеешь,
И, дух смирив, мгновенью покориться,
Чтоб, черным камнем падая на землю,
Вдруг ощутить сухую силу крыльев,
Помимо воли вверх рванувших тело.

* * *

Этот город глухой и чужой.
Здесь никто мне не будет звонить.
Я на свете одна. Бог ты мой !
Как длинна моей памяти нить!

Из клубка Ты ее потянул,
Чтобы вновь я смотала в клубок
И пространство полей, и разгул
Обреченных на верность дорог.

Неверны мне лишь ночи и дни.
Чуть привыкнешь — уходят, и вот
Нужно помнить и эти огни,
И того, кто уже не придет.

* * *

Я увидала, что в осеннем полдне
Я вдруг одна на свете оказалась.
И ветер шевелит страницы книги,
Лежащей тихо на моих коленях,
Хоть в ней кипят в котле земные страсти,
В привычный плен берущие сознание.
Но так сейчас легко чужое бремя,
И отголоски вещей снов прозрачны.
Я растворяюсь в странном белом свете,
И зыбкий мир плывет навстречу солнцу.
И в хороводе разноцветных пятен
И я, и свет — уже одно и то же...
Но вдруг в сознании проплывает строчка
«И в этот миг»... И черных букв стая
Взмывают ввысь и надо мной кружат.
И тень моя у ног моих ложится,
А зыбкий свет вдруг обретает плотность
И прочность дня, в котором все мы смертны.

* * *

Как резко контур мой в пространство вписан,
Как жестки грани... И как нелепо
Мое желанье с этим миром слиться
И стать водой или дремучим кленом,
Или змеей, ползущей в листьях прелых,
Как злой ручей, холодной и текучей,
Быть тишиной, чтоб раствориться в звуке,
И темнотой, что днем грядущим станет.
Но в мире мне дано одно уменье:
Вбивать в пространство клинья, и ограду
Между своим и прочим вечно строить,
И в той ограде быть собой, и только,
И ничего не выпустить на волю.

* * *

А. Ф.

Моя бескрайняя тоска,
Как будто тихое ненастье.
Ты говоришь: «Не в жизни счастье»,
Но мы живем еще пока.

Но мы живем... И на заре
В дыму забытой папиросы
Все те же плавают вопросы
И век все тот же на дворе.

И те же редкие огни,
И в мыслях путаница та же...
И это все не жизнь даже,
А миг, в котором мы одни.

* * *

Дом на горе ты помнишь?
В омуте летней ночи
Дух постигает тяжесть
И отрешенность тела.
Сквозь вереницу комнат
К свету нам путь короче,
Но тишина нас вяжет
Сетью случайных звуков.
Все, что душа велела
То позабыть, то вспомнить —
Выпадет солью белой
На берегу рассвета.
Все, что душа велела,
Нам не понять вовеки,
Но и покорность наша
В омуте зыбком спит.

* * *

Е. 3.

Мы с временем нашим привыкли считаться,
Мы сторожа носим на левом запястьи,
Из этого дня нам с тобою умчаться
В любую бы даль и любое ненастье.

А время все мерит слепую неволю,
Которая здесь называется «счастье»,
И губы твои потемнели от боли,
И нет у любви ни дыханья, ни власти.

А снег заметает бугристое поле,
И мимо ползет ледяная машина.
Мы оба с тобой у часов на приколе —
Две стрелки, которые с места не сдвинутъ.

* * *

Н. М.

Помнишь ли ты фильм «Расемон»?
Сколько совместимо точек зренья?
Наша быль была, как страшный сон:
Ни души, ни веры, ни терпенья
Не хватало. Видела ли я,
Что плыву навстречу этой муке,
Что теченья черная струя
Всех несет в пустую даль разлуки?
За окном моим фонарь мигал,
Как маяк, меня предупреждая,
Что холодных сумерек провал
Лишь преддверье ада или рая.
Как тебя теченьем отнесло?
Как осталась я в водовороте?
Оборвавшись на высокой ноте,
Замер крик. И память, как стекло,
Под которым стынут наши лица.
Мы остались живы и вольны.
Но твоим отчаяньем полны
Дни мои. И ужас твой мне снится.

* * *

Е. З.

Уходит время то, что нам дано,
И потому тоска необратима.
И вновь метели пролетают мимо,
И все на белом свете решено.

Кто я тебе? Сестра, подруга, дочь?
Как ты нашел меня в огромном поле,
Где я жила одна в тоске и воле,
И надо мною колыхалась ночь.

Как ты нашел меня, из всех один,
И я под кров пришла, и свет зажгли мы.
И вновь метели пролетают мимо.
И одинок под звездами наш сын.

* * *

Все мы породы волчьей,
Злы мы, худы и серы.
Мать не имеет права
Быть травоядной тварью.
Сколько детей на свете —
Столько на них напастей,
И потому мы носим
Белый огонь в глазницах,
И потому в оскале
Волчьем мерцает иней.
Промаха мы не знаем,
Жалости мы не помним —
Жизнь у нас — отдельно —
В легких телах ребячьих.
Тень невесомо-тяжко
В длинном прыжке взлетает,
Чтоб, как замок, защелкнуть
Зубы на вражьем горле...

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

Е. З.

*

О, как я устала от этого дня,
Где тусклое солнце глядит на меня,
Где встречный любой или глух, или нем,
Где нас уже нет и не будет совсем.

И в этом одном из бесчисленных дней
Я вижу всю землю и город на ней,
И в городе этом с тобою вдвоем
О мире мы песню беззвучно поем.
И кружимся рядом — две тени в раю.
Не слушай, не надо, о чем я пою.

*

В подземном царстве тоже благодать.
Себя любить умеют даже тени.
А позади горячий рой сомнений,
Желанье жить и снова все начать.

С подземным царством повезло нам всем.
Здесь тишина: ни горя нет, ни крика.
Лишь две души — Орфей и Эвридика,
Себя не помня, помнят тех, кто нем.

О чем беззвучно шепчут тени две —
Другим немым, бродя по недрам рая?
О том, что солнце, в небе догорая,
Родиться хочет в будущей судьбе.

О том, что вечен первозданный свет,
И рая нет, а есть лишь одурь страха,
Что мертвым суждено восстать из праха
И слушать то, что скажет им Поэт.

*

Когда заменили живых неживыми —
Свернулось пространство в невиданный кокон.
Тебе я кричу: «Назови свое имя!..» —
Живая живому, но в склепе без окон.

Мы не повстречаться с тобой не могли бы,
Мы порознь бились в одну эту стену.
Но и разбиваясь, скажу я: «Спасибо!» —
Живая живому узнавшая цену.

* * *

Кто не боится — тот пускай расскажет,
Какие дарит ночь ему виденья,
И почему так чутко ловит сердце
Неясный шорох будущей минуты.
Я знаю, эти стены не защита
Ни от чего, что ночью происходит,
И что мое дыханье — в том же ритме,
Который ветви за окном колеблет...
Вот острый ветер тишину поранил,
И за стеною вдруг заплакал мальчик,
Которому нет месяца от роду.
Боль тишины пронзительно и горько
В него вошла и в нем навек осталась,
И мозг, рожденный тайной состраданья,
Одною дрожью будет с миром связан.
А ночь, прильнув к холодным стеклам, смотрит
На всех живых. И тот, кто не боится,
Пусть мне расскажет, что ему приснилось.

* * *

А город мой — холодный серый доктор —
Мне прописал лекарство не по вкусу,
Но пью его который год не морщась,
Лишь тошноту усилием подавляю.
Я поняла, что время так непрочно
Сшивает длинной нитью наши судьбы,
Что эту нитку выдернуть из ткани
Двух наших жизней можно в миг единый.
Ты повторяешь часто слово «память»,
Как будто это двор или поляна,
Где раньше вместе мы с тобой гуляли.
Но знаю я, что память одинока,
Как одиноко Солнце над Землею,
И каждый здесь в своем кругу заверчен,
А все другие — лишь его виденья.
Ты помнишь, утро, как вода, стекало
По скатам крыш, и тонкий шпиль собора,
И цвет воды в Балтийском странном море,
Похожем на асфальт и на пергамент...
Кому из нас все это так явилось,
И кто потом дорисовал другого
В картине той, что в самом сердце скрыта?
Мы здесь сейчас — и здесь момент отрыва.

* * *

Когда кружила яростная ночь
Над этим домом, садом и долиной,
Деревья ветру подставляли спины
И нечем было мне им всем помочь.

И я смотрела в мокрое окно
На бедный сад, что стал добычей бури.
А в небе грызлась стая черных фурий,
И мир случайным камнем шел на дно.

Я знала: утром будет все другим.
Однажды так все с нами и бывает:
Чужая ночь внезапно налетает
И рушит все, что знаем и храним.

И так хотелось сохранить себя
В прошедшем дне, где было все известно.
Но и в себе теперь мне было тесно.
А ночь кружила, прежний день губя.

* * *

Скажешь о том, что ты знаешь о жизни другому,—
И удивишься, что все в самом деле иначе.
Летом дождливым с тобою мы жили на даче,
Лес примыкал к голубому и тихому дому.

Медленно падали капли дождя. И минуты
Так же текли, наполняя меня ожиданием.
Словно я шла, продвигаясь все ближе к чему-то,
Что для души было ясно и больно заранее.

О, как хотелось продлить это время покоя,
Перед прыжком в неизвестность, где нет аналогий,
Словно зерно, созревает пространство иное,
И прорастают другие дожди и дороги.

« О С Т Р О В »

1990—1996

* * *

Реальности нет, и чужая страна
Лежит за пределами бабьего лета.
Но здесь мне хватает дыханья и света,
И здесь я, как в детстве, жива и вольна.
Осколок пространства, где я родилась,
Мой город, мой остров в пустом океане,
Но нет горизонта. И прервана связь
С несчастной землей, что осталась в тумане.
Я знаю, я помню — там холод и страх.
Но как я тоскую об этом просторе!
О бедной земле, о потерянной горе,
О Вечной Душе, что блуждает впотьмах.

Осень 1991

* * *

По белым волнам тополиного пуха
Плывем мы с тобою, по бывшему миру.
Здесь, кажется, та же сидела старуха,
Здесь та же собака и та же квартира,
Но мы не заходим. Мы встретились где-то
В тревоге случайных земных притяжений
И вместе идем сквозь ожившее лето,
И вместе считаем чужие ступени.

05.06.93

* * *

Снова дождь и снова ветер
Зло стучат ко мне в окно...

С. И. Губов

Снова ветры и снова дожди.
Растворяется время во мгле...
Ты от Бога пощады не жди,
Если жил ты на этой Земле.

Если бредил ты здесь наяву,
И бродил по навеянному снам.
Посмотри на поля, на траву,
На далекое марево там,

Где кончается сон твой и бред.
Каждый ведаёт, что он творит.
И проклятая правда горит
Прямо в сердце. А прочего нет.

Что ж, терпи, это только тоска,
Просыпаться всегда тяжело.
Снова ветер несёт облака...
Снова дождь барабанит в стекло...

15.03.93

* * *

Зимние зайцы, уши прижав,
Слушают песню метели.
Бог разберется кто из нас прав,
Правда ли есть в самом деле?

Призрачен свет наш и призрачен спор —
Русской зимы наважденье.
Солнце за белый бежит косогор
И не скрывает презренья.

С солнцем согласна и я, как всегда...
Так почему, в самом деле,
Так дорога мне живая вода,
Скрытая в этой метели?

Январь 1992

* * *

Тяжелая капель, тяжелый вздох
У ног моих улегшейся собаки,
А за окном огонь плывет во мраке,
И кажется — на мир не смотрит Бог.

Мучительное бремя высоты
Не дарит ощущения полета.
Когда печаль дается, как работа,
Когда создання неясны черты...

Осень 1991

* * *

Иногда повезет и такому несчастному краю...
Дух тревоги уснет. И в открывшейся вдруг тишине
Отзвук давней беды, постепенно вдали замирая,
Мне оставит лишь осень и низкое небо в окне.

Исполнение желаний — такая опасная штука.
Это рысья повадка истории снова поймала тебя,
Не на слове — на мысли. И длится, и тянется мука, —
Как же сладить с собой, чтоб не верить, не ведать, любя.

Дух тревоги уснул. О, какое внезапное благо —
Тихий сумрачный дом и осеннее утро во мгле.
Ветер лижет листву, выпивая холодную влагу...
Исполнения желаний не хочется ждать на земле.

* * *

В каких просторах сопрягал
Господь живые наши души?
Я тоже видела обвал
Небесных тел воды и суши.
В такой была я глубине
Чужого дня, чужого горя!
О, что в ту ночь приснилось мне,
Когда тебе приснилось море?

* * *

Меня пустили в мир, сказав,
Что я свободна от рожденья,
Что в назначеньи птиц и трав
Свое увижу назначенье.
И я задумала расти
И жить, как вербы и осины,
И научив тому же сына,
Теперь шепчу ему «прости».
Мне с этой волей жить невмочь
Среди неволи и печали.
О, как здесь ветры одичали...
Кому должны мы здесь помочь?

* * *

А в холодных земных океанах
Островов одинокие глыбы.
Говорить с ними трудно и странно.
Впрочем, многие, видно, могли бы.
А земные жилища, как соты.
Друг у друга пространство и время
Там ворует нелепое племя
И о помощи молит кого-то —
То ли нас, то ли Бога земного
(Впрочем, Боги их ссорятся тоже),
Просит племя и счастья, и крова,
И на нас оно в этом похоже.
Только Бог наш в бескрайнем просторе,
Мы его первородные дети,
Это племя, как все мы на свете,
Тоже вынырнет в звездное море.
А пока им, беднякам, не сладко —
Ведь друг другу они не понятны.
На детей их смотреть так приятно,
А у взрослых смешные повадки.

* * *

Тяжелое солнце внушало нам страх,
И тихо оно оплывало.
Великой пустыни мы подняли прах,
И как же, казалось, нас мало!
Когда одиночества горькая власть,
Казалось, равна притяженью,
Так просто здесь было устать и упасть,
Забыв, что спасает движенье.
Пустыня хрустела у нас на зубах,
Пустыня сжигала нам души,
И просто здесь было рассыпаться в прах,
Все данные клятвы нарушить.
Здесь каждый проверил, к чему он готов,
Но помнить о том не пристало...
И созданной жизни непрочен покров
И кажется — снова нас мало...

* * *

А в детстве далеком жила я в глуши,
Там Дикое Поле веков не считало,
И нашего века оно не признало,
И жаждало небо рожденья души.

И жажде навстречу тянулся росток,
Как тополь степной из пушинки случайной,
С собою борясь горячо и отчаянно,
Глотая пространства невидимый ток.

И в этой борьбе за просторы и свет,
Я тоже свой век узнавать не хотела,
Но с детства весной мое сердце болело
В предчувствии прошлых и будущих бед.

Осень 1993

* * *

Какая печальная птица
И ветер широкий и белый.
Наверное, мне это снится —
И лес, и простор без предела,
До той полосы темно-синей,
Где сходится небо с землею,
Где в тайном стремлении линий
Все сущее вместе со мною.
Но если проснусь я случайно,
Что с этой Землею случится?
Какая печальная птица
Кружит над простором бескрайним.

* * *

Расталкивая тучи головой,
В зенит упрямо солнце пробивалось —
Взглянуть на мир. Но в мире был покой,
И в травах, и в домах была усталость.
Но что-то тлело в этой тишине,
В ней ливень зрел, и гром дышал грядущий.
И было это так понятно мне,
И было страшно в этом полдне ждущем,
И было странно, что цветной мираж
Еще стоит во всей красе и славе,
До бури, до обрыва, до пропаж,
До тех секунд, где ты себя оставил.

* * *

Холод и блеск в мирозданьи ночном —
Мне ли по звездам гадать научиться?
Кружит печальная, мудрая птица,
Мне ли не ведать, что было потом?
Слепнет сова на рассвете. И вот,
С новой надеждою солнце встречая,
Я забываю бесшумный полет,
Холод и блеск обреченного рая.
В памяти вещей, в печали ночной,
Там, где столетье уже на исходе,
Только случайная встреча с тобой,
Словно звезда на глухом небосводе.

* * *

Мой друг, мой римлянин, в огонь кладущий руку,
И говорящий странные слова...
О, сколько тянется земная эта мука,
Когда гармония, как ты сказал, мертва.
Но кто поймет, но кто тебя услышит?
И рвется ветер погасить огонь,
И звонкая волна взлетает выше,
И ржет во мгле, и даль тревожит конь,
Но в памяти твоей друзей могилы,
И не уйти от этих страшных лет...
Мой друг, мой римлянин, зачем такая сила
Лишь одному, кому неволи нет?

10.02.95

* * *

Глаз воспаленный светофора,
Черны и призрачны дома.
И много лет все тот же город,
И та же мокрая зима.

И я, попав сюда случайно,
Забыв, что это мне навек,
Иду по линии трамвайной
Сквозь отрешенно мокрый снег.

Куда и как уходит время,
И как себя в нем отыскать?
Зимы медлительное бремя
Над мертвым городом опять.

05.08.91

* * *

Какая прозрачная, белая, тихая ночь на дворе!
Сгустившись, печаль, как туман, оседает на крыши.
И город земной, застывая в ночном серебре,
Не только уснул, но, наверно, уже и не дышит.
И я затаила дыханье и слушаю ночь,
И знаю все то, что она мне сегодня расскажет,
А ночь понимает, что свет мне не в силах помочь,
И молча скрывает и прячет дневные пропажи.
О, белая соль, растворенная в темной воде:
Я чувствую горечь, и тяжесть, и плотность минуты,
Которая есть, и которой не будет нигде,
Пока в эту ночь я о прошлом грущу почему-то.

* * *

Вечность там, где была. Ветер так же мне дует в лицо,
Я на вкус ощущаю холодную острую влагу...
Тайна там, где была, где пространство свернулось в кольцо,
И философ, гадая, все так же изводит бумагу.

Но ложатся слова лишь по воле далеких небес,
А несказанный мир снова хочет и ждет повторенья,
И опять я смотрю на гудящий встревоженный лес,
Узнавая слова, приводящие ветер в движенье.

Декабрь 1994

* * *

Жара положила тяжелые лапы на плечи,
Как будто собака какой-то гигантской породы.
Текут тополей восковые тяжелые свечи,
И ветра мираж заполняет пространство свободы.
И в каждой минуте тягучая прячется лава,
И смазаны солнцем привычных домов очертанья.
Лишь Вы остаетесь так холодны, сухи и правы,
Как будто бы все прощено Вам давно и заранее.

Июль 1996

* * *

Дождь, начавшись, шумел до рассвета,
Дождь шумел и в потоке воды
Тихо таяло хрупкое лето,
И туманом дышали сады.
И высокой любовью, как влагой,
Был насыщен грядущий рассвет,
От невидимых туч — до оврагов,
До пространства, где времени нет,
До камней, что разбросаны в поле,
До того, кто ушел и забыл
Этот дождь, эту даль, эту волю,
До любимых и вечных могил...

03.08.94

* * *

Все очнулись. И липы шумят,
И пространство вокруг оживает.
Мы, глотавшие медленный яд,
Забываем, что это бывает.

Вновь под музыку канувших лет
Вижу августа спелые соты,
Где хранится оранжевый свет,
И не ведает сердце заботы...

И не хочется думать о том,
Что недавно мы мертвыми были,
И по мертвому полю бродили,
И не знали, что будет потом.

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Багровые тона этюда
придуманного им, меня пугали,
там жил лишь он один
в пространстве плотном,

и атмосфера, вязкая, как глина,
была ему пригодна для дыханья.
В пространстве том он свой поставил дом,
и страшные невиданные птицы,

похожие на сов, ворон и грифов,
но красные, на крыше гнезда вили.
И маленький шакал, им прирученный,
чернее ночи, с белым языком,

за ним ходил по тем лугам холодным
и воду желтую из мертвых луж лакал,
и вместе с ним шакал смотрел на запад,
на солнце, заходящее всегда,

похожее на каплю темной крови.
И в этот мир к себе пускал он всех,
но каждый, кто в предел его ступал,
сейчас же превращался в белый камень.

И странные стояли обелиски
то там, то здесь в земле его повсюду,
и молча проходил он мимо них,
и никогда не вспоминал их лица.

19.03.94

* * *

Не верю, мой друг, я реальности дня,
Реальности ночи не верю.
Так за руку крепко ты держишь меня,
Что я не считала потери...

Столетия со свистом летели назад,
И тихо шарахались тени.
Ты их не заметил, летя наугад,
Земной повелитель мгновений.

Другие миры, что манили меня,
Другие пространства и дали
То вдруг оживали при вспышке огня,
То вновь, как мираж опадали.

Давай остановимся, друг мой и брат,
Я, кажется, что-то забыла...
Была там дорога. И брошенный сад,
И солнце сквозь ветви светило...

20.02.94

* * *

Печальная повесть, известная мне,
Еще не рассказана. Слушай:
В том странном, глухом и медлительном дне
Томились и плавилась души...
Но думали души: томятся тела,
Поскольку учили их в школе,
Что небо Господь сотворил из стекла,
Что солнце хозяйка в печи испекла,
И камни посеяны в поле...
И, может быть, души мечтали о том,
Что б где-то в нездешних высотах,
Два тела брели по дороге пешком
В горючих и вечных заботах,
Но рядом, вдвоем, насовсем, навсегда,
В единственной тяге друг к другу,
У Бога в раю там, где в реках вода
И солнце гуляет по кругу.

28.3.94

ГОРОД ЦАРЕЙ

*

Водяная лилия — первозданного зла каприз
(злу когда—нибудь тоже хочется быть прекрасным),
водяная лилия стеблем, манящим вниз,
погруженная в омут беды безгласный,

водяная лилия три ночи снится мне
в белом городе царском, где куда ни глядишь, палаты:
это омут зовет идущих сюда. И во сне
божество забытое тайной требует платы.

Божество забытое, но не забывшее нас,
осьминог и царь пресноводного тихого пира,
наблюдает за мной его вечно открытый глаз
в этом городе царском, решившем обнять полмира.

Я не стала лилию из воды тащить:
стебель ее — только щупальце тьмы извечной...
В этом городе царском нельзя наяву бродить
и с друзьями шутить, и душою играть беспечной.

*

Ящеры ходят по площади, ящеров кормят с руки,
ящеры в небо взмывают и кружат над белой столицей.
К юноше царского рода идут на поклон старики,
тысяча лет, будто день, в этом городе длится...

Колокол, меди своей не жалея, гремит и гремит вдалеке,
сердце древней тревоги удары еще отмеряет,
но повисла звезда на последнем сухом волоске,
и судьбы своей будущей юноша-царь не узнает.

И не скажут ему ничего повидавшие мир старики,
ни концов, ни начал они больше уже не боятся,
а над городом белым в преддверии вечной тоски
снова ящеры кружат, и снова на площадь садятся.

*

Сердце древнего города спит в потаенных глубинах,
там, где белая рыба в подземной реке шевелится,
и слепая река в обнаженную тычется глину...
И живи — не живи: все равно ничего не случится.

* * *

Посмотри и запомни — была здесь когда-то земля,
И тяжелые волны внезапно ее поглотили.
Я любила ту землю — овраги ее и поля,
Я любила ту землю, которую все позабыли.
Но наказанный грех проступает сквозь толщу воды,
В ней клубится тоска и тяжелая древняя смута,
Никому не уплыть в это море минувшей беды,
Никому не узнать, как в нем легкие тонут минуты.
Я любила ту землю. И снится она мне всегда:
Снится белый туман, снится запах молочного луга,
Но потом и во сне этот мир заливают вода,
И спешу я проснуться, чтоб снова уйти от недуга.

Июль 1996

* * *

Дух времени печальными глазами
Глядит на мир и все забыть стремится.
Собрались ветры и галдят, как птицы,
На дереве, что держит свод над нами.
В срединном мире не бывает чуда,
Зато кольцом нас тайны окружили.
Мы здесь живем. И мы с тобой забыли,
Что с нами было, кто мы, и откуда.
На кухне мира, где огонь и травы
Пучками сохнут, так тепло и сухо,
Лишь бой часов старинных ловит ухо:
Дух времени нам шепчет, что мы правы.

* * *

И голос ее был похож на мой,
И был в нем трепет и страх,
И только ты был ее герой,
Видевший свет впотьмах.
И было тебе с моим двойником,
Так легко и весело, но
О чем-то своем ты мечтал тайком
И все время смотрел в окно.
А там разгоралось зарево дня
Или медленно кралась ночь.
И она сидела с тобой у огня
И ничем не могла помочь.
И много так проходило лет,
Но ты не искал меня
За то, что я знала — героев нет,
А свет — это свойство дня.

КРУГОВРАЩЕНИЕ

*

Мне приснилось, что я — это ты,
и тяжелый узнала я страх.
Ледяные раскрылись цветы
на стеклянных холодных полях.

И осыпалась звездная пыль
с отрешенных и белых небес.
И не сон это вовсе, а быль
в нашем крае красот и чудес.

Он такой же, как ты — этот край.
Заблудиться в нем может любой.
Здесь родившись — живи, умирай,
чтобы не было жизни другой.

*

Дымы торчат из труб, как руки из рукавов:
все голосуют за грядущие морозы.
И город вечный твой, что спит среди дымов,
укрылся инеем и следует прогнозу...

Как холодно... Я не к тебе, мой друг,
я к городу. Случайно. Мимоходом.
Трамвай, как по стеклу, морозный чертит круг
за часом час. Скорее год за годом.

Ты как-то странно выдумал меня
и место, где пришлось тебя мне встретить:
я холод не люблю, как кошки и как дети...
пустой трамвай скользит по склону дня.

*

Снова и снова пурга, будто в небе открыто
месторождение снега. И ветер его добывает.
Все, что случилось на этом пространстве, — забыто.
все, что забыто, опять и опять наплывает.

Длинная площадь, фонарь желтолицый, сугробы,
люди и тени на площади вместе толпятся.

Что привело их сюда, им понять хорошо бы,
чтоб над собой и над старой тоской посмеяться.

О, посмеяться над прошлым найдется причина,
каждому хочется знать, что его не задела
и не слепила из снежной сверкающей глины
власть этой площади — вечной, холодной и белой.

*

Белый мой, стройный, из снега и инея слепленный,
новый Адам — повелитель родного простора.
Ева твоя среди белых равнин не ослепла ли?
Что ей мерещится: море, зеленые горы?

Как разбудить ей пространство навек задремавшее,
белого змея найти среди зимнего сада?

Солнце, как яблоко с древа познания упавшее...
Снежные тучи — извечное райское стадо.

*

Мне совсем не смешно, ты не думай, пожалуйста,
но в пространстве твоём я навеки чужая.
Жаль мне Еву, но что я могу кроме жалости?
В эти игры морозные я не играю.

Космогония снега, где ровные линии,
и соцветья кристаллов на стеблях колючих.
Я устала от правды, устала от инея —
мне не нужно ни первых, ни правых, ни лучших...

Только мгла и тепло, и догадки случайные,
вместо рая, в котором морозно и ясно.
Я живу на Земле, где все явное — тайное,
и понять, и узнать, и не ведать — прекрасно.

Март-апрель 1996

* * *

В языческом детстве моем я о Боге не знала,
вернее, мне все говорили, что нет его в мире,
но странное что-то с утра камыши волновало,
а вечером двигались тени по старой квартире.

А в темном сарае так шумно дышала корова,
и вторил неведомо кто ее вздохам тягучим,
и кто-то бродил за окном и искал себе крова,
и кто-то катался верхом на искрящейся туче...

В языческом детстве, где тайна не связана словом,
и я была кем—то неназванным и неизбежным,
как то, что дышало и двигалось, снова и снова
простор насыщая зеленым, и синим, и снежным.

* * *

В неведомый полдень вошли мы с тобою, как в воду
(Белей одуванчиков полдни в апреле бывают).
И кто-то знакомый про чудную скажет погоду,
И мы согласимся, хоть знаем, что мир уплывает.
Когда я с тобою — вне мира я и вне простора,
И даже тягучее время меня не пугает.
И вьется и тянется тонкая нить разговора,
И призрак тоски за границами дня умирает.
Мы — брат и сестра, разлученные в мире случайно,
И странный тот случай лишь повод к улыбке, когда мы
Не связаны болью, не связаны страхом и тайной:
Апрельские полдни не лучшее место для драмы.
Апрельские полдни не место для драмы, и это
Дается нам просто, приученным к вечной печали.
О, как нам спокойно от этого легкого света,
Который друг в друге нечаянно мы угадали.

28.04.94

* * *

Ветер сказку полыни решил рассказать мне ко сну,
Чтоб не снился в ночи суетой одурманенный город,
Чтоб не видела я этих длинных домов кирпичи
И живую луну в металлической сети заборов.

Ветер сказку полыни решил рассказать мне к тому,
Чтобы я не считала те годы, в которых тебя я искала,
Чтобы я не смотрела назад в эту зыбкую тьму,
Где земная печаль не имеет земного начала.

А теперь мне приснится полынное лето и сад,
Мне приснится, что вместе гуляют родители наши,
Мы с тобою бежим по высокой траве наугад,
И сбиваем головки ни в чем не повинных ромашек.

Шестилетняя — я. Ты постарше, но это не в счет:
Если весело детям, то Богу спокойно живется,
И тогда в этом времени лето спокойно течет,
И невидимый ветер над городом страшным смеется.

12.03.94

* * *

Еще в гнезде тяжелом солнце спит,
Еще трепещет мгла весенней ночи,
И этой мглою мир от глаз укрыт,
И вспоминать о нем душа не хочет.
В безмолвии. Вне времени. Одна.
И слышу я, когда молчат живые.
Из ночи, из глубин ее, со дна
Растут восхода стебли голубые.

* * *

Непознаваемая блажь
Непознаваемого мира:
Пустынный берег, желтый пляж,
Осенний лес, в котором сыро,

И тихо в нем, но каждый лист
В пространстве шорох оставляет,
И воздух памяти так чист,
Что сил для жизни не хватает

(Как не хватает мне того,
Кто был Свидетелем минуты,
Кто шел не зная никого,
Но всем знаком был почему-то.

В его рассеянных глазах
Все отражалось так случайно,
Что, рассыпаясь в легкий прах,
Казалась лишь туманом тайна).

Тот миг открыт. Рукой подать —
Река, туман и лес. И снова
Я постигаю благодать
Внезапно узнанного слова.

КОСТРЫ

*

Оказалось, пространство давно убывает и призрачна даль.
Оказалось, и солнце другими тропинками бродит.
О, какая печаль на Земле! О, какая печаль! —
Словно с этой Земли все живые навеки уходят.

Только жухлые листья еще в пустоте шелестят,
По привычке в осенние краски себя наряжает природа.
И горит в стороне, догорает последний закат —
Это прошлое жгут. Все дотла, до последнего года.

В этот страшный костер я бросаю обрывки письма,
Где записана память старинного гордого рода...
Все, что было и есть, я теперь постигаю сама,
И не знаю, зачем остается мне слово «свобода».

*

В мире, все убывающем, вдруг загорелась звезда.
И сверкает, как рыба на дне обмелевшей запруды.
Все смешалось, мой друг, все смешалось уже навсегда —
Мир плывет и плывет на глазах в никуда ниоткуда.

Есть предел насыщения даже у этой земли.
Есть предел насыщения страхом, и горем, и верой,
Вон, смотри, тополя, как речная трава на мели,
Хоть и живы еще, но подернуты патиной серой.

Так, наверно, и мы. Тут не станешь о прошлом жалеть,
И надежды свои вспоминаешь все злее и реже.
Это новое время над нами раскинуло сеть.
Мы попались в нее. Мы попались. Но где же мы?
Где же?

*

Дерево рода не символ, а жизнь, но где
Все мы теперь? И к чему нам такие просторы?
Сорванный лист, утонувший в холодной воде,
Нужен мне больше, чем этот покинутый город.

Странная осень, которой не видно конца
Все повторить себя в лицах привычных стремится,
Но и пространство земного не помнит лица,
И на глазах, расплываясь, бледнеют страницы.

Выцвело все, что слагалось в глухие слова
Древнего рода, живущего в счастье и муке...
И на глазах исчезают дома и трава,
И тополя опускают уставшие руки.

*

Там, на другой стороне обреченного дня,
Солнце горячее возится в белой берлоге.
Как вы живете на той стороне без меня?
Кто из вас вышел и встал на пустынном пороге?

Кто из вас видит дрожащего мира весы,
Где мы на разных, но равных оставлены чашах?
Жук-скарабей в золотые смеется усы
И уползает в далекое прошлое наше.

Здесь, на моей стороне, смотрит осень в окно,
Длинная осень, у нас отобравшая души,
В мире мы жили — и как это было давно!
Наша пустыня — что может быть проще и суше.

*

Длинные нити осенних дорог
Паутина летает, и листья...
Закружило меня, унесло
И сместились пространства и грани.

Странно смотрит неведомый Бог
На горячие спелые кисти
Двух рябин. Ну, а что здесь росло?
Этот кактус едва отличим от герани,
Эти пальмы едва отличимы
От наших извечных берез, —
Как меняется истина
В мире простых совмещений!
Запах хлеба и дыма,
Лошадка, везущая воз,-
Все здесь больше немислимо
И не имеет значенья.
Связь времен порвалась —
И осколок осеннего дня
Все плывет, проникая
В чужие миры и просторы...
И неведомый Бог, не смеясь,
Так спокойно глядит на меня,
Как всегда понимая
Всех, ищущих точку опоры.

*

Точка опоры, и мир повернется. И вдруг,
Варвары снова пойдут к обреченному Риму.
Все замыкается в тот же неведомый круг,
Все ненадежно, непонято и повторимо.

И, повторяясь в пространстве, душа узнает
Ту же печаль, ту же ласточку, ту же криницу,
Вяжется ткань, где за годом неведомый год,
Времени ткань на блестящие нижется спицы.

Кто я? Зачем я по улице длинной иду,
Вижу, как свет отражается в лужах осенних,
Что я пойму, что забуду и что здесь найду,
И о каком так давно я мечтаю спасеньи?

Октябрь-декабрь 1994

* * *

Черно-белый экран
Черно-белой взрывался войной,
Омывал океан
Берега двух враждующих линий,
Ближний берег — не мой,
Дальний берег — не мой,
Снизу омут бессонный и синий...

Я чужою была
Двум глухим берегам
И одной разделяющей бездне.
И душа, как скала,
Никого не ждала,
Зная ветра тревожные песни.

Что случается там,
На чужих берегах,
Я понять не могу. И не знаю,
Как там время немеет в забытых полях,
Темной чащей стоит замороженный страх,
И столетья в снегах умирают.

Но душа, как скала,
Что из бездны росла,
От нее отрекаясь для света —
Берег ближний — родной,
Берег дальний — родной,
Что бы там ни случилось —
Все было со мной,
Но лишь ветру скажу я про это.

24.02.94

* * *

Воля к печали меня привела в этот дом,
Воля к печали и ненависть к вечному страху.
Будни слагались, сшивались в непрошенный том,
Время плело паутину из солнца и праха.

Будни читались и ночи, и дни напролет,
Некто смеялся, а Некто не видел ответа.
Верила я, что последний однажды поймет
Все между строк, и жила я надеждой на это.

О, как внезапно рванул наши двери сквозняк,
Окна открыв, сны и будни смешав между прочим...
Знала всегда я, что в мире случается так:
Волей к печали был мне этот миг напророчен.

Зима 1994

* * *

Что же ты смотришь в окно? Там тягучая вьюга
Шарфом окутала горло разбуженной ночи.
Хмурится ночь — и ни снега, ни ветра не хочет,
Ей бы забыться до нового вечного круга.
В тайне земных повторений — разгадка причины
Этого часа, который мы оба узнали:
Шорох случайный, тревожные фары машины,
Бремя мгновений, которые мы потеряли.
Ночь неохотно включается в наши заботы,
Вьюгу стряхнув, и стекло отогрев темнотою.
В час узнавания не принято спрашивать: «Кто ты?»
Знающим свет, и вовеки не знавшим покоя.

25.02.94

* * *

Слепой апрельский снег под ярким солнцем кружит,
Ему на землю опускаться страшно;
Там рты открыли ветреные лужи,
Забывшие, как тает снег вчерашний,
Как тает снег... Апрель сырой и странный,
Твоей тоски тяжелые качели
Бросают мир то вверх, то вниз. И страны
Морской болезнью разом заболели.
Зима и лето спутаны и смяты,
Ну, может быть, оставим мир в покое?
Пускай живет. Ведь все плывет куда-то,
И все уходит с талою водою.

* * *

В этом странном магическом сне
Ты бывал. Я об этом узнала
Там скворечник висит на сосне,
Море бьется о серые скалы.
И спокойно ползет муравей
По травинке, растущей на склоне.
Только миг. Только шаг. И скорей
Просыпайся, не зная погони.
Море любит тебя догонять,
И догнать оно может любого, —
Это просто однажды понять:
Только миг. Только шаг. Только слово.

* * *

Я героев забыла своих —
в мире нет их...
Вечер призрачен глух и тих
в лапах веток,
Все я думаю об одном:
что случилось?
Не нужны мне ни даль, ни дом —
все что снилось,

Что мерещилось в темноте
теплым светом
И слова мои все не те —
Не об этом...

* * *

Мне лучше забыть обо всем, что я с детства люблю,
Мне лучше не помнить того, что недавно узнала.
Холодное солнце. Черта городского квартала,
Мой дом, что подобен стоящему век кораблю.
И даль, будто гавань, где зеленью воды взялись,
Куда даже чайки уже никогда не садятся,
И только одно остается — движение ввысь,
И в этом движеньи мне некого больше бояться.

* * *

Я в подлунном мире нелепая божья тварь,
Ничего не знающая, кроме стихов дремотных.
Таких полоумными в народе считали встарь,
О, как мне жаль тех времен своих беззаботных!

Уснули дети мои, и тихо в моем дому,
Заходящее солнце медленно гладит страницу,
Ничего никогда ни в себе, ни в других не пойму,
Только Божий замысел мне как всегда приснится.

Он приснится в краткий, и ясный, и горький волшебный миг,
Словно шар земной закружится на моей ладони...
И понятен мне станет и птицы тревожный крик,
И далекий топот охотничьей злой погони.

Это молния тайны, неожиданно бьет в меня,
Чтоб сгорела я вмиг, и все поняла иначе,
Чтоб жила я потом про себя этот миг храня,
Оставаясь в миру глухой, немой и незрячей.

ГАЛИЛЕЯ

*

Словно кости истлевших минут,
Эти белые мелкие камни в горах Галилеи...
Как неласков, друзья, ваш приют —
Ни сказать, ни понять я еще не умею.

Чернокрылые кедры как будто летят над горой
И оливы под ветром не клонят холодные кроны:
Это небо с землею ведут нескончаемый бой:
Слишком много о будущем думал здесь Бог обреченный,

Слишком ясно он видел дорогу и красную пыль,
И гора на закате свечою пылала и тлела.
Эта дымка вдали — лишь веков непроглядная быль,
От которой душа до скончанья времен онемела.

И от этой молчащей души все живое вокруг
Проникается речью, гортанной, как крики вороньи,
И молекула слова небесный приносит недуг
Всем пришедшим сюда, всем живущим на ветреном склоне.

*

Золотая тень одиночества. Ветер и свет,
Пахнет воздух лимоном и хвоей...
Узнавание прошлого — только земной ответ
На то, что чудится и не дает покоя.

Узнавание прошлого, древнего сна канон,
Где египтянин мир повернет плечами,
Где, превращаясь в камень, хамелеон
Может луною стать и сиять ночами...

Контур сосны прорезан на небесах,
В нем перемен никогда не найдет смотрящий.
Тень одиночества, ветер, неясный страх
Перед горой и камнем, где дремлет ящер.

*

Там, где огонь, разогнавшись, споткнется о камень,
Мир потрясенный запросит воды и пощады,
Небо чужое, которое выбрали сами,
Гроном разбудит о страхе забывшее стадо.

О, это просто осенние ранние грозы
Всем показали, кто в этом просторе хозяин.
Долгие провода наши и лишние слезы —
Это разлука — одна из непрощенных таин!

Это разлука в пространстве — слепая стихия,
Равная прочим в своей неразборчивой силе.
Сказке любимой, где дали всегда голубые,
Верь, если хочешь, пока о тебе не забыли.

*

Тихие жены, которые ткали усердно
Жизнь мою, и веселье, и травы густые, —
Здесь не живут. И меня вспоминая, наверно,
Мыслят, что нас разделяют лишь дали пустые.

Их километрами все измеряют, и значит,
Преодолеть их в любую секунду возможно.
Но почему за окном так беспомощно плачет
Теплая вьюга, пространство обняв безнадежно?

И безнадежна попытка измерить разлуку,
Давнюю песню с одной единственной нотой.
В пляске созвездий Стрелец прикасается к луку,
И разлетаются атомы были без счета.

*

Склон горы на рассвете красен, а воздух плотен и сиз,
Но что делать вам, детям тревог и смысла
В галактической драме, где небо упало вниз,
Где земля поднялась и в пространстве навек повисла?

В хороводе времен и молекул кружится миг,
Разрастаясь, как шар земной и сжимаясь в точку,
И в мечети муллы начинает свой плач или крик,
Чтобы ты не пропал, не ушел, не исчез в одиночку.

Чтобы ты не пропал, не пропал, не исчез —
Следом колокол начинает звонить в Христовом храме,
И, на дальний звон откликаясь, вздыхает лес,
И колдует раввин над магическими словами.

Начинается день. И по разным граням его,
Под такими углами, что без Бога нельзя удержаться,
Ни о чем не жалея, не ведая ничего,
Вереницами в небо люди идут общаться.

Дети тревог и смысла остаются сами
Со своими заботами среди многоступенчатых будней,
Ни крик муллы, ни раввин, ни колокол их не разбудит.
Золотая тень одиночества лежит над домами.

Декабрь 1995 — февраль 1996

* * *

Все проходит на свете. И даже большая беда.
Из нее родились мы, и с ней мы росли и выросли.
Все проходит. Как будто бы в землю уходит вода,
И плакучая ива над сушею плачет без цели.

Как нам вспомнить теперь, почему наши рвались сердца,
Как теперь нам понять, в чем бессмысленной жажды причина?
Это берег беды. И в него мы вросли до конца —
До распада времен, где видна обнаженная глина.

12.11.93

« П У С Т Ы Н Я »

1997–2004

*Посвящается моим друзьям
Елене и Леониду Финбергам*

* * *

В этом доме другие приметы,
в этом доме другие предметы,
в этом доме другие слова...
За окном так же пенится лето,
жухнет в поле глухая трава...

Древний жук свое дерево точит,
домовой не по-русски бормочет,
и о прошлом не помня совсем,
нам опять свои сказки торочит,
и своих же не ведает тем.

Ставит век свои новые сети,
расправляя тяжелые плети,
в тот же вечный холодный поток.
И все так же веселые дети
ловят августа рыжий клубок.

* * *

В родном краю, таком печальном,
я выростала, не дыша,
как все, кто ближним был и дальним,
как все, в ком теплилась душа.

Железным этот край казался,
но древоточец правду знал:
и чем он был, и чем питался,
и что подспудно убивал.

Гнилой колодой на дороге
лежит страна, которой нет.
Жуки — оранжевые боги —
свершили времени завет.

НОТЫ ВРЕМЕНИ

*

Прочитанная в детстве сказка о добром гноме каждый раз оказывается мифом про людоеда-карлика. Во всемирной истории в каждом отдельном томе я читаю об этом, чтобы ярость свою подкармливать.

Ярость — самое верное средство от тошноты. Только погаснут два ее ярких круга перед глазами — и видишь все то же: деревни, кресты и кусты — все, что когда-то мы сами сделали с нами.

«O solle mia!» — голос мальчика вдалеке, прочитавшего только сказку о добром гноме...
Прошлый век, как айсберг, по черной плывет тоске — все уменьшаясь и уменьшаясь в своем объеме.

*

«До, соль, ми, ре» — оголтело кричит петух, вызывая тоску у проснувшейся пианистки.
Солнце еще не зажглось, а месяц почти потух, небосвод еще в этот час серым бархатом выстлан.

Ноты времени выстроены не в лад,
нотам времени некогда научиться.
Вспомнишь музыку революции, оглядываясь назад,
и, споткнувшись, отказываешься вперед стремиться.

В паузе между прошлым и будущим нам легко,
там петух дирижирует загорающимся рассветом.
Никогда не уйдешь по течению времени достаточно далеко,
чтобы, услышав музыку, не пожалеть об этом.

* * *

Солнце, красное как георгина, обещает нам завтра ветер.
То же самое мне обещает вечером головная боль.
Как всегда весной, орут во дворе то коты, то дети,
и с оконных стекол осыпается свет как соль.

Всеми тупиками и улицами знакомый город
с головой окунается в новую для себя игру,
меня названия оврагов, площадей и горок,
рассыпая пригоршнями шелестящую мишуру.

К новой его игре привыкнуть не так легко мне,
раньше в другие игры этот город любил играть.
Сколько на свете живу — только о них и помню:
страх или шорох шин, или страх опять.

Завтра весенний ветер погонит по небу тучи,
это значительно веселее, чем такие вот длинные вечера.
Прошлое промелькнуло в тоске сухой и летучей,
в молчаливой тверди наречий: сегодня, завтра, вчера.

* * *

Солнца сухое пламя слизывает минуты.
Ты мне опять приснился, друг мой, давно забытый,
враг мой, давно прощенный, знавший слова такие,
чтобы душа в тревоге места себе не знала.
Будто с высокой башни я на тебя смотрела,
а под стеною в поле войско твоё и флаг твой,
слов золотые стрелы, дней голубые кони.
Я не хотела слышать ропот трубы военной,
я не хотела верить в голос твоей тревоги.
Вижу пустое поле, где отдыхают ветры,
где огонек далекий в утренней мгле мигает.
Что мне теперь поделать с глупой моей победой,
с горькой моей победой — с этим пустынным полем?

СЛАВЯНСКОЕ СЧАСТЬЕ

*

По течению времени вынырнув позже,
смотрю на прошедший век.
В данном случае — это фотография девушки
в гимназической форме.
На фоне окна, за которым может быть солнце,
а может быть снег:
легкий всплеск бытия, запустившего в недра
сосущие соки корни.

По золотому блюдцу серебряным яблоком катится век,
открывая лицо гимназистки, ждущее только чуда и счастья.
Но грядущий испуг притаился в коротком прищуре век,
будто дернула штормку, чутьем угадав на дворе ненастье.

Боже правый, какое счастье не знать,
по каким волнам предстоит ей в жизни мотаться.
Время, вытолкнув девушку, подло откатывается вспять,
наперед предоставив ей так весело посмеяться...

*

Но хорошо, как известно, смеется тот,
кто из дальнего далека смотрит на все, что было.
И, к исходу века затеяв новый водоворот,
время смеется над всем, что себя забыло.

Самозабвенность — славянское счастье. Иначе как
объяснить, что все до сих пор не сошли с ума мы?
Заглянувши в такую бездну, что даже безмолвный рак,
пятясь от края, громко вопил бы «мама!».

*

Забывать не умею — поэтому смотреть назад не могу.
Тем более, что безмолвием никогда не страдала.
Время чертит на небе серебряную дугу,
по которой сползает век за горизонт устало.

* * *

Когда Иосиф, что в Египте сонном
был Первым Другом Бога-Фараона,
смотрел на север, то всегда пустыня
в его воображенье оживала.
С ее шершавой, потаенной смутой
и тихой жизнью средь камней и ночи,
и обмороком дня, упавшем в свет...
Он вспоминал тогда о Дне творенья:
Великий Бог уже наполнил землю
водой, и хлорофиллом, и дыханьем,
вдруг увидал прогалины-пустыни...
Но отдыхал... А был тот мир — хорош!
— Пускай живет! — сказал Господь пустыне
в напоминанье тем, кто будет думать об этом дне...

Иосиф — заместитель Фараона
в большой земле, протянутой вдоль Нила,
знал, что не признан маленьким пространством,
где Бог свои стада упорно множил,
а Царь тех стад за вечностью следил.

Иосиф был орудьем в главной драме,
и у него кружилась голова,
когда к истоку направлялись мысли,
и потому между собой и драмой,
между извечным непреклонным «нет»
Он расстелил шуршащую пустыню,
и все любил смотреть на караваны,
вернувшиеся из небытия...

* * *

Я бесстрашна, как дождь или ветер,
и любовь моя так же прозрачна:
только друг и сестра всем на свете,
без заботы глубинной и мрачной.

В мире есть только свет и движенье,
и тяжелая глыба земная,
о которую бьюсь от рожденья,
от которой всегда улетаю.

* * *

Вьются ласточки перед грозой,
вышивая пространство стежками.
Ими вышито небо с домами,
колокольня и мост над рекою.

Нас двоих им бы вышить случайно
на мосту, или там — возле речки.
Но реальность им ближе, чем тайна
нашей несостоявшейся встречи.

СТАНСЫ

Маленький красный паук замыкает пространство как может.
Солнце сетью он ловит. Но в небе гуляет добыча.
Я не могу разобрать, что меня в этом деле тревожит?
Идеализм, который давно в этом мире привычен?

На себе я пространство замкнуть не умею,
хотя и пытаюсь так часто,
все же центр Вселенной другим я всегда уступаю...
Вот и снова весна... Влажный ветер расправил тяжелые ласты.
И плывет, как дельфин. И не пойманным солнцем играет.

Всем тревожно весной: всем приходится ввысь подниматься,
всем приходится цель ощущать и тянуться к ней снова и снова.
Хочешь в центр Вселенной? Но я не умею влюбляться —
сквозь прозрачные сети смотреть я на мир не готова.

Мне не нужно спешить и тянуться к заоблачной цели.
Ни к какой. Никогда. Все случайно я вижу и слышу,
и люблю не касаясь. Ведь все так легко в самом деле:
и расти, и летать, и под солнцем мурлыкать на крыше.

* * *

Бабушке

Ветер снежные тучи ловил и хватал за хвосты,
и трещала сосна за окном в его лапах.
«Спи, моя радость, усни...» — это пела мне ты.
Слабый свет на морозном стекле — печи гаснущей запах.

Все, что было на свете, тогда проникало в мой сон,
тени страхов земных над моею кроватью витали.
Но твоей головы обреченно-спокойный наклон
И спокойные руки твои меня долго от страхов спасали.

* * *

Внучке

Ты мое солнышко, котик любимый!
Дремлют деревья под снегом...
Будешь, неведомой силой хранима,
жизни не чувствовать бега.

Жестких дистанций ее не бояться
станешь, как все твои предки,
молятся все за тебя, и смеяться
можешь спокойно ты, детка!

Песик уснул у тебя на пороге,
ты в свою маму уткнулась...
Пусть остаются за дверью тревоги:
ты Благодатной проснулась.

* * *

Е. З.

Мы с тобою дедка с бабкой,
разрослась до неба репка,
есть и жучка. И под полом
проживает где-то мышка.

Вместе с нами корень жизни
внучке потянуть придется,
чтобы, горький сок глотая,
знать и помнить все, что было.

Мы с тобою дед и баба,
мы с тобой, моим любимым,
жизни горький сок глотаем...
Пусть для внучки будет слаще
этот вечный наш напиток.

* * *

Белый полдень. Солнце-суперзвезда в проеме.
Смотрю на город, как на пустыню Сахару.
Когда хлебаешь цивилизацию в полном ее объеме —
неизбежно впадаешь с собою в пустую свару.

Год за годом одиночеству нас обучает город.
Родовому мышлению в этом мире некуда деться.
Вспоминаешь только, как скрипит колодезный ворот,
вспоминаешь суету безразмерного дома в детстве.

Солнце-суперзвезда в оконном горит проеме.
Город везде раскинул свои заржавленные барханы.
Одиночество, даже с тобою, в полном его объеме,
одиночество даже вместе с тобою — странно.

* * *

Деду

Не запомнила я ничего из рассказов твоих,
но большую беду в детстве сердце мое угадало.
В мир приходят слова, когда вечер прохладен и тих,
и когда одному из двоих остается так мало.

Дети знают без слов все, что им старики говорят,
а слова остаются и вновь прорастают в грядущем.
С той поры я глотаю тягучего времени яд,
и люблю этот мир, что оставлен тобою живущим.

* * *

И когда я читала запоем веселого Вальтера Скотта,
и когда от «Разбойников» Шиллера сердце мое замирало,
знать тогда не могла я, что в этом же дне отчего-то
милым братьям моим ни дыханья, ни слов не хватало.

Не могла я понять в этом мире совсем непохожем
на простую и ясную правду прошедших столетий,
что поставил нас мир перед вечною ясностью тоже,
и что первыми братья мои оказались в ответе.

В этой странной войне, где слова убивали друг друга,
на земле — и не раз — оставались убитые братья.
Что же делала я, их земная сестра и подруга,
вдруг прозрев наконец и векам посылая проклятья?

Что мне делать сейчас, вспоминая минувшие годы?
Не прощать? Но кому? Прочитавшим другие страницы?
Не читавшим совсем и не знающим слова «свобода»,
за которой века безнадежной идут вереницей?

* * *

Я любила простор, и меня полюбил он в ответ.
Сколько длится союз, обреченный на горькое счастье?
Сколько длится союз, неизбежной которого нет,
сколько долгих минут в этой странной и ветреной страсти?

Слишком тихо и верно простору смотрю я в глаза,
я сама превратилась в него и теперь я не знаю,
кто я: облако, ветер, дождя голубая слеза,
и бывает ли так, что простор от любви умирает?

* * *

Как же странно звучало слово,
произнесенное не мною,
но о том же. Глаза закрою
и представлю себе я снова:

древний берег, верхушки елей
и заката сухое пламя.
Мир, не ведая Божьей цели,
держит нас у себя на память.

Русла рек проложили воды,
память — просто моя работа,
и уходят бесследно годы,
чтобы землю услышал кто-то.

* * *

Эта ночь тяжелее свинца,
этот сон, где живешь наяву.
Подожди, дочитай до конца
странной повести нашей главу.

Прочитай до конца и поймешь:
в этой книге герои — все мы.
Все написано, и не уйдешь
от себя, от тюрьмы, от сумы.

Не уйдешь от бессонных ночей,
и от слез о несбывшихся снах.
Этот мир — он не твой и ничей,
не твои даже горечь и страх.

Нам созвездья диктуют свое,
солнце светит для нас на заре,
чтобы странное наше житье
продолжалось в бессмертной игре.

* * *

За стеной, в тишине, скрипка тронула музыку ту,
что в сознании моем. Я ее для себя повторяла...
Кто-то дальний поймал мой случайный мотив на лету,
или песню какую-то я, не слыхав, угадала.

Суть мелодии в том, что она существует вне нас:
кто ее повторит, кто услышит, как будто впервые,
и поймет по губам, и найдет в глубине наших глаз
эти странные ноты, волшебные ноты живые.

Ропот сонной листвы, что в мелодию вплелся легко,
твой внезапный звонок из пространства, как будто чужого.
Мне не хочется знать, что здесь близко и что далеко,
если музыка есть, и на музыку просится слово.

ПАМЯТИ ВАСИЛЯ СТУСА

Белая стужа северной ночи,
мрак замирающий хрупок и тонок.
Северный ветер уняться не хочет,
плачет и плачет за дверью ребенок...

Так ли оплакан ты белой землею,
как по тебе твоя родина плачет?
Жизнь твоя целой вечности стоит,
что же мне делать, коль вышло иначе...

Лето в серебряный омут бросает
память и горечь и хочет покоя.
Южное лето — такое родное,
но и оно от тоски не спасает.

Горечь вины, и неискренность света —
я виновата как все — и не боле —
в этой земле не спасла я Поэта
и никогда не почувствую воли.

* * *

У времени нет на нас ни минуты...
К этому выводу приходишь всегда случайно,
оторвавшись от навязанной буднями смуты,
в дом войдя, сняв пальто и поставив чайник.

Все неприятности тихо уходят с паром,
кипящий чайник выполняет работу за нас.
Все, что сделано и не сделано — пропало даром,
ведь есть пустыни, а в них — вопиющих глас.

Голосу вопиющего отвечает эхо,
а ты сам себе и слушатель, и пророк.
Трется об ноги кот своим серебристым мехом,
помогая тебе усвоить собственный твой урок.

* * *

Е. З.

Беспечально или безрадостно?
Разберись в этом сам, мой друг.
Посмотри — это зимний сад уснул
под ворчание первых вьюг.

Все не связаны этим временем —
каждый впрок себя в нем запас.
Ни к чему нам теперь полемика,
то, что писано — не про нас...

Самолет погружает лопасти
в ткань воздушного вещества...
Сколько слов улетело попусту,
кроме вечных — «прости», «пока»!

* * *

Там, где волны сложили головы, —
просесть соли, что в землю вьелась.
И не золото — и не олово —
день такой, как бы мне хотелось.

(Тот далекий, песчаный, рыжий,
то по пояс в песке — то в речке —
смотрит окуня глаз бесстыжий
на визжащего человечка.)

Было так, но уже не будет.
Будет с кем-то, но не со мною...
Ветер камни сухие студит
возле замершего прибора.

* * *

Смотри в колодец — и овец увидишь,
увидишь пастуха и желтый полдень,
все краски победивший на земле, —
лишь контуры овец и пастуха
на фоне всесжигающего лета.
Но подожди — и ты увидишь тень,
на склоне дня ее гора набросит
на яркий мир — и золото замрет.
Мгновенье ли прошло, тысячелетье?
И загорится золото опять...
И ты увидишь пастуха и стадо
в тот полдень, у колодца, под горой.

* * *

М. Б.

На старуху бывает проруха.
Эту сказку ты слушай в пол-уха:
слишком страшно нам, чтобы бояться,
слишком весело, чтобы шутить.
Где же наше беспечное братство?
Над собой нам пришлось посмеяться,
прежде чем друг о друге забыть.

Выйдя — двери закрой за собою,
не оправдывай это судьбою.
Все, что видится, так быстротечно,
что одно искушенье — не быть.
Путь далекий, неведомый, млечный —
как тебя нам прикажешь любить?

Как любить, когда преданы даты,
сны размазаны, будни помяты,
будто наспех из общей тетради
кто-то вырвал все то, что писал.
Ради Бога — не памяти ради —
в наше общее прошлое глядя,
повтори, что себе ты сказал...

* * *

Да, знаю я теперь, что мертвых здесь варили
и на семейном ели серебре...
Да, поняла я, что народ убили
и мир на новом вышили ковре.
Мой Бог, я доросла до искушенья
спросить Тебя: «О, как Ты допустил
кровавых флагов мокрое скольжение,
и голос матери, что над веками выл...»
Мой Бог, тысячелетие другое...
Я прошлое, забывшись, ворошу.
Все не поняв — Тебя не успокою.
Все не поняв — о главном не спрошу.

* * *

И не в масть попадало слово.
Вам заранее надо знать бы,
что свобода всегда сурова
к тем, кто мечен ее печатью!

Сколько лет зачеркнула осень,
сколько зим застывало в чашах —
кто бы карты на стол не бросил —
свеч не стоили игры ваши.

В сослагательном наклоненье
никакого не вижу смысла.
Вся свобода — одно движение,
даже если движение — выстрел.

* * *

Поручение Твое я выполняю плохо:
это грех мой, и это — моя беда.
Можно оправдываться, что с ног сбивает эпоха,
или грустить, что плохо движается путевая моя звезда.

Дай мне, Господи, волю, сравнимую с эпохой и со звездой.
Мне легко с ними справиться с помощью ритмов и строк.
И тогда я Тебе расскажу о земле такое,
что каждый живущий выучит потом как урок.

И тогда расскажу я Тебе о памяти и о власти
злого времени, которое никуда не спешит.
Расскажу о тех, кто спасся из его окаянной пасти,
расскажу, о чем листва на ветру шуршит.

Дай мне, Господи, горстку слов, всем давно известных,
в рифмы и строки я их превращу сама.
И в каждом слове кто-то навек воскреснет
и от звонкой рифмы злое время сойдет с ума.

Я лишь Твой переводчик, Господи, и не боле.
Что, вообще, без Тебя я могу остальным сказать?
Но и Ты узнаёшь от меня по Своей же воле
обо мне, о земле и о времени, которое поворачиваешь вспять.

* * *

Абсурд — это реальность, реальность — это абсурд.
В акваланге этого знания экскурс в историю безопасен.
И ныне дикий тунгус, и ныне дикий удмурт,
и ныне дикий каждый из нас прекрасен.

Солнечный свет — как рефлектор, и сцена дня,
на которой все тянется и тянется представленью.
Сценарий, понятный всем, написан не для меня,
но я тоже двигаюсь в заданном направленью.

Тянется шоу, где каждый себе не рад,
но представлен на сцене в самом выгодном свете...
И улыбаюсь я солнечно всем подряд,
чтоб никого не узнать и неловкости не заметить.

Я забываю о реальности в суете —
и вечеров боюсь и ночей крылатых.
Время влачится у вечного дня в хвосте,
и спотыкается в своих же собственных датах.

* * *

Распалась связь времен.

Вильям Шекспир

Восточный ветер поднимает пыль
и вдаль несет по улицам знакомым.
А там, вдали — ни площади, ни дома:
вина, война и серых лет ковыль.

Я плоть от плоти давней тайны той,
которая, увы, не состоялась.
Волшебный сон, серебряный покой —
все не сбылось, что в той стране сказалось.

Все не сбылось. Времен порвалась нить.
Развоплощенье снов — рождает тени.
И на границе правды и видений
попробуй все в одно соединить.

* * *

Е. З.

Я живу, когда все мои дома,
когда ветер за окнами бродит...
И откроем мы двери чужому,
а свои никуда не уходят...

Я живу, когда сказку покоя
кот мурлычет, в ногах моих лежа.
Время выпало, друг, нам такое,
что из собственной вылезло кожи,

как змея. Мы о прошлом забыли.
Мы о будущем знаем немного.
Нам тепло у родного порога
в этой теплой и сказочной были...

* * *

Печаль плодородна — бесплодна тоска,
она моих слов не услышит...
Не нужен ей шарф голубого леска
на шее равнины притихшей.

Не нужно ей поле, где тополь стоит
без листьев, без птиц, не у дома,
как будто вернулся, но всеми забыт,
и местность ему незнакома...

Тоска отвернулась. И ей ни к чему
со мной ли, с тобой разговоры.
И память встряхнешь, как пустую суму,
и смотришь: поля и заборы...

* * *

В мире, где нет героев, спокойней спать,
предварительно убедившись, что крепки на дверях запоры.
В мире, где нет героев, ушедшая Благодать
оставляет живущим невиданные просторы.

На пустом полигоне памяти — тишина.
Все давно разошлись и давно обо всем забыли.
Это, друг мой, не столько твоя и моя вина,
сколько новые игры все той же неверной были.

Прошное разом выдано и носится, как медаль.
Равнодушное уважение в чужих ты читаешь взглядах.
С двухколесного времени, которое мчится вдаль,
ты упал, и выжил, ну, что еще тебе надо?

* * *

Луны серебряный фонарь
висел на ветке тонкой-тонкой.

Сергей Грибов

О, как странно все то, что случилось.
Улыбнулась холодная маска.
И пространство другое открылось,
где трагедия терпит фиаско.

И дорога от поля до леса
не длинней, чем от страха до смеха.
Там, где черного времени месса
отзвучала — осталось лишь эхо.

Старый век на приколе, как лодка,
у которой пробоина в днище.
Тот же месяц на нитке короткой,
тот же ветер по берегу рыщет.

* * *

Там, где поток откровений на землю прольется,
тлеет пустыня ближайшее тысячелетье.
Знающий все — это тот, кто последний смеется.
И ничего не хочу узнавать и уметь я.

Я ничего не хочу собирать воедино,
дни не хочу заплетать в бесконечные косы.
Улица города. Тополь поджарый и длинный,
время куда-то летит, избегая вопросов

о ненадежности. Впрочем, пришлось притерпеться
к этому тоже. А к старости вдруг повзрослею
и перестану всему, что живет, удивляться.
Словно из чащи внезапно выходишь в аллею

чинного парка, где спящим старушкам туманы
белые снятся, и тянутся белые нити,
всех нас связав. О, не надо, не надо открытий!
Пусть будет все так печально, неверно и странно...

* * *

На моем голубом экране
царь последний всея Руси...
Прямо в пропасть несутся сани,
просят женщины: «Бог спаси».

Все быстрее и быстрее под гору
все дороги и все пути.
Бог такого не знал простора,
где известно, куда идти.

Все известно, и Бог в печали.
Все же тысячу лет прошло...
Но чужими остались дали —
лишь экрана блестит стекло...

* * *

Е. З.

Патриархальный язык бытия —
мы понимать его знаки умеем:
в символах вьюги закружит аллею
и разогнутся пространства края.

Легкое время на плоской земле:
так начинается сказка сначала,
там, где еще никого не бывало,
символ тетради лежит на столе.

День, как сугроб после вьюги крутой,
дунь — и разветится, как наважденье:
тысячелетнее слово — движенье,
я повторяю его за тобой.

* * *

В танце холодном метели вращают луну.
Голосом крови вчерашние тени клянутся.
Тени, слетаясь, свою вспоминают страну
и не хотят там когда-нибудь снова очнуться.

Зло, выдыхаясь, не станет добром никогда.
Зло, выдыхаясь, вращается в замкнутом круге.
Прячется память под коркой непрочного льда.
Прячется поле под тканью сверкающей выюги.

* * *

Е. З.

Верхний и прочный палеолит —
наши жилища нелепы и хрупки,
время все тех же базальтовых плит,
где нарисованы звери и кубки.

Вечного снега висит пелена,
вечного света внезапные вспышки.
То же бессмертье и та же вина,
вечные кошки и вечные мышки.

Я не хотела бы знать ничего,
кроме тепла, и огня, и покоя.
Не говори мне, что время такое, —
кто из нас видел и трогал его?

* * *

Это зыбкое знание,
что круги на воде.
Все известно заранее.
Все мы были везде.

Дым костров отгоревших,
запах соли и медь.
Злость племен, не успевших
все свое дотерпеть,

но на чуждых просторах
начинающих вновь:
вор — дубинку у вора,
глаз за глаз, кровь за кровь.

Только зыбкое знание
тянет строчку шагов.
Все известно заранее:
боль, огонь и любовь.

* * *

Ну, что ты хочешь, Бог мой, от меня?
Здесь даже ивы выплакали слезы,
там море теплое, и вся моя родня,
там золотистые в горах пасутся козы.

А возле них суровый тот пастух,
что тысячи веков живет на свете,
он так спокоен — этот горный дух,
и на него с опаской смотрят дети.

Покой и сила свойственны мирам,
на нашу землю вовсе не похожим.
О чем, о ком осталось плакать нам?
Кого любить, кого забыть, мой Боже?

* * *

Твоя судьба меня бросает в дрожь.
Хочу тебя забыть, но повторяю снова.
Июльский день, небрежный светлый дождь,
и дверь, что за тобой закрыть готова.

Не навсегда ли? Бог тебя простит,
а ты себя простишь едва ли.
Твой город без тебя все так же спит,
и так же просыпается в печали.

* * *

Я — твой биоробот, Боже,
я только учусь свободе...
Ты со мной изучаешь тоже
этот мир при любой погоде.

Летит ли волна на скалы,
ползет ли война на брюхе,
мой Боже, мне памяти мало —
ведь мы еще слепы и глухи.

* * *

Трагедия — или фарс извечный?
Кто разбираться будет по прошествии данной драмы?
Время пользуется тем преимуществом, что быстротечно,
а история заигрывает с ним, как влюбленная дама.

Против течения времени — не погрешь,
против течения истории — повсеместно.
Так и торчишь, будто в твердь вонзившийся нож,
только зачем торчишь — самому тебе неизвестно.

Водоворот истории, где ты — герой,
течение времени не изменит и не нарушит
ни первое слово, ни даже последний бой...
Если хочешь себя узнать — песню времени слушай.

* * *

Зажигаю свечу в день твоего рожденья.
Всего два года назад это делала мама.
Господи, я только одного у Тебя прошу — терпенья:
жизнь — такая длинная и такая печальная драма.

«Ну, и открытие!» — скажет мне кто-то чужой,
но что же делать, если я это поняла сама и случайно.
Как вы там, мои любимые, ушедшие в этот странный покой?
Для чего нас все время томит и мучает эта тайна?

Для чего мы карабкаемся на невидимый Эверест,
зная, что невидимая пропасть всегда за нами?
Над могилой мамы — простой коричневый крест...
Над могилой бабушки клен шевелит руками.

* * *

Умный компьютер играет в слова
с мальчиком умным. Скучает собака.
Век на исходе. Моя голова
не вмещает всей сложности знаков
нового времени. В небе плывет
чья-то улыбка, как странная птица,
что улетать никуда не стремится
и вне пространства на свете живет...
Век в отдаленье, как матовый куб,
вот и в него не вписалась планета.
Льется отдельно от времени лето,
перетекая в широкий раструб
нового века, где нужно прижиться...
Та же улыбка над миром кружится
и не касается сомкнутых губ.

* * *

Слово воссоздало Трою и слово разрушило Рим.
Как же нам быть со своею несбывшейся речью?
И потому мы так много с тобой говорим,
что рассыпаются звуки железной картечью

или горохом. И нас никому не понять.
А не понявши, кто будет кому-нибудь верить?
Древняя сказка — старинное русское «ять», —
так же как чудо морское, не ставшее зверем.

* * *

Е. З.

Место ли, время ли мне не даются, любимый?
Будни листаю, как будто чужие страницы.
Дерево, ветер и снег навсегда недвижимы,
как и тоска, от которой нельзя уклониться.

Тот же простор, из которого некуда деться,
те же огни зажигает над призрачным бором.
К дереву, к ветру, к тоске я могу притерпеться,
но не даются мне место, и время, и город.

РИМСКИЕ СКАЗКИ

*

Что ты стала, весталка,
у забытой дороги?
То ли прошлого жалко,
то ли сбила ты ноги

в вечном поиске Рима
и его легионов?
Будни катятся мимо —
бубенцов перезвоны.

Трижды Рим потеряла
и четвертого хочешь...
Ты весталкою стала
самых пыльных обочин.

*

И снова Рим горит в огне
среди распавшихся просторов.
Моя беда всегда во мне —
и боль не стоит разговоров.

Но мы с тобою говорим
опять о вере и о хлебе,
когда себя не помнит Рим,
и догорает солнце в небе.

Мы просто римляне — и нам
никем другим не жить на свете.
А варвары — всего лишь дети:
к чему им старый римский хлам?

*

Эти римские сказки, старуха, не смей повторять!
Что твой Цезарь? Велик лишь один мой владыка Алларих.
Ты германских детей моих добрая римская мать,
ты красива еще, даже время такую не старит...

Так давно помирил нас распятый всевидящий Бог,
но скорее него помирили нас общие дети.
Мы имеем с тобой в этом мире и кров, и порог,
а пустым площадям пусть останутся слава и ветер.

Посиди, посмотри, — старый храм зарастает травой.
Я видал там змею — не пускай туда младшего сына...
Хочешь, песню тебе о походе на Рим я спою?
Подвигайся ко мне — я укрою плащом твою спину.

* * *

«Сага о Форсайтах» — какая же это сага?
Все равно, что мифом назвать «Госпожу Бовари».
Сколько слов безропотно вытерпела бумага,
а хватило бы трех коротких: «сам иди и смотри».

Словно скатерти-самобранки, раскинувшиеся романы,
девятнадцатый век, как спесивый восточный маг:
все так подробно любимы, сыты, голодны или пьяны,
и слова расцветают, как опиумом богатый мак.

Опиум будущего смятения и неволи,
собственными руками добытый из ярких слов —
это в будущем. А смеющийся маг без боли
погружает тебя в медлительный сумрак слов.

* * *

«Жаль империю...»

Иосиф Бродский

Империю не жаль. В отличие от мудрого поэта
предпочитаю дрейфовать на мелких льдинах.
Здесь не до жалости. Такая холодина,
что вечно слышишь о великих и единых.

Что скажешь, друг? О Риме, например?
О Византии, желтой и безбрежной?
О, сколько слов, имен, дорог и вер!
Пусть еще одна зовется прежней

империей. А небо, как стекло,
в душе рождает нелюбовь к простору...
Оставим, что ли, эти разговоры:
кто знает, друг, кому здесь повезло?

* * *

Свеча тянула робкую ладонь,
чтоб тени знали, сколько их осталось...
Ты старых слов и старых гнезд не тронь:
благословенна в наши дни усталость.

Благословенен сон заблудших душ,
тянувшихся к предсказанному свету,
ты их покой случайно не нарушь —
пускай вопросы будут без ответа.

Зачем вопросы задавать тому,
кто тенью был, и тенью оставаясь,
с небытием безропотно сливаясь,
в тоске по свету уходил во тьму?

* * *

Я люблю Рождество — мир еще не научен печали,
меч беды не занесен, и в сердце Марии покой.
И холодные ветры еще не совсем одичали,
и небрежное время минуты не двинуло в бой.

Иоанна Предтечи еще голова не скатилась,
и сырою лепешкой не шлепнулось солнце в песок.
Ты родился и вырос. А все остальное приснилось...
Снится мне и сейчас этот сон, не разгаданный в срок.

* * *

Водоворот, водоворот,
и от ворот, и поворот...
Бог знает, кто зачем живет,
Бог знает, кто его поймет,
но правду нам не скажет...
Гадалки древние глаза...
В луче, как призрак — стрекоза,
и ты себя вдруг примешь за
бесценную пропажу.
И пожалеешь, и поймешь
на краткий миг, зачем живешь,
кому минуты отдаешь...
Но правду не расскажешь.

* * *

Умом Россию не понять.

Федор Тютчев

Информация мне понятна,
но не хочется ее оценивать...
Этой карты белые пятна
постигают случайные озарения.

Каждый из нас объединяет Христофора Колумба
и аборигена — в одном и том же обличье.
Я завидую дикарям из племени мумба-юмба
и прочим, у которых не принято соблюдать приличья...

Однозначность — великое благо, дарованное не всем.
Двести лет изводили бумагу все писатели и поэты.
Раздвоение личности — одна из любимейших здешних тем...
А мне так и хочется фыркнуть: «Боже, только не это!»

* * *

Ни о чем не жалеть, ни к чему не стремиться —
вот блаженство! А впрочем, наверное, так не бывает.
И журавль в небесах — и смешная ручная синица
одинаково нам бесполезны. А главное — свет убывает.

День становится мельче — и мы его вброд переходим.
Ночь как омут: над ним ни мосточка, ни кладки.
Ну, а в мелкой воде что мы видим и что мы находим?
Нет там места дарованной миру загадке.

Как позволили мы нашим дням, нашим снам обмельть?
Как случилось, что тайна в другие ворота стучится?
И леса не хотят на родном языке шелестеть,
и родные дороги пытаются вдаль укатиться.

* * *

В странном имени Сыр-Дарья
кочевая тоска по влаге...
Так давно не искала я
света белого на бумаге...

Неужели на месте мир
после смерти и после веры,
где одна из вселенских дыр,
над которой кружат химеры?

На бумажный смотрю ковер:
карта мира — мое наследство;
страны, реки, гирлянды гор,
Сыр-Дарья, золотое детство.

* * *

По туннелю времен я привыкла идти в одиночку.
То же было с тобой. Только встреч не бывает случайных.
И однажды вдали разглядела я темную точку:
странный путник навстречу мне шел за такую же тайной.

Странный путник тащил на себе груз унылого века,
все взвалив на себя и ни с кем не деля его тяжесть.
Я в том веке жила и не знала того человека,
и не ведала я, что нас время тягучее свяжет.

Ангел мой! (Только правда в старинном привете,
та печальная правда, которой нет в мире дороже!)
Ангел мой! Пусть за все времена ты в ответе —
я к тебе подошла, чтоб сказать: «Помоги тебе, Боже!».

* * *

От памяти страшной, не знающей света,
в которой не видно ни края, ни дна,
попала я в это далекое лето,
где память моя никому не нужна.

Еще до рожденья Христа, до Иуды,
в веках, где не считаны ночи и дни,
где жвачку жуют золотые верблюды
и тихие ослики дремлют в тени,

где боги глядят равнодушно и здраво,
и в храмах высоких веселье и смех,
где есть у меня первобытное право
не думать самой и не помнить о всех.

Под медленным солнцем века коротая,
одна из песчинок в горячем песке,
я там до сих пор остаюсь и не знаю,
как мир задохнулся в смертельной тоске.

* * *

Хорошо бы работать мне медсестрой
или уборщицей, или портнихой...
Я была бы тогда сама собой
и со своими стихами шепталась тихо-тихо.

Но опять я выстраиваю слова, как щит.
И опять под прицелом когорты враждебных знаков.
Стрелы свистят, а душа моя мирно спит,
зная, что нельзя проснуться ей, не заплавав.

Поэту не быть командиром своих же слов.
Всем известно, кто и кому хозяин.
И смеется слово, когда смотрит на мой улов
пленных знаков без нежности и без таин.

* * *

Я не думала никогда,
что бы ни было в мире этом,
что горит надо мной звезда,
посвященная всем поэтам.

Я себя не ищу в словах:
мне их на ухо шепчет кто-то.
Есть на свете любовь и страх,
и о них лишь моя забота.

Пусть слова выбирают нас:
твоего мне хватило взгляда,
и готов у меня рассказ —
что еще нам с тобою надо?

* * *

В центре Вселенной окно голубое:
там ты, наверно, Свидетель рассвета?
Или в дороге, где вместе с Тобою
путь свой единственный ищет планета?

В этом космическом длинном просторе
к дому всегда Ты приходишь случайно.
Сонная степь и шершавое море
лепят Твой мир терпеливо и тайно.

Все Ты расскажешь, Свидетель творенья,
Бог мой печальный и созданный Богом,
давший мне волю, и память, и зренье,
и указавший земную дорогу.

* * *

Если реальностей бесчисленное множество, то никто не дал тебе гарантию, что ты обитаешь в худшей из них, некто — значительно более захватывающее явление, чем никто, неопределенность окружающего пространства рождает стих.

Не дай мне Бог, чтобы я понимала мир.
Не дай мне Бог, чтобы мир понимал меня.
Пусть длится вечно сближение Черных Дыр
при редких вспышках играющего огня.

* * *

Волна и минута, хвылына и хвыля,
и в каждой — беда для несчастного края,
который мне дед подарил, умирая,
как будто в ковчеге сюда мы приплыли.

Кто первый заметил, что кровь — не водица?
То черная хвыля — то злая минута.
Но выплыть всегда удается кому-то,
чтоб сердце в потомках могло возродиться.

Так зерна бросают в грядущее поле,
когда ни зерна не осталось для хлеба,
так птицу скорей отпускают на волю,
когда у самих зарешечено небо.

Так дед подарил мне вербу и осоку,
и черную ель над песчаным обрывом,
и легкого коршуна в небе высоком,
и горькое право не быть терпеливой.

* * *

От любви до ненависти — только один шаг,
но над такую прорвой, что поневоле обходишь ее
по мостику логических построений.
Можно назад вернуться, увидев знак,
что в эту сторону затруднено движение.

Но повернешь, а сзади — все тот же вишневый сад,
белая пыль дороги с каретой-тройкой...
Так и застынешь — более ничему не рад —
не в столбняке, а просто в нелепой стойке.

Сколько должно пройти этих странных лет,
что нанизываются на стержень вечного ожидания,
чтобы опять увидеть невнятный свет —
там, где стеною стали лишь злость и знанье?

Запах черемухи будит с утра тоску,
и камыши царапают воздух ранний.
Каждому по потребности — от каждого по куску
памяти, чтобы рассматривать те же грани.

* * *

Е. 3.

Наш город спит и видит нас во сне.
Мы сотканы из всех его туманов.
Тебе знаком он так же, как и мне
любым движеньем и любым обманом.

И в миражах прошедших длинных лет,
где вместе мы почти что половину,
горит в окне один и тот же свет
и горбятся домов глухие спины.

Надежность стен среди хаоса времен —
чего еще желать в подлунном мире?
И город спит и видит тот же сон:
тебя, меня и свет у нас в квартире.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*

Когда я вернулась в ту осень из лета чужого,
молочные реки тумана мнеплы навстречу,
и я повторяла чужое случайное слово,
неведомый ключ от внезапно растаявшей речи.

И я вспоминала коричневый берег печали,
где плач муэдзина пронзал тишину на рассвете,
где серые чайки над медленным морем витали,
и тучи ловили прохожих в скользящие сети.

Когда я вернулась в осеннюю сладость разлуки,
которая стала моей обретенной землей,
над тем же костром грело солнце озябшие руки,
то солнце, которое всюду ходило со мною.

*

Холод Востока — исконное противоречье,
я не хотела в себе понимать эту странность.
Белое пламя зимы не хотела беречь я,
в ветреной мгле не увидев живую туманность.

Белое пламя зимы я теперь сохраняю,
так же огонь в первобытной хранили пещере.
Холод Востока, — а в холоде солнце не тает, —
холод ума, укротившего время, как зверя.

*

Клинопись лета с подтекстом его муравьиным,
в белый колодец летит угловатая птица...
Я не любила... Но все же печали причина
в том, что тебе удастся мне летом присниться.

Странная память души, где чем дальше — тем ближе.
И отстраненности узы прочнее всех прочих.
Льдинка рассудка средь солнца, которое брызжет
прямо в глаза. Кто зажмуриться первым захочет?

Я не любила, но все же в печали мы квиты.
Летом горячим сознания холод острее.
Как ни гляди — очертанья предметов размыты...
Я не любила, и я ни о чем не жалею.

*

Век не летать бы мне в брюхе железного зверя.
Я не умею ловить эти звезды руками.
Небу вокруг и земле подо мной я не верю, —
но ничего не поделаешь: хочется к маме...

Хочется так, как и в детстве со мной не бывало.
Так не хотелось мне к ней ни в обиде, ни в кори.
Наше пространство разнять и сложить бы сначала
и совместить наши страны, и степи, и море.

Горло горы захлестнула петля серпантина.
Дом при вершине — не тот, у пруда с камышами.
Воздух горячий и странная, красная глина.
Все здесь чужое. Но, Господи, хочется к маме.

* * *

В январский день Вам было тяжело
себя заставить повторить два слова
«мороз и солнце». И в окне светло,
и прежний полдень разгорелся снова.

И так привычно возвратился миг
в тот давний день навек запечатленный,
любовь, беда, машины краткий рык,
и в голове огонь тоски зеленой.

И формулой второй: «Давным-давно»
хотелось Вам виденье обозначить.
Вороны, вьюги, вечер — как в кино:
здесь было все и так же, и иначе.

«О, сколько лет!» — в той физике разлук
и встреч во времени все сказано так сухо.
И речь родную снова ловит ухо,
но ускользает главный тайный звук.

* * *

В старой Хайфе Бахайские храмы,
где живут примиренные Боги.
И углами восходят дороги
к верхней точке земной панорамы.

А внизу Средиземное море —
среди земель столько серых туманов!
Но не спрячешь привычного горя
от Богов, для которых все странно:

ведь Бахайские храмы открыты!
В их садах поселяются птицы!
Только снова и снова убиты
те, кто к каждому Богу стремится.

И не сходятся вместе дороги
у живущих среди серых туманов.
Что еще не додумали Боги
в старой Хайфе, где солнце трехгранно?

* * *

Выяснение отношений с временем и пространством —
неблагодарнейшее в мире занятие,
что не мешает мне повторять чужие ошибки.
Примером этому служит маленькое серебряное распятие
и весна, не вызывающая в душе улыбки.

Смотрю на распятие — и такая в душе тоска,
хотя на дворе время Пасхи — радости, а не печали...
Так и живем — отведать сладости божественного куска
и позабыть, что мы же Его распяли.

Я не могу об этом забыть никогда —
поэтому душа весной пребывает в таком смятенье.
Наше солнце — самая грустная в небе звезда,
и меня никак не может утешить память про Воскресенье.

* * *

Н. М.

Мы не верили снам быстролицым и дням быстротечным.
Мы не верили старшим, а верили птицам и ветру.
Нам, родившимся после небытия и погрома,
где никто ничего, умирая, не знал и не понял,
нам, родившимся позже, хотелось играть и смеяться,
словно детям. И так мы детьми навсегда и остались.
А потом мы поверили старшим, но их уже не было в мире.
Это значит: во все, что мы знали, поверить пришлось нам.
Мы поверили Богу, хотя молчалив и печален
был Он после того, что попробовал дать нам свободу.
(Больше так поступать Он, наверное, долго не будет.)
А печаль его всюду: и в небе, и птицах, и ветрах...
А печаль его даже в глазах у детей постаревших.
Нам, родившимся после, хотелось играть и смеяться,
и потому так нестойки плакучие летние травы...

* * *

Дни грызутся друг с другом, как свора бездомных собак
из-за кости, которую бросил случайный прохожий.
Все, что видишь вокруг, все, что слышишь — не то и не так.
Каждый вспыхнувший миг освещает пустырь,
ни на что не похожий.

Освещает гардину, которая просто висит
между небом и твердью, где нет ни единого дома.
Между прошлым и будущим медленный дождь моросит,
и не скроешься сам, и ничем не поможешь другому.

Там осталось пространство — обещанный в детстве простор,
тот, где яблоки падают на огрубевшую крышу,
тот, где сосны растут, и телега въезжает во двор,
тот, где все мы учились зачем-то и видеть, и слышать.

ЕВРАЗИЯ

*

Запад — есть Запад, Восток — есть Восток,
И с места они не сойдут.

Редьярд Киплинг

А «Запад — есть Запад, Восток — есть Восток»,
но страшно, когда они вместе.
Ты сам не распутаешь этот клубок,
ты здесь не запомнишь свой дом и порог,
и не разберешься, где шут, где пророк —
благой не доищешься вести.

Восточная, полная в небе луна,
но к западу солнце склонилось.
И эта страна нам — давно не страна,
и эта вина нам — давно не вина,
но жутко нам всем от холодного сна,
в котором пространство забылось,

в котором пространство, себя потеряв,
давно не считает живущих.

И вечная слава тому, кто не прав,
и время навстречу несется стремглав,
и наше наследство — лишь несколько глав,
и горечь, и райские кущи!

*

Торричелиева пустота.
По периметру — лай собаки,
пламя огненного куста,
бледных звезд водяные знаки...

Дом у края поник давно,
и его оплетают травы.
Мир, как путник, узнавший, но
не увидевший переправу...

Пустоты неподвижна гладь,
поглотившая свет и слово.
Ничего уже не понять
и не вспомнить... Родиться снова.

*

В той земле, где роса выпадала градом,
а все птицы стали воронами и орлами,
в той земле, от которой уже ничего не надо —
только синим огнем любое искрится пламя.

Только синим огнем загораются злые зори,
и кузнечик в траве — как морской конек в океане.
Синим пламенем то ли поле горит, то ли море,
синим пламенем — все, что было, и все, что станет.

*

Дом, улица, фонарь, аптека...

Александр Блок

И язык бы забыла родной, но слагаются горькие строфы.
Я не жду ничего от восточного ветра хорошего...
Кто-то помнит еще: остановка трамвая — «Голгофа».
Кто-то месит свое безнадежное снежное крошево.

На границе тоски обозначились желтые полосы —
то ли солнца лучи, то ли игры восточного ветра...
И не взоешь уже — не осталось ни слуха, ни голоса —
на родном языке, на родном — беспощадное «veto».

Но не слушая совесть, стучится строфа окаянная...
Позабить бы язык, на котором Малюта говаривал.
На чужом берегу — та далекая, страшная, пьяная...
На родном языке — тот же тусклый лепечет фонарик.

*

Неужели еще кто-нибудь верит
в тайну, которой никогда не бывало.
Тихо скрипнули ведущие в сени двери...
На окнах тюлевые гардины, на кровати белое покрывало...

А возле печки вытянулся самодовольный кот —
ему даже мыши не снятся — не только дальние страны.
Я из того пространства, где каждый просто живет,
не подозревая ни прошлого, ни будущего обмана...

Чем больше обещанного простора, тем маленький дом родней —
единственная из тайн, от которой некуда деться.
И все великие сложности просто укладываются в ней,
оставляя мне яблоню за окном, и кота, и детство.

*

Византии медовый торт:
я сыта не по горло — выше.
Лодку памяти тянет в порт
и знакомые манят крыши:

синагога, костел, мечеть,
православного храма чаша...
И лучей золотая сеть
над забытою славой нашей.

О, раскосая рысья рать —
я твоей не верна дороге!
Не найти тебя, не понять,
не узнать о далеком Боге.

Этот флаг не пускают в порт.
Византийское время тает.
И волной ударяет в борт
тяжесть черная — соль морская.

* * *

Эта земля от себя устает,
низко летают здесь птицы,
зверь по тропинке тихонько идет,
в книге желтеют страницы.

Только неслышным подземным ручьем
речь пробивается к свету,
выльется где-то, когда-то, потом
в чье-то нерусское лето.

* * *

Жили чудовища в своих страшных пещерах-странах
в прошлом веке, которому нет примера.
Что-то свершалось в высоких и дальних сферах...
Богу казалось все происходящее странным...

Что-то свершалось огромное и глухое,
выплескиваясь на Землю чужою, не Божьей волей.
И гудели ветры, и не было на земле покоя,
и каждый был одинок, как дерево в поле.

И каждый был одинок под холодным небом,
и каждый знал, что никто ему не поможет,
потому что кормил чудовища своим же хлебом,
а про себя шептал: «Помоги мне, Боже!»

« К О Н Ц Е П Ц И Я С В Е Т А »

2005–2010

* * *

Е. З.

Овод прозрачное мучит стекло,
солнце дробится в зеркальных пустынях.
Как же с тобою нам, друг, повезло
в вечном скрещеньи невидимых линий!

В тайном скрещеньи небесных дорог
вдруг пробивается тропка земная.
Каждый из нас на пути том продрог,
каждый идет, ни о чем не гадая.

Но и в отважной бессмертной тоске
будем друг к другу тянуться мы снова.
Нет у нас, друг мой, и мира иного,
нет и неверных следов на песке.

* * *

Пруд, похожий на лужу,
и река — на ручей.
Снова зимняя стужа,
снова город — ничей.

Снова с чистой страницы
начинаю писать.
Снова прошлое снится,
и опять, и опять,

просыпаюсь и знаю:
все, что было — не то.
Среди ада и рая
Кто-то бродит здесь. Кто?

* * *

Начинаю писать стихи с чистой страницы.
Впрочем, на ней рисовать зверей попыталась внучка.
Вот на листке и осталось то ли крыло неведомой птицы,
то ли свернувшаяся клубком змея-ползучка.

Внучка бросила карандаш — и строит домик
для всех зверей и людей на белом свете.
А я пытаюсь ловить сетью слов убегающий ветер,
чтобы стих запихнуть в угловатый томик.

Тревога, которая живет со мною,
не просыпается, пока в руке моей ручка,
пока внучка строит из кубиков что-то зеленое и голубое,
чтобы жили там Алладин, и лев, и змея-ползучка.

* * *

«Ты шла поспешно в горную страну
увидеть сродницу Твою — Елизавету».
Твой Бог не оставлял Тебя одну,
и Галилейское вокруг томилось лето.

И голубое солнце свой угар
земле, уже священной, посылало.
И ты несла свой драгоценный дар
всем, кто живет. Но как их было мало!

В предчувствии всех будущих скорбей,
в предчувствии всех будущих свершений
жила земля. И мудрый скарабей
сплетал в одно игру лучей и теней.

* * *

Это, наверное, все не о нас:
Страны чужие — родные разлуки...
Прячется даль от настойчивых глаз,
Стрелки часов застывают от скуки.

Бабочка бьется в глухое стекло
Лампы настольной в надежде на лето...
Столько воды мимо нас утекло,
Что океан собирается где-то.

Где-то копится тяжелая мгла,
Волны на берег чужой набегают...
Я вспоминаю: жила да была,
Жили и были, — теперь не бывают.

* * *

Обетованная земля —
ты ключ к разлуке...
Застыли тихие поля
в холодной муке.

Застыли ветры на лету,
застыли птицы...
Забудь земную суету, —
она нам снится.

Она лишь эхо тишины,
где боль Распятья,
и мы хранить ее должны
со дня зачатья.

Когда пространство создал Бог,
когда Мария
Выходит с нами за порог,
где ветры злые.

* * *

Разноцветные волны свои бугенвили душистые катят,
И прибой ароматный на красную землю нахлынул.
Мне не надо смотреть на трагический образ распятья,
Чтобы помнить Отца и веками бояться за Сына.

Льется древний поток и стремится к Господнему храму,
мир с собою уносит, который живет в настоящем.
И годами, столетьями тянется странная драма,
Где мгновенье и вечность не сходятся в сердце горящем.

* * *

Спустившись с южных гор, по северной равнине
вдоль осени печальной еду я.
И двести лет назад все было так, как ныне:
деревья, хаты, сонные поля...

На трассе разноцветные машины —
в аквариуме рыбки так снуют,
в случайной комнате нашедшие приют —
чужие в этом мире тополином.

Но только что в других краях была я,
где древний мир так современно прост,
где брошен в вечность нашей жизни мост,
а на исходе дня Фавор пылает.

* * *

Ориентальный мгновенный восход...
Ориентиры в пустыне — верблюды.
Но на глазах это древнее чудо
облаком пыли закрыл вездеход.

Дети играют на грани времен,
и до Голгофы подвозит автобус.
Медленный шорох, неведомый звон —
кружится наш неприкаянный глобус.

Все так обыденно. Но не дано
видеть мне то, что лежит на ладони.
В горечи вечной мгновение тонет.
И равноценны «сейчас» и «давно».

* * *

Я в сыне — деда узнаю,
во внучках — маму...
В своем безжалостном краю
живу упрямо...

И каждый день, как медный грош
в копилке ночи...
И явь меня бросает в дрожь,
и сон непрочен.

Но в горькой памяти моей
так много света:
и старый пруд, и сон ветвей,
и дождь, и лето...

* * *

Мир бился в истерике и не заметил
Пощечины, которую вlepил Ты ему от отчаянья и печали.
Боже правый, — ведь это мы — твои дети,
скажи, пожалуйста, почему же мы так одичали?

Сын твой миру совсем не нужен был, Боже —
в то безумное и веками длящееся мгновенье,
и самому себе этот мир не нужен был тоже,
и понятия о Тебе не имело Твое творенье.

Боже правый, ну, зачем ты Его покинул?
Ты подумал, что мир от беды и вины воспрянет?
И на голову мира поток холодной вечности хлынул,
И душа теперь вовеки веков до себя не дотянет.

* * *

В тенетах памяти моей
все бьется огненная птица,
война миров и ныне длится,
и души сушит суховой.

Посмей себе признаться вдруг,
что свет на свет восстанет снова,
и разобьется оземь слово,
порочный замыкая круг.

Все всеми сказано давно,
но так же глухо ночь тоскует.
И терпкой древности вино
и не пьянит, и не врачует.

* * *

Ты всегда повторяешь свои же мысли,
пересказанные тебе другими словами.
В воздухе занавесом тяжелым слова повисли —
это Играющий в нас общается с нами.

Но решили мы, что играем друг в друга сами
и выдумываем комбинации одну другой похитрее,
и плевать нам на то, что ветры гуляют полями,
и что солнцу без нас значительно веселее.

Нам бы только заполнить все имеющиеся просторы,
и египетская пирамида застынет у каждого на ладони,
и на всех языках одни и те же ведут разговоры,
но никто не знает, как мир всплывает и тонет.

* * *

О, древнее слово — Атхарва-Ниграсса.
Все в мире не ново, но высшая раса
зверей и деревьев наш мир сторожит.
Куда-то проложена звездная трасса,
идушим так хочется думать и жить.

Атхарва-Ниграсса — забытая Веда,
и с нами осталось все то, что навеки ушло.
И памяти мамы, и памяти деда,
и памяти друга молюсь я светло.

И ночью бессонной о них вспоминая,
я древнюю сказку твержу наизусть:
«Атхарва-Ниграсса» — на крыльях взлетая,
и с ней я мгновений глухих не боюсь.

* * *

Е. 3.

Беспечально или безрадостно?
Разберись в этом сам, мой друг.
Посмотри — это зимний сад уснул
под ворчание первых вьюг.

Все не связаны этим временем —
каждый впрок себя в нем запас.
Ни к чему нам теперь полемика,
то, что писано — не про нас...

Самолет погружает лопасти
в ткань воздушного вещества...
Сколько слов улетело попусту,
кроме вечных — «прости», «пока»!

* * *

Кто разберется: сказка или быль?
Кто подтвердит, что это было с нами?
И звездная сверкающая пыль
веков вдруг засияет под ногами.

И обернется полная луна
тяжелым белым камнем у дороги,
и тополя забудут сон в тревоге,
и будут думать — в чем же их вина?

Что было здесь — им помнить тяжело,
все мимо прокатилось и забыто...
И только ветер треплет их сердито
за все, что с нами было — и прошло.

* * *

Мираж дороги свет сулит вдали,
и горизонты открывают пасти...
И только клином темным журавли
предупреждают всех нас о напасти.

Предупреждают: в мире нет дорог,
и дней, и горизонтов не бывает.
И только карта неба открывает
то, что задумал недоступный Бог.

* * *

Во времени, как в море на плоту,
куда тебя несет, зачем — не знаешь.
И видишь только неба пустоту,
в которой ты живешь и умираешь.

В какой-то миг ты понимаешь всех,
и остаешься с тем, что стало ясно.
Но кто-то говорит, что жизнь прекрасна.
Зачем нам слезы? И зачем нам смех?

* * *

Минуты нанизываются на спицы пространства,
и вяжутся снега, дожди, листопады.
Но что-то всегда не складывается в узор,
и это вязание так хочется распустить
и начать всю свою работу сначала.
И всегда оказывается, что это сделать уже нельзя.
И тогда ты вытаскиваешь спицы
и начинаешь вязать кому-нибудь пончо,
или свитер, или длинный-предлинный, как время, шарф...
.....
А что же делают в этом случае мужчины?

* * *

И вера не верит.
И боль не болит.
И сытые звери
уснули в пещере,
и время по нам же
из пушек палит.

Из пушек, из пушек,
из мягких подушек,
и день на закате
оранжев и сыт.

И съедены днями,
очнемся к утру мы,
и в землю корнями
вросли наши думы,
и снова над нами
наш полдень горит.

* * *

Освобождаясь от солнечных пут,
в сумрак текучий на миг уплываю.
Я здесь одна. И земля моя тут.
Здесь я с луною и солнцем играю.

Здесь и роса — это слезы мои.
Лица деревьев близки и знакомы.
Здесь мой прозрачный источник любви,
эльфы летают и шествуют гномы.

Только минута — и вынырну в день:
длинный и тесный троллейбус случайный,
но различаю я зыбкую тень
мною однажды разгаданной тайны.

* * *

Добро ли это или зло —
и вновь зажмуришься от света.
И вновь на сердце тяжело,
хотя вокруг смеется лето.

Кто злую пору пережил,
смотреть на солнце вечно хочет,
пока у сердца хватит сил
не вспоминать о близкой ночи.

СНЕГОПАД

*

Александрю Блоку

Снегопад, Белый Лев,
что ты сделал с Землею?
Слышу древний напев —
как он связан с тобою?

И простые слова
как тревожные струны.
И любая глава —
тот же топот чугунный.

Тот же ропот глухой
в обреченном просторе.
Ты не выиграл бой...
Ты не выдохнул горе...

*

«Репортажем с петлей на шее»
называем любое слово,
и глаза я поднять не смею
на обломки бывшего крова.

На обломки бывшего мира
не пристало смотреть потомкам —
там разбитую разом лиру
навсегда занесла поземка.

Верным — верится, сонным спится,
и тоска мировая гложет
даже крошечную синицу,
даже вепря в тяжелой коже.

*

Ты прости свою блудную дочь —
говорить я не смела...
От себя унесло меня прочь
вьюгой белой.

И вернулась к себе и к тебе
я дорогою длинной,
когда выгорел в злой судьбе
век полынный.

Мне открылся другой простор
с той же тайной.
Стал понятен мне твой укор
не случайно...

*

И невозможное возможно...

Александр Блок

Не легка нам дорога Ваша,
век ведущая в никуда.
Только низкого неба чаша...
Только хрупкая корка льда...

И возможное — невозможно.
То в истерике — то в тоске
бьется мир Ваш, когда-то тоже
Вас державший в своей руке.

То ли сдуру, а то ли спьяну,
упустил он себя и Вас.
В безнадежности нет обмана.
Свет не принял, и Бог не спас.

* * *

На сером небе месяц тонкий —
мечеть, возникшая из сказки...
Весенний город, мокрый, звонкий,
как редко ты бываешь ласков!

Я отдана другому Богу,
но Храма чудное рожденье
мне дарит вечную дорогу —
единой памяти виденье.

* * *

Ранняя Пасха без листьев и трав,
Божья печаль и весенняя влага...
Время уходит, у нас отобрав
горстку тоски. И дарует отвагу

снова глядеть в отрешенную мглу,
вечную помнить вину перед Богом...
В этом земном бесприютном углу
месяц сверкает серебряным рогом.

* * *

Ра восстал, как всегда, и к земле протянул свои руки,
но кружится земля, эту древнюю сказку забыв.
Здесь опять тополя шелестят свою песню разлуки,
там назад отступает далекий тяжелый прилив.

И мгновенья опять оседают, как пыль золотая,
на холодном стекле непонятого нам бытия.
Мы с тобою, как чайки, над вечной водою летаем
и в одной круговерти забыли, где ты, и где я.

* * *

Рельсы тянутся, рельсы вьются
и вдоль леса текут во мглу.
Среди туч золотых и куцых
солнце утро жует в углу.

И мохнатый тревожный леший,
что у бездны застыл навек,
тянет лапу в тени черешен,
поездов ускоряя бег.

* * *

Мое двуязычье, двуречье, двугорбье
верблюда-трудяги, идущего с грузом.
В одном моя воля и память, и утро
далекого детства и Дикого Поля...
В другом — покаянье греха и полыни,
и черного времени черные дыры,
и слово, рожденное в тайне пустыни.
В моем Вавилоне так много толпится
богов незнакомых, людей неизвестных.
Как солнце с луною, мое двуязычье:
вовек неразлучны и не совпадают,
как две параллельные, и не увидать
мне точку пространства,
в которой сойдутся.
Двуречье — моя сокровенная глина,
Земные законы — небесные тропы.
И Богу молюсь я двумя языками,
И Солнце с Луною я путаю вечно.

* * *

Мне сон приснился — я приснилась сну,
и в отраженье времена застыли.
Как в Интернете, нить свою тяну,
чтоб явь и сон навеки вместе были.

И сну приснится омут золотой,
в котором я, счастливая, плескаюсь.
А мне часов старинных снится бой
и детская, веселая усталость.

Все в доме спят, мурлычет рыжий кот,
и сны летят, как бабочки на свечку.
Где явь, где сон — никто не разберет
и не войдет в одну и ту же речку.

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

*

«Век девятнадцатый, железный,
поистине жестокий век.»

Александр Блок

Звонки мобильных телефонов,
и тропы звездные ракет,
молитва — шепотом и фоном,
и небо наше, как паркет.
Танцуй на нем, как в бальном зале,
играй планетами в футбол,
и кажется — мы всё узнали,
и карты брошены на стол...
Век девятнадцатый, далекий
в разгадке близкой бытия,
в тоске железной и жестокой
одно узнал он слово — «я».
Чем это слово обернулось?
И что нам делать с ним сейчас?
За сотню лет душа очнулась,
и слезы брызнули из глаз...

*

Инстинкт свободы — дар нелепый,
мне с ним не сладить, не ужиться.
Краюха дня — краюха хлеба,
и кружка ночи, чтоб напиться.

Я узница своей же воли —
своей свободы непреклонной.
О, мне бы быть травой в поле,
волною ветрено-зеленой.

Но, словно каторжник, ломаю
я будней каменную стену,
и ничего не понимаю
я в этой каторжной Вселенной.

*

Расскажи мне о том, чего сам не знаешь.
То, что знаешь ты, — уже всем известно.
С аэродрома памяти железной птицей взлетаешь,
Чтобы опуститься на то же самое место.

С аэродрома памяти — железною птицей!
А раньше бывало — чайкою или голубем диким.
Что же с нами могло за тысячу лет случиться?
Слышу металл в человечесьем отчаянном крике.

*

И сколько зим, и сколько лет,
и тень не тень, и свет не свет,
и на семь бед один ответ, —
но мы его не знаем.

Полынный берег, желтый пляж,
и дуб столетний, словно страж, —
привычный, верный нам пейзаж,
где будней злая стая,
как стая черная ворон,
кружит под колокольный звон,
потери не считая.

И это родиной зовут?
И это наш с тобой приют?
Часы на старой башне бьют...
И время тихо тает...

Да, это родина, поверь,
в бессмертье отпертая дверь —
и наше вечное «теперь»,
где наши сны витают.

*

В шорохе шин или в конском топоте
век являл нам земную сущность.

Ох, не ровными были тропы те,
ох, не райскими были кущи.

Не ко времени солнце кануло,
не ко времени снова встало.
И надежд золотые гранулы
воля темная растоптала.
Не ко времени время тянется:
кем бы ни был ты — прячься, странник!
Все прошло, только даль туманится —
гром вчерашний уже не грянет.

* * *

Черный и красный смерчи
Бились в глухое небо...
В доме Отца и Сына
были прочны запоры.
Но до поры об этом
я ничего не знала.
Выли над миром ветры,
близко гуляли грозы,
но за моим забором
было тепло и сухо.
Сливы и вишни зрели,
пес сторожил пространство
вечной земли, что каждый
в дар от рожденья принял.
Смерчи летели мимо
и разбивались оземь.
В странных своих виденьях
прятались все от Бога.
И на глухих болотах
черные годы жили.
Те, кто меня укрыли
в доме Отца и Сына,
сами о том не знали,
но и не знали страха.
Только Господня воля
с ними была вовеки.

* * *

Какой кромешный свет!
Такой бывает темень.
Страшнейшее из бед —
податливое время.

Все лепится легко,
как будто бы из глины.
До Бога далеко —
и память так невинна.

Но где-то в глубине
твой дух сомненье точит.
И тени на стене
слагают образ ночи.

* * *

Век двадцатый — черный призрак.
В замке мира всем нам страшно.
Помешательства ли признак
вечно помнить день вчерашний?

Вечно видеть те дороги,
по которым бред твой ходит.
Уноси скорее ноги —
призрак знающих находит.

Память — огненная призма.
Все расскажет — то, что было.
И витает черный призрак
там, где море слез застыло.

* * *

А. М.

Не достучишься до твердых небес,
не дозовешься ушедшего друга...
Как одинок неприкаянный лес,
как одинока печальная вьюга!

И суета с одиночеством в спор
вечный вступает. И вечно стремится
в горе внести быстротечности сор
и не позволить любимым присниться.

ДРУГУ

Я вспоминаю каждый день
ушедшего и злого года...
Еще теплом жила природа,
но к свету подползала тень.

Но к сердцу тихо кралось горе
внезапно острое, как нож...
И холода сухая дрожь —
и я одна в себе, как в море.

И та беспомощность моя,
и та бессмысленность событий
сильнее всех моих открытий
и всех наитий бытия.

НА СМЕРТЬ ГЕНРИХА АЛТУНЯНА

Я просто плакальщица хора,
рыдающего по тебе,
я — птица черного простора,
в котором ты сгорел так скоро,
не изменив своей судьбе.

Так страшно без тебя на свете!
И даль неверная сквозит.
Туда листву уносит ветер,
туда ушел ты, не заметив,
как все, что в мире есть, — скорбит.

4 июля 2005 года

НИНОЧКЕ

*

Школьный звонок, тетрадки,
учителя и дети...
Таинством этим сладким
Бог наши дни отметил.

Тихо в углу шептались
три недотроги-мышки...
Годы вовсю листались —
так мы листали книжки.

Белые бригантины,
ласковые туманы,
будней глухая тина
вечным была обманом.

Мы не выросли даже
вместе с детьми своими.
Друг мой — моя пропажа —
слов моя боль не имет...

*

Я жду твоего прихода,
я жду твоего звонка...
Слагались в тропинку годы,
по каплям сбегали воды,
и — наша — текла река.

Роман не дописан нами:
герой героиню ждет...
Мы не повзрослели сами
в нелепой и вечной драме,
и прошлое нам не в счет.

Отпели тебя капли —
и я не могу понять:
ну, что же мы здесь хотели?
И вместе мы что успели?
И кто тебя смог отнять?

*

На кресте твоём ласковый снег — он лежит и не тает...
Первый снег в эту осень — и он разминулся с тобой.
Время вдруг оборвало свой бег, и над миром витает
это вечное, страшное, тихое слово — покой.

В низком мерзнущем небе внезапная зимняя просинь.
Сколько лет, сколько зим мы с тобою встречали, смеясь?
И стою я в ряду у могилы собравшихся сосен,
И горячие слезы я лью о тебе, не таясь.

*

После смерти твоей я о жизни писать разучилась.
Словно в камере смертников я пребываю теперь.
После жизни твоей наше верное время разбилось.
И холодные стрелки тебе указали на дверь.

А на улице солнце гуляет извечной тропею.
И оно не желает о прошлом, как я, горевать.
Солнце строит свой дом, где росли мы и жили с тобою.
И гадать не гадали, что солнцу на нас наплевать.

*

Счет потерь предъявляем мы Господу Богу
без надежды на то, что от боли Он вылечит нас.
Знает Он по себе, как трудна и печальна дорога,
по которой велел Он идти нам в назначенный час.

Счет потерь вырастает в пути безнадежном,
мы в пути понимаем, что нам ничего не понять.

И опять, и опять солнце прячет свой луч в серебристые ножны,
и глаза мы не можем в неверное небо поднять.

*

Читая Канон покаянный,
прошу я прощенья у вас
за нрав мой суровый и странный,
за то, что жива я сейчас.

Навеки ушедшие други,
простите, простите меня
за счастье, за солнце, за вьюги,
за сладкую горечь огня.

5 марта 2006 г.

*

Ловлю руками желтую листву,
которую каштаны обронили.
И осень вновь дробит кристаллы были,
и грезит нашим прошлым наяву.

Я не умею говорить о том,
как боль пронзает сердце тонкой спицей.

И все, что вижу, мне далось потом:
журавль в небе и в руке — синица.

*

Фонендоскоп в моей руке...
Удары сердца реже, глуше...
Мой друг, когда, в какой тоске
объединились наши души?
И вот тоска осталась мне,
и я одна в ней, как в пустыне,
и в каждом сне, и в каждом дне
тот черный свет и черный иней.

*

Мне вдруг опять приснилась ты,
моя подружка дорогая.
Мы шли куда-то, напевая,
журчал ручей, цвели цветы.

Ты, отставая по дороге,
успела чем-то мне помочь.
Земные сказки так убоги:
не с ними горе превозмочь.

*

Как промелькнуло это лето!
Как медленно тянулось то!
В горячем полдне столько света!
В углу висит твое пальто.

Что в прошлом я не угадала?
К какому берегу плыву?
Я просто друга потеряла...
Но почему-то вновь живу.

* * *

Август полон горячей плоти
царства древнего и земного.
Вечный август. душа в полете.
Подари мне, о Боже, слово.

Ни концов, ни начал не зная,
называю я все случайно.
Кто в какую игру играет?
Как, о Боже, назвать мне тайну?

* * *

Ифе

Я с собой привезла соли Мертвого моря,
шорох сизых песков и полынную горечь души.
Мы с тобою уже о слоистом пространстве не спорим,
а оно все меняет и ставит свои витражи.

Как нелепо любовь умножать и делить на минуты,
проведенные вместе, но только в пространстве другом.
Посидим, помолчим, а быть может, расскажем кому-то
нашу быль, нашу сказку, в которой мы обе живем.

* * *

Объективный идеализм — не объективен.
Субъективный идеализм — не идеален.
И, все же, лучше любить немеркнущий свет,
чем себя — родного..
Философы и их почитатели так устали,
что шар земной им давно уже опротивел.
Но опять и опять в недрах времени рождается слово,
хотя никогда еще не бывало, чтобы этот путь куда-нибудь вывел.

URBI

*

Энергия в моем городе
совсем не равняется массе,
умноженной на скорость света,
возведенной в квадрат.
Формула Эйнштейна —
как и другие эпохальные открытия —
здесь бессильна! Тусклый фонарь
освещает кусочек крыши
старинного дома, и это длится сотни,
а может быть, и более лет.
И деревья, попавшие в это подобие
света, кажутся среди весны
завядшими и сухими. И масса
черного кота, который в прыжке
догоняет муху, никак не вяжется
с его энергией и зеленью глаза,
возведенного в квадрат.

*

Со своею собакой гуляю всегда по прошедшим годам,
их немного — всего лишь каких-нибудь триста...
Одуванчики те же и тот же весенний бедлам,
и какая-то дверь вдруг захлопнется в доме — как выстрел...

Вдруг захлопнется дверь, вдруг откроется в тучах окно,
глянет солнце привычно на нас и на город знакомый.
Здесь и в полночь светло, — здесь и в полдень бывает темно...
Я и пес — мы бредем вокруг нашего старого дома.

*

Осколок сна с одной звездой горячей
во тьме кромешной времени глухого,
и отголосок давнишнего плача...
Такой ты был — неведомый, незрячий.
Ну, что сказать мне о тебе такого,
чтоб понял каждый, то, что мне известно —
о днях, похожих на глухие стены,
и о ночах, в которых дал ты место
конструктивизму душ, навеки пленных?
Все, что скажу — тебе не будет лестно...
Не обижайся, Город, старый грешник,
не обижайся, мне не нужно рая.
Все тот же под моим окном орешник,
и дети триста лет внизу играют...

*

Город статичен, как фото.
Старое фото альбомное.
И вспоминается что-то
странное, тяжкое, темное.

Эти ли улицы слышали
выстрелы, крики и конницу?
Эти деревья притихшие —
время до них не дотронется.

Старого города правнуки —
странно одеты прохожие.
Светлое, чистое, давнее —
нам вспоминается тоже.

*

В конструктивизме наших душ
ты обретал свое призванье.
Мой серый город — поле брани —
плацдарм меж морей и суш.

За что тебя я ненавижу,
за что люблю — тебе не знать.
Мы родились в войне и стуже,
мы вместе ищем благодать.

*

Т. М.

По одному во мгле загораются фонари.
Горбится над старым городом вечер.
Не смотри ты на меня, не смотри,
все равно я тебе ничего не отвечу.

Неужели ты думаешь — мне известно,
как расплывутся молекулы времени на лету?
Кладет цветы к подножью случайного памятника невеста,
сама не зная, зачем тревожащая далекую маяту.

Давай не будем думать сейчас о вечных
проблемах, сотворенных бессознательной жаждой жить.
В краткий миг мы бываем с тобой беспечны,
В краткий миг настоящее нам дано любить.

9 МАЯ

В первозданных легендах оживает бытие вчерашнее,
где любовь и ненависть только суть одной теоремы,
где страна моя, как подземное царство, страшная,
та страна, где родился мой сын и все мы.

И к Евклидовой геометрии непричастные,
параллельные наши только в Космосе пересекутся,
и не глядя на реки живые, земные, красные,
ветры будущего над обелисками дней смеются.

* * *

Двухголовый орел очнулся, —
и опять содрогнулось небо.
Двухголовый орел и солнце,
и луну заклевать стремится.
И достать своим страшным клювом
все галактики и созвездья!
В подсознании нашем горьком
эта птица веками кружит
и съедает и сны, и мысли,
и надежды, и дни, и тени.
Но уже на тропу глухую
на охоту выходит древний
бог восточный с глазами рыси.
Но уже тетиву тугую
натянул он. И птицу ищет.
Знает, знает орел двуглавый,
что охотник идет по следу.
Но не может сойти он с круга,
предначертанного судьбою...
Бог восточный с глазами рыси
видит мысли и слышит тени.

* * *

Сегодня вспомнила тебя.
Случайно или нет — не знаю.
Как я любила, не любя,
и наш закат, как свечка, таял.

Я виновата. Да. Прости.
Напрасно образы тревожат.
Реальность — словно пыль в горсти —
и ты моя реальность тоже.

* * *

А в детстве ветер — разноцветный.
Теперь он — серый и угрюмый.
Влюблен он в рощу безответно,
и пыль — его глухие думы.

О, клубы пыли в миг весенний,
под грохот старого трамвая.
Иду и что-то напеваю,
забыв, что ветер ждет спасенья.

Он о себе напомнит тучей,
дождем и лужей непролазной,
тоской внезапной и колючей...
Дождь, ветер, вечер красноглазый.

* * *

Концепция света включает концепцию тьмы.
Концепция тьмы исключает концепцию света.
Но летом горячим не видно, не слышно зимы,
но зябкой зимою мерещится новое лето.

И все ж крестоносцы усердно молились Христу,
стянув рукавицу в налипшей коричневой крови,
чтоб дней быстротечных своих позабыть пустоту
в надежде достичь бескорыстной волшебной любви.

Мы вечные пленники этой земной кутерьмы,
не знаем границы такого желанного света,
который, к несчастью, включает концепцию тьмы,
а может быть — к счастью. Но кто нам расскажет об этом?

* * *

Мне приснились к чему-то монголы в серебряных шлемах.
О, какая война разразилась в моем подсознании!
Время наше решило не брать обесиленных пленных.
Каждый миг на войне этой нами проигран заранее.

А на улице дождь. И по трассе шныряют машины.
И горят фонари, отражаясь в распластанных лужах.
А монголы идут, покоряя и степь, и вершины,
и сплетается даль из старинных, неведомых кружев.

IN VIVO...

*

Все было так невнятно
в ропоте волн вечных.
Робкого света пятна
робкой надежды млечной.

Сказка не стала былью,
быль превратилась в сказку.
Вера — земные крылья —
горького неба ласка.

*

В покаянной молитве пишу я строки.
Праздник горя — опять ты с нами.
Какие бы нам ни преподнесли уроки, —
выроем бездны и назовем веками.

Что с собою, Господи, ради нас Ты сделал? —
Воет вечный волк на земной опушке.
Добрый с Тобою стал добрей — и смелее смелый.
Но горит земля, и все время грохочут пушки.

Это смертные продолжают свои забавы,
забывая начисто и Распятье, и воскресенье.
Только клонят головы к земле немые травы,
только в каждой вине узнаем мы Твое спасение.

*

О, как хотела быть я той,
что обняла Твои колени.
Постой, мгновение! Постой!
Я сон у сна, я тень у тени.

И тень моя стояла там
в тоске бессмертной и безмерной.
Но Слову я осталась верной
и отдала его векам.

*

Какая разница, — который
век на дворе, и день — в году?

Тысячелетья я иду
вслед за Тобой. Одна из хора.

И мне не хочется шептать
ни «Аллилуйя», ни «Осанна»,
и одурь горького дурмана
меня преследует опять.
Боль ни измерить — ни распять.
Все так безжалостно и странно.

* * *

Печаль — единственная нота,
которую мне дал Господь.
Она — и кровь моя, и плоть,
и круг свободного полета.

В печали ночь, печален день,
грустят и улицы, и зданья.
Весной печалится сирень —
и слышит осени дыханье.

А осенью задумчив клен —
и красота его мгновенна.
Живая книга, смертный сон...
Печаль — основа всей Вселенной.

* * *

Какая долгая зима!
Кристаллы льда в апрельских лужах.
Я разберусь во всем сама —
душа привыкла к вечной стуже.

Крадется солнце в облаках,
мечтая утром о закате,
ему знаком неясный страх
и тяжело времени объятье.

Листаю пачку старых слов,
и сыплются на пол закладки,
и будет новый день не нов,
и стены горизонта — гладки.

* * *

Себе Речицкому

Что тебе примерещилось в этот вечер,
когда вьюга кольшет мир в гамаке простора?
Ты один. Ты себе представляешь нечто
вроде большого задушевного разговора...

Не спеши, не спеши вслед за призраком давним.
Каждый из нас говорит лишь с самим собою,
только себя признавая себе же равным,
не обремененным тем, что зовут судьбою.

Не спеши, не грусти — за зимою приходит лето.
В диалоге с самим собою каждый остался правым,
и крошечная тишина забирает у нас ответы,
и в один пейзаж помещает и снег, и листву, и травы.

* * *

Доисторический кошмар!
Все саблезубы и опасны...
А ветер огненный и красный
деревьев раздувает жар.

И хаос царствует на свете.
Но слышу я трамвая звон.
В переплетеньи всех времен
Я, как всегда, за все в ответе.

* * *

Я не знаю, кто первым начал
эту долгую злую тяжбу.
Знаю лишь, что горели звезды
точно так же. И мир был светел.
Каждый Каин и каждый Авель
Доказали свое единство.
Я молиться хочу, но горечь
подступает к нему сердцу —
и опять я понять пытаюсь —
отчего, и зачем, и кто же?
Кто ответит — тот тяжбу начал —
так зачем я ищу ответа?

* * *

Рассказали нам древние греки:
Прометей подарил нам, людям,
и небесный огонь, и память.
У огня так приятно греться
и приятно об этом вспомнить,
но, признаться, взглянув поглубже,
в даль веков — или просто в окна,
убедишься, что оба дара —
точно порох и зажигалка.
Память наша, костер вселенский,
на котором горит пространство,
чтобы вновь превратиться в память.
Прометей был чудесный парень!..
Но дарить сразу два подарка?
Человеку? — Неосторожно!

* * *

Шкатулка века приоткрыта,
что в ней хранится — неизвестно.
И сколько слез уже пролито!
И в наших днях темно и тесно!

Но тайна мира в новом веке
все тем же серебром искрится,
и ты на миг прикроешь веки —
и древний сон тебе приснится.

* * *

Время все расставляет по полочкам узким и длинным,
добавляя все новые в этом ряду бесконечном,
но все так же шуршат камыши и легко, и беспечно,
будто нет ничего, кроме ветра, воды и равнины.

Будто всем лишь пригрезилось тайное наше проклятье —
жить на каменных льдинах, которые штормы уносят
целый век. Но в забытом саду плодоносит
та же яблоня, в ветвях которой распяты

И спокойная жертвенность — воля земли первозданной:
нам бы слушать ее — этот шепот и ропот извечный.
Время дни расставляет. И тянется век бесконечный.
Век, который не сладил с водой, и звездой, и туманом.

* * *

В середине августа депрессия света
заставляет вспомнить то, что когда-то было.
Такой неповоротливой мне кажется сейчас планета,
и солнце, как объектив фотоаппарата, застыло.

Оторвав от земли минуту, Преображенье
вдруг уносит ввысь меня от земли тревожной.
Время замрет на миг в бесконечном своем движении
и напомним всем, что поймать его невозможно.

В середине августа плоть сыта и блаженна,
у пчелы тяжелой полосатый экстаз от меда.
Осень подглядывает за всеми безжалостно и откровенно:
ведь плоды собирать приходится ей в любую погоду.

Произносишь слово «сейчас» и замираешь от страха.
Сколько этих «сейчас» вырубает мы здесь под корень!
Настоящее — это просто ежесекундная плаха,
как же думать о будущем, которое растет из упавших зерен?

* * *

Ночью, когда все кошки
серыми стать решили, —
белые ходят тихо, —
черные — согрешили...

Серые тучи вяжут
серые ткани влаги.
Золотом слово ляжет
в белый простор бумаги.

В этом пространстве странном
мир не бывает серым.
Прошлое — многогранно,
с ветром, тоской и верой.

* * *

Лесе Лысенко

*

«Не верь, не бойся, не проси».
Все в том краю уже случилось.
И все прошло. И все забылось.
И все осталось на Руси.
Господь помилуй и спаси
всех тех, кому она приснилась.

*

Забудь о том, что тьма вокруг:
в боях без правил
не знает страх, где враг, где друг,
и кто, устав от вечных вьюг,
день обезглавил.

Устала я, устала ты
в тоске по свету.
И снова зимние кусты
роняют старые листья
и помнят лето.

Нам печенежский дорог сон
в огнях тревоги,
где в горьком мареве времен
среди степей, среди племен
кочуют боги.

*

Здесь наши камыши
и наши здесь каштаны.
Две встретились души —
и вот — закат, как рана!

Нам в городе твоём
хмельном и вечном — страшно.
Мы знаем, где живём —
мы помним день вчерашний.

Мы помним, как, скользя
на самодельных кладках,
над бездной шли. Нельзя
в судьбу вложить закладку.

Закаты не для нас,
их было слишком много.
Нас просто кто-то спас
и вывел на дорогу...

*

Смертельных фейерверков град,
и в пляске сонной
они идут на маскарад
в тоске зеленой.

Они бегут на маскарад
и в вечной пляске
там каждый сам себе не рад —
живые маски.

Им чуждый слышится приказ —
не ведать воли:
им не до жизни, не до нас
и не до боли.

Как волны, толпы набегут —
и вновь утонут.
Но нашей памяти приют
они не тронут.

*

Хорошо нам гулять по глухим городам,
по непрошнным нашим столицам.

И в тумане забрезжит рассеянный храм,
притерпевшийся к ликам и лицам.

Хорошо ему с Богом о нас говорить.
А над ним безмятежное небо.
Мы с тобой научились терпеть и любить.
Боже, большего Ты не требуй.

МОРОЗНАЯ СЮИТА

*

И красные горы, и синие травы я вижу,
и ослики тихо идут чередою, ресницы к земле опустив.
Я — дочь фараона, я здесь оказалась случайно,
бред белого снега и талой воды меня мучит,
и ржавое солнце висит на закате часами,
не в силах упасть и воспрянуть, как солнце Востока.
Века друг за другом, как ослики, тихо проходят,
и мне непонятно ни их, ни мое назначенье.
Сверхновые звезды взрываются в небе. А может —
огни фейерверков на празднике в городе сером,
где столько тумана и столько непрошенной боли.
О, как мне привыкнуть к игре мироздания лукавой
и к этому мокрому, вечному, темному снегу?

*

Пробирка дня поставлена на лед, —
наверно, чтоб не портилась культура,
вернее, мы с тобой. Какой мороз!
И в медленной тоске плывут часы...
И медленно часы считают время,
и не горит свеча в моем углу,
но почему-то двигаются тени.

Есть место теням всюду и всегда,
но в жаркий день душа им очень рада,
и вот за этот вечный компромисс
наказывает свет всех нас морозом.

*

Террор зимы в разгаре. Все пространство
куда-то катится огромным снежным шаром.
Лед на стекле не назову узором —
скорей когтями злобной белой кошки.
Я заперта в дому морозом-стражем —
решетки ледяные не распилишь.
Мне хочется тепла, тепла и лета...
Хотя летам созвучно это слово,
лета и лето убегают мигом.
Вчера лишь были Пушкин, декабристы,
«мороз и солнце», радость бытия,
и черная дыра другого века,
которая затягивала души.
И мы держались на краю пространства,
чтобы увидеть, как сгорает век,
вдруг обретя свечение и плотность,
чтоб в новый век попав, узнать, что зимы
все так же холодны и беспощадны,
и снова ждать тепла, тепла и лета.

* * *

Будто пьяный, качается клен за границей окна,
в такт себе отбивает он ритмы ладонями листьев.
Мне опять показалось, что я в этом мире одна,
без забот, без тебя, без ответа, который немислим.

Боже, как непонятен мне этот порядок земной,
где безжалостно режут пространство тяжелые ножницы
света.

Вновь я вижу тебя. И опять остается со мной
то горячее, давнее, нами любимое лето.

Мы, как в зеркале, в прошлом — и вновь набегают года,
обретение смысла никак не приносит покоя.
И слова, и вопросы не стоят ни снов, ни труда.
Я одна на земле. Я одна — даже вместе с тобою.

НОВЫЕ СТИХИ

2011

* * *

Е. З.

Ты ошибся, мой друг, это плачу не я, а вьюга,
что весенним простором вдруг завладела властно.
Нам не вырваться из этого замкнутого круга,
внутри которого каждый день — ненастный.

Внутри которого каждый день, как вечность,
и, одновременно, как будто бы одно мгновенье.
Да, я плачу. Ты уже не веришь в мою беспечность,
Но, пожалуйста, поверь хотя бы в мое терпенье.

* * *

Когда печаль становится душой,
когда душа всегда болит, как рана,
внезапно месяц выйдет из тумана,
и ты увидишь холод и покой.

И ты увидишь мир, как в телескоп,
таким застывшим и таким далеким.
и времени искрящийся поток
все время снится теньям одиноким.

* * *

*...И свобода
нас встретит радостно...*

А. Пушкин

Дежавю, дежавю, дежавю.
Волны времени вспять откатились,
и о черное время разбились
все надежды. И горечь я пью

вместе с воздухом. Липы застыли,
и меня им никак не понять.
Сладок воздух неведомой были,
только время нас бросило вспять.

Дежавю, дежавю, дежавю.
Небо в клетку, а в клетке свобода —
подожди, клетку я разобью,
и тогда ты нас встретишь у входа.

* * *

Оранжевый ветер несет облака.
Они на глазах уплывают куда-то.
И сумрак еще не настиг их пока.
Мне в помощь протянута тайны рука.

Спасибо, я выберусь как-то из бреда
на твердую почву неведомых дней.
А бред — как болото. Свою он победу
здесь празднует вечно среди мертвых ветвей.

Меня затащил он к себе ненароком,
надеясь, что я обрету себя в нем.
Но вынырнет тайна из тины глубокой,
и к берегу дня доплывем мы вдвоем.

* * *

«Душа болит, а сердце плачет...»
Какие верные слова...
Ну, что ж, не может быть иначе,
была бы ясной голова.

Когда начнется пробужденье
горячих сил, небесных сфер,
дай, Бог, найти мне вдохновенье
и буре подобрать размер.

* * *

Ангел дальних дорог на тяжелом крыле самолета.
Да, небось колесницы удобней, но время героев прошло.
Впрочем, в мире, куда возвращаюсь, герои нужны и поныне,
только ждет их не слава, а горечь, тюрьма и сума.
Я из светлого мира лечу выше птиц, облаков и печали.
Я в печаль погружусь, когда снизится мой самолет.
Ангел дальних дорог знает землю, куда возвращаюсь,
потому он задумчив, и крылья, грустя, опустил.
Там, куда возвращаюсь, ничем он помочь мне не сможет.

* * *

Отчаянье — от чаянья
чего-то в жизни лучшего.
Пришло оно нечаянно,
пришло по воле случая.

Сейчас и солнце — невпопад,
и радость — как подножка.
Минуты, словно черный град,
Идешь вперед — идешь назад,
и дышишь понемножку.

* * *

Не грусти — все начнется сначала
с той невидимой точки земной,
где я в детстве жила и играла,
где тепло превращалось в покой.

Кто и где эти точки поставил,
мы ведь знали с тобою всегда.
И без логики, чисел и правил
обрывается разом беда.

И текут многоводные реки,
и становится каждый другим.
Дорогие мои человеки —
будет так, как того мы хотим.

* * *

«Ничто не вечно под луною».
Не вечна и сама луна.
Оставь, оставь меня в покое:
я горькой вечностью больна.

И верностью бессмертной тоже.
О, как сейчас мне с этим жить?
стучится день — чужой прохожий.
Придется мне его впустить.

* * *

Круговерть океана и воздуха.
Не пространство, а просто жилье.
Ветер моря не высушил слез моих,
и не впала я здесь в забытье.

Я из царства жестокого, жуткого
прилетела туда, где покой.
За окном — птицы с красными грудками,
старый вяз над весенней рекой...

Здесь друг другу так рады, что кажется —
у людей ни проблем, и забот.
В страшной сказке моей время вяжется
наизнанку и наоборот.

* * *

О. Виктору

Я вижу отблеск лунного луча
и в нем весенний беспорядок снега.
Я говорила просто сгоряча,
невольно и бездумно, как с разбега.

Теперь жалею и себя, и Вас.
Надежда есть. Она не умирает.
Луна за тучей — страшный тусклый глаз.
И он за нами тихо наблюдает.

Я не беру свои слова назад.
В глухом краю, в глухой беде мы.
Но мимолетен этот снегопад,
и все мы — звенья Божьей теоремы.

ЧЕРТОВ ПЕРЕКРЕСТОК

У дома усы и серая борода
из дикого-дикого винограда.
Ранней весной он хмур и мрачен всегда.
Ни голубей, ни ворон ему не надо.

Древний дом скучает на склоне дня.
Солнце всегда укрывается за него на закате.
Дом, как сторож. Почему он пугает меня,
напоминая о свершившейся здесь расплате?

* * *

Барахтаясь в собственных страхах, как в тине,
бомбя безжалостными словами собственное пространство,
уплывая вдаль на собственном сне, как на льдине,
только и мечтаешь поскорее вынырнуть из этого транса.

Мечтаешь увидеть день, наполненный вдохновеньем,
но все почему-то оказывается не мое и не наше,
и я ощущаю себя следящей за миром тенью,
где не мною, а кем-то слепым каждый день раскрашен.

* * *

Мы гуляем по Марсу и срываем красные георгины,
и красные подснежники у нас под ногами, и бордовые незабудки.
И красные деревья под ветрами покорно склоняют спины,
и такие длинные, и такие медленные на Марсе сутки.

Как легко и просто бродить по чужой планете
и не знать, и не ведать, что сейчас на Земле творится.
Но она навсегда поймала нас в свои голубые стальные сети.
И не выбраться никому из них, не выбраться — и не смириться.

* * *

Дикое поле так и осталось диким.
К тому же и мы, наконец, дикарями стали.
В пляске земных молекул тонут вороньи крики.
Мир разобщен, и план сотворенья провален.

Знаю, что это времени зигзаг нелепый,
что все задуманное когда-нибудь да свершится.
В темном небе, в дикой бескрайней степи
Вечный Дух витает — неведомая миру птица.

* * *

Когда ничего не хочется —
ни видеть, ни знать, ни слышать,
когда у деревьев всклокоченных
весенние сносит крыши.

И пьяный ветер, раскачиваясь,
плетется с тобой по улице,
жалея тебя, дождь расплачется,
и каштан над тобой ссутулится.

* * *

Любимый Бог, мне горько и сейчас,
Хотя глаза Твои я увидала.
Мой грустный Бог — Ты сделал все для нас —
Ты захотел, чтоб я тебя узнала.

Сказать Тебе все то, что поняла?
Ты знаешь сам — я в ярости и смуте.
Но только взгляда Твоего ждала,
Не подчиняясь ни одной минуте.

* * *

Бабушке и деду

Мне кажется, моя голова, как в детстве, лежит на твоих коленях,
и твое темное платье в клетку пахнет луком и медом.
Рядом пес растянулся и разомлел от лени.
Красное солнце обещает завтра ветреную погоду.

Ты моя бабушка, а я — твоя внучка навеки.
Ты со мной говоришь иногда то ли весело — то ли строго.
Ты и дедушка — только прикрою веки,
и мы идем куда-то по вечной земной дороге.

* * *

Деревья никак не хотят зеленеть
в разгаре весеннего света.
Время для нас превращается в сеть.
Боже, Ты видишь все это?

Видишь — весна рассердилась на нас,
ветер в лицо нам бросает?
Мы виноваты всегда и сейчас,
в том, что душа умирает.

* * *

Дожди, дожди — весна черна, графична.
Мне не хватает цвета и тепла.
И ощущение мира идентично:
не верить в то, чего душа ждала.

Не жди, не жди. Свои у мира планы,
и он со мной сверять их не привык.
А я его туманы и обманы
перевожу на собственный язык.

* * *

У каждого что-то свое пред глазами,
у каждого свой то рассвет, то закат.
Давай обменяемся, друг мой, мирами,
а может быть, чей-то возьмем напрокат.

Всего лишь на день. И глухая дорога
нас выведет в тот же знакомый тупик.
Не будем судить никого слишком строго,
в чужих временах нам себя не забыть.

* * *

Кладбище, психушка, рыжий кот
медленно бежит через дорогу.
За него боясь, молюсь я Богу,
но машины резкий поворот
открывает новую картину —
улицу, высотные дома...
Чувствуешь себя таким кретином:
все, что здесь, я выбрала сама.
Впрочем, мир, безжалостный, как время,
подарил мне наш суровый Бог.
Свет опять пронизывает темень.
Еду на машине. Где порог
дома моего, куда укрыться
хочется от улиц и людей?
И дорога влажно серебрится,
пережив нашествие дождей.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Юрию Луценко

*

С декабристами, с декабристами
жизнь сводила меня случайно.
Слышишь выстрелы, слышишь выстрелы,
слышишь конницы бег отчаянный?

Время наше иным означено:
вроде бы ни стрельбы, ни плахи.
Только кровью всегда оплачены
наши промахи, наши страхи.

*

Недавно выпал черный снег
в каком-то южном городе...
Собака замедляет бег, —
Как будто ищет — горе где?

Быть может — я смогу помочь.
Ну, почему ты стала?!
Уносит ветер сажу прочь,
иду сквозь век устало...

Иду к себе, иду к тебе,
иду к земному свету.
В моей непрошеной судьбе
вопросы без ответа.

*

Как в детстве, страшных сказок я боюсь,
и Синеи Бороды, и злой колдуньи.
Сама себе я почему-то снюсь,
в глухом лесу бродящей в новолунье.

Наверно, это сказка про меня.
Но кто, кому и как ее расскажет?
И сказка ночи станет сказкой дня.
Я в ней брожу. И я осталась та же.

*

Идите вы куда-нибудь туда...
Мой бедный край, тебе ли не досталось!
И древняя за мной бредет усталость.
И за одной бедой еще беда.

Терпи, терпи, не знаю, правда, как?
И сколько нам терпеть еще осталось?

В чреде времен наш миг такая малость, —
что видим свет мы, несмотря на мрак.

*

Ваша честь, неужели Вы смотрите в небо,
где снуют облака и сороки устроили свару?
Ваша честь, неужели Вы видите этот первый весенний стебель,
что не вовремя вылез на свет и не найдет себе пару?

Ваша честь, Вы бываете грустным, растерянным и несчастным?
Неужели и на Вашем диване кот мурлычет и трется о Ваши ноги?
В железной клетке мечется человек, а Вы так бесстрастны,
так равнодушны, словно злой волшебник из черной лесной берлоги.

*

Черные мыши — летучие мыши-вампиры
замерли в комнате белой в воздухе неподвижном.
Они не из нашего, они из чужого мира.
Там, где они появились, дух растоптан и выжжен.

В клетке железной им приготовлен кто-нибудь на съеденье.
Алчные клювы их загнуты и раскрыты.
Слышат они человечесьего сердца растерянное биенье,
и хорошо им от этого. Так хорошо и сыто!

*

Страна моя, страна твоя –
Ну, что от нас ты хочешь?
Земное поле бытия –
отчаяние и прочерк.

Мы в катастрофе родились,
живем мы в катастрофе.
Но горний свет
уносит ввысь,
и все мы за руки взялись,
и тянемся к Голгофе.

МОЛИТВА

Юрию Луценко

*

Что с тобою, веселый грешник?
Занесло тебя не туда.
Ты не видишь, как в водах вешних
отражаются провода.

И гуляет веселый ветер,
облака прогоняя прочь.
День сегодня так чист и светел...
Чем могу я тебе помочь?

О, зачем тебе эта мука?
О, зачем тебе этот бой?
Не касаясь, давай мне руку,
Бог с тобою, с тобой, с тобой.

*

История ходит кругом,
и, возвращаясь вспять,
тем же железным плугом
хочет наш мир вспахать.

Старая ведьма, сука!
Мне ли не знать, кто ты?!
Стрелы тяжелых луков,
и на гробах цветы.

Снова рукой махнула,
бросила мир назад.
В лапах у караула
замер весенний сад.

Конница и темница,
узники и рабы...
Знаю, кого боится
темень твоей судьбы.

Разом проснется время,
рассвирепеет вмиг.
Тут же рассеет бремя
пошлых твоих интриг.

*

Вам хочется быть рабами?
Вперед — здесь хозяев тьма!
У времени за плечами
потрепанная сума.

Себя вы связали сами -
я вам не могу помочь.
Мне страшно, мне страшно с вами.
Я — горькой свободы дочь.

*

*И тут его охватил самый
страшный гнев —
гнев бессилия.*

М. Булгаков

Гнев бессилия — не самый страшный.
Оказывается, самый страшный гнев — состраданья.
Господи, до сих пор не заселена Твоя пашня,
и мы живем и томимся в неведомом ожиданье,

но ведь именно нам Ты доверил распахать свое поле,
но ведь именно нам была дарована Тобой свобода.
А мы упрямо творим друг для друга неволю.
И строим одну большую тюрьму для всех год от года.

*

Как ястреб, день уносит солнце в лапах.
Скюет его — тогда наступит ночь...
Весеннего дождя такой веселый запах!
Но и весна не может мне помочь.

Как пес бездомный — так душа устала.
В моем краю иначе не живут.
Здесь, как в лесу, тепла и света мало,
и злые тени обрели приют.

*

Страстная неделя. «Кого бы распять?» —
гадают опять фарисеи..
Минуты, века возвращаются вспять,
а ветер надежды рассеет...

Закрою глаза и увижу опять
то время, те тропы, те слезы.
Мой Бог, мои братья, я с вами без вас,
в кресты превратились березы.

*

Я тебя не знала и не знаю.
Отчего в душе такая боль?
Путь один от ада и до рая,
но у каждого своя при этом роль...

Впрочем, я ее и не искала,
эта роль нашла меня сама.
Брат, на воле дождь весенний вялый,
ну, а в сердце у меня — зима.

*

Я вижу Бога своего во всех,
кто темною толпой, как Он, измучен.
Бессмертно слово, но бесстрашен грех,
и шар земной им, как верблюд, навьючен.

Зачем свобода тем, кто зло творит?
Но без нее мы неждемся света.
И Бог со мною тихо говорит.
Но главное осталось без ответа.

*

А мне б с дикарями побыть дикарем
на острове желтом и жарком.
Секунды, минуты, века мы сотрем
и боль зачеркнем, как помарку.

И будет веселье и смех у костра,
и пляски под полной луною.
И я позабуду, что значит «сестра»
для тех, кто измучен судьбою.

*

Внезапная осень, слепая беда,
как дождь надо мою страную.

И лица у кленов горят от стыда,
и легкою дрожью свело провода,
и нет, и не жду я покоя.

Боюсь за тебя, мой неведомый друг,
хоть в жизни с тобой незнакома.
История вертит свой варварский круг,
и мы не поймем, где находимся вдруг,
хотя не выходим из дома.

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «ТИШИНА»

1977–1982

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА	25
«Мир переписан от руки...»	26
«Игру минут мы назовем судьбой...»	27
СРЕДНЕВЕКОВАЯ КАРТИНА	28
МИХАИЛУ ЛУНИНУ	29
«Склонилась солнца голова...»	30
«Живая суть под скорлупой стиха...»	31
ГОРОДСКАЯ СИМФОНИЯ	32
«Утихнет ветер на закате...»	32
«Сын на моих руках уснул...»	33
«И в чутком сумраке ночном...»	33
«Со мной мой город не знаком...»	34
«Недугом тем же я больна...»	34
«Все о тебе, весь день с тобою...»	35

«Вдохну спросонья воздух горький...».....	36
«Этой белой тоске, как метели, не видно конца...».....	37
«И снится мне, что я иду...».....	37
«В набежавшую тучу укрылась от ветра заря...».....	38
«Мой друг Мефистофель...».....	40
«Мы глубинные тихие рыбы...».....	42
«Земное время — талая вода...».....	43
ПАМЯТИ ДЕДА.....	44
«Пусть красная рябина дня...».....	44
«Тебе ли этот отдых...».....	44
ПОСЕЛОК ВЫСОКИЙ.....	46
«Закрой калитку за собой...».....	46
«Моей тоски сухой песок...».....	47
«Печаль очерчивает круги...».....	47
«В белом мареве раннего детства...».....	48
«Где белый полдень воскресенья?...».....	48
«Благодарю тебя, мой Бог...».....	50
«Я заклинательница дней...».....	51
«Колышет ветер зыбку дня...».....	52
«Разделим сон — как делят горький хлеб...».....	53
«Все оставалось, как всегда...».....	54
«И ни на шаг мы не ушли...».....	54
«Забыли памяти поля...».....	55
«Как аукнется — так откликнется...».....	56
«Надели истин власяницы...».....	57

«От веков ни отдыха, ни прока...»	58
«Янтарь тоски в твоих глазах.....»	59
«Вдруг разорвав пространство снов...»	60
«Мне проще с ним — вам проще с нею...»	61
«И корень зла уже искать не надо...»	62
«Сложила песню я тебе...»	63
«О любовь моя, горькая мята...»	64
«Поговорить и посмеяться...»	65
«С утра хлебнув из водостока...»	66
«А вечер грел над свечкой дня ладони...»	67
«Оазис в горестной пустыне...»	68
«Словно капля, луна висела...»	69
«Покорна пальцам глина...»	70
«И мне б, над пальцами склонясь...»	71
«Люблю того, кто дан мне Богом...»	72
«На грани сна и маяты...»	73
«Мой город будет знаменит в миру...»	74
«В душе навек заключена...»	75
«Вовек служить не будет дух...»	76
«В сплетеньи напряженных вен...»	77
«Давно пришел земной успех...»	78
«Вы — пламя темного костра,.....»	79
«Лежала мумия в гробнице...»	80

«Рабами предки не были мои...»	81
«В клубке племен моя двойная нить...».....	82
МОНОЛОГ ВЕДЬМЫ	83
«Неспешно вечера теченье...»	84
«Солнца щит на небесных вратах...».....	85
«Муравьиная Азия мой растревожила сон...»	86

*Из книги «ЗИМНИЕ СНЫ»
1983–1987*

«В начале жизни есть село...»	89
«Тот, кто родился в начале двадцатого века...»	90
ЗИМНИЕ СНЫ	91
«Умолкла тревожная скрипка..»	91
«И дремлют тихие снега...».....	91
«Я устала любить. О, как сердце мое тяжело!...»	93
«О, нет души, ты прав...».....	94
«Вода в сиреневом кувшине...».....	95
«Как отдают листву...»	96
ЕВПАТОРИЯ	97
«Высота нам не дарит ответа...»	97
«Полдня розовая крыша...»	97
«Этот город — как песочные часы...»	98

«Жена чужая», — скажешь мне...»	99
«О сплошное самосозерцанье!..»	100
«Я в эти глаза не хотела смотреть...»	101
«Неужели все в жизни случайно?...»	102
«Этой музыкой светлой и зыбкой...»	103
«Я облик выберу любой...»	104
«И зыбкий воздух, как вода...»	105
«Нет надежд безнадежнее тех, что сбылись...»	106
«А время пахнет древесиной...»	107
«В ночном кошмаре раскололась явь...»	108
«Бредет слепой старик...»	109
«Он смерти ждал, как почтальона...»	110
«В горячей жажде фонарей...»	111
«Стань мертвой водою, живая вода!..»	112
«На дно горячих глаз...»	113
«Уйти в бега, сойти с ума...»	114
«Тяжелая ярость моя, как волна...»	115
«Качались ветки за окном...»	116
«Когда метель упала с ног...»	117
«А город, как сердце больное...»	118
АНТИГОНА	119
«Ну, что ты шепчешь, мой суфлер...»	119
Монолог Антигоны	120

«Когда героя нет...»	120
«У театрального крыльца...»	121
ВЕСЕЛЫЙ ЧАС	123
«И лучше не знать никогда...»	124
Антимонолог	125
«Мы теряем себя среди улиц...»	126
Диалог	127
«И черт нас не берет...»	127
«Когда к отчаянию привыкнешь так...»	128
«На пулю в затылок не станем пенять...»	129
Монолог	129
«А дальше степь, и эти перелески...»	130
«Ты знаешь ли, зачем и в тихом доме...»	132

Из книги «ХОЛОДНОЕ СОЛНЦЕ»

1986—1989

«Бог жил в просторном и высоком дне...»	135
«Деревни площадь в час перед закатом...»	136
«Над робким зигзагом речного песка...»	137
«Еще я помню холод свой и страх...»	138
«Послушница-муза, я снова на час...»	139
МУЗА	140
«Разбила я песочные часы...»	141

ПЕСНЯ МЫШЕЙ.....	142
«Ни себе — ни миру...»	142
«Отведены древние страхи...».....	143
«Египетский тихий божок...».....	143
«До рассвета проснувшись, ветер...».....	144
«Лоб в лоб мы сшиблись...».....	145
«Город полон тоской железной...»	147
«Я в Риме — гречанка-рабыня...».....	148
«Обрати лицо свое к восходу...»	149
«И милость царя горше казни казалась тебе...».....	150
«Вода стояла в ведрах запотевших...»	151
«Кто научил меня молитве, если я...».....	152
«Из всех невероятностей на свете...»	153
«Не при мне этот лес вырубали...».....	154
БЕЛОЕ ОЗЕРО	155
«Сон разума, сон сердца, сон души...».....	155
«Здесь кровь уходила в горячий песок...»	155
«Над Белым озером встает...».....	156
«Тревога, от которой никуда...»	157
«И я однажды поняла...».....	158
«И тень, как бутон, распустилась...»	159
«Мне приснилось, что я — это ты...».....	160
«Ни верой, ни безверием моим...».....	161
«Двоящиеся странные черты...»	162

«В твоём текущем мире столько света...»	163
«Я прятала вечное слово...»	164
«Так Бог велел и так хотела я...»	165
«Неведомой власти покорна всегда...»	166
«Да, я безгласна. Сто витков молчанья...»	167
«Так было уже не со мною, а с кем-то...»	168
«Мне бы память другую и сердце другое...»	169
«...Остался в далеком дне...»	170
«В холодном мире выбелены стены...»	171
«Этот город глухой и чужой...»	172
«Я увидала, что в осеннем полдне...»	173
«Как резко контур мой в пространство вписан...»	174
«Моя бескрайняя тоска...»	175
«Дом на горе ты помнишь?..»	176
«Мы с временем нашим привыкли считаться...»	177
«Помнишь ли ты фильм «Расемон»?..»	178
«Уходит время то, что нам дано...»	179
«Все мы породы волчьей...»	180
ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА	181
«О, как я устала от этого дня...»	181
«В подземном царстве тоже благодать...»	181
«Когда заменили живых неживыми...»	182
«Кто не боится — тот пускай расскажет...»	183
«А город мой — холодный серый доктор...»	184

«Когда кружила яростная ночь...»	185
«Скажешь о том, что ты знаешь о жизни другому...»	186

«ОСТРОВ»
1990–1996

«Реальности нет, и чужая страна...»	189
«По белым волнам тополиного пуха...»	190
«Снова ветры и снова дожди...»	191
«Зимние зайцы, уши прижав...»	192
«Тяжелая капель, тяжелый вздох...»	193
«Иногда повезет и такому несчастному краю...»	194
«В каких просторах сопрягал...»	195
«Меня пустили в мир, сказав...»	196
«А в холодных земных океанах...»	197
«Тяжелое солнце внушало нам страх...»	198
«А в детстве далеком жила я в глуши...»	199
«Какая печальная птица...»	200
«Расталкивая тучи головой...»	201
«Холод и блеск в мироздании ночном...»	202
«Мой друг, мой римлянин, в огонь кладущий руку...»	203
«Глаз воспаленный светофора...»	204
«Какая прозрачная, белая, тихая ночь на дворе!...»	205

«Вечность там, где была. Ветер так же мне дует в лицо...»	206
«Жара положила тяжелые лапы на плечи...»	207
«Дождь, начавшись, шумел до рассвета...»	208
«Все очнулись. И липы шумят...»	209
ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ	210
«Не верю, мой друг, я реальности дня...»	212
«Печальная повесть, известная мне...»	213
ГОРОД ЦАРЕЙ	214
«Водяная лилия — первозданного зла каприз...»	214
«Ящеры ходят по площади, ящеров кормят с руки...»	215
«Сердце древнего города спит в потаенных глубинах...»	215
«Посмотри и запомни — была здесь когда-то земля...»	216
«Дух времени печальными глазами...»	217
«И голос ее был похож на мой...»	218
КРУГОВРАЩЕНИЕ	219
«Мне приснилось, что я — это ты...»	219
«Дымы торчат из труб, как руки из рукавов...»	220
«Снова и снова пурга, будто в небе открыто...»	220
«Белый мой, стройный, из снега и инея слепленный...»	221
«Мне совсем не смешно, ты не думай, пожалуйста...»	221
«В языческом детстве моем я о Боге не знала...»	223
«В неведомый полдень вошли мы с тобою, как в воду...»	224
«Ветер сказку полыни решил рассказать мне ко сну...»	225

«Еще в гнезде тяжелом солнце спит...»	226
«Непознаваемая блажь...»	227
КОСТРЫ	228
«Оказалось, пространство давно убывает и призрачна даль...».....	228
«В мире, все убывающем, вдруг загорелась звезда...».....	229
«Дерево рода не символ, а жизнь, но где...»	229
«Там, на другой стороне обреченного дня...»	230
«Длинные нити осенних дорог...».....	230
«Точка опоры, и мир повернется. И вдруг...».....	231
«Черно-белый экран...»	233
«Воля к печали меня привела в этот дом...»	235
«Что же ты смотришь в окно? Там тягучая вьюга...»	236
«Слепой апрельский снег под ярким солнцем кружит...».....	237
«В этом странном магическом сне...»	238
«Я героев забыла своих...»	239
«Мне лучше забыть обо всем, что я с детства люблю...».....	240
«Я в подлунном мире нелепая божья тварь...».....	241
ГАЛИЛЕЯ	242
«Словно кости истлевших минут...».....	242
«Золотая тень одиночества. Ветер и свет...».....	243
«Там, где огонь, разогнавшись, споткнется о камень...».....	243
«Тихие жены, которые ткали усердно...»	244
«Склон горы на рассвете красен, а воздух плотен и сиз...»	244
«Все проходит на свете. И даже большая беда...»	246

«ПУСТЫНЯ»

1997–2004

«В этом доме другие приметы...».....	249
«В родном краю, таком печальном...»	250
НОТЫ ВРЕМЕНИ	251
«Прочитанная в детстве сказка о добром гноме...».....	251
«До, соль, ми, ре» — оголтело кричит петух...».....	251
«Солнце, красное как георгина, обещает нам завтра ветер...».....	253
«Солнца сухое пламя слизывает минуты...».....	254
СЛАВЯНСКОЕ СЧАСТЬЕ	255
«По течению времени вынырнув позже...».....	255
«Но хорошо, как известно, смеется тот...».....	256
«Забывать не умею — поэтому смотреть назад не могу...»	256
«Когда Иосиф, что в Египте сонном...»	257
«Я бесстрашна, как дождь или ветер...».....	259
«Вьются ласточки перед грозью...».....	260
СТАНСЫ	261
«Ветер снежные тучи ловил и хватал за хвосты...».....	262
«Ты мое солнышко, котик любимый!..».....	263
«Мы с тобою дедка с бабкой...»	264
«Белый полдень. Солнце-суперзвезда в проеме...».....	265
«Не запомнила я ничего из рассказов твоих...».....	266
«И когда я читала запоем веселого Вальтера Скотта...»	267

«Я любила простор, и меня полюбил он в ответ...»	268
«Как же странно звучало слово...»	269
«Эта ночь тяжелее свинца...»	270
«За стеной, в тишине, скрипка тронула музыку ту...»	271
ПАМЯТИ ВАСИЛЯ СТУСА	272
«У времени нет на нас ни минуты...»	273
«Беспечально или безрадостно?..»	274
«Там, где волны сложили головы...»	275
«Смотри в колодец — и овец увидишь...»	276
«На старуху бывает проруха...»	277
«Да, знаю я теперь, что мертвых здесь варили...»	278
«И не в масть попадало слово...»	279
«Поручение Твое я выполняю плохо...»	280
«Абсурд — это реальность, реальность — это абсурд...»	281
«Восточный ветер поднимает пыль...»	282
«Я живу, когда все мои дома...»	283
«Печаль плодородна — бесплодна тоска...»	284
«В мире, где нет героев, спокойней спать...»	285
«О, как странно все то, что случилось...»	286
«Там, где поток откровений на землю прольется...»	287
«На моем голубом экране...»	288
«Патриархальный язык бытия...»	289
«В танце холодном метели вращают луну...»	290

«Верхний и прочный палеолит...».....	291
«Это зыбкое знание...».....	292
«Ну, что ты хочешь, Бог мой, от меня?..».....	293
«Твоя судьба меня бросает в дрожь...».....	294
«Я — твой биоробот, Боже...».....	295
«Трагедия — или фарс извечный?..».....	296
«Зажигаю свечу в день твоего рожденья...».....	297
«Умный компьютер играет в слова...».....	298
«Слово воссоздало Трою и слово разрушило Рим...».....	299
Место ли, время ли мне не даются, любимый?..».....	300
РИМСКИЕ СКАЗКИ	301
«Что ты стала, весталка...».....	301
«И снова Рим горит в огне...».....	301
«Эти римские сказки, старуха, не смей повторять!..».....	302
«Сага о Форсайтах» — какая же это сага?..».....	303
«Империю не жаль. В отличие от мудрого поэта...».....	304
«Свеча тянула робкую ладонь...».....	305
«Я люблю Рождество — мир еще не научен печали...».....	306
«Водоворот, водоворот...».....	307
«Информация мне понятна...».....	308
«Ни о чем не жалеть, ни к чему не стремиться...».....	309
«В странном имени Сыр-Дарья...».....	310
«По туннелю времен я привыкла идти в одиночку...».....	311
«От памяти страшной, не знающей света...».....	312

«Хорошо бы работать мне медсестрой...»	313
«Я не думала никогда...».....	314
«В центре Вселенной окно голубое...»	315
«Если реальностей бесчисленное множество, то...».....	316
«Волна и минута, хвылына и хвыля...».....	317
«От любви до ненависти — только один шаг...».....	318
«Наш город спит и видит нас во сне...».....	319
ВОЗВРАЩЕНИЕ	320
«Когда я вернулась в ту осень из лета чужого...»	320
«Холод Востока — исконное противоречье...»	320
«Клинопись лета с подтекстом его муравьиным...»	321
«Век не летать бы мне в брюхе железного зверя...».....	321
«В январский день Вам было тяжело...»	323
«В старой Хайфе Бахайские храмы...».....	324
«Выяснение отношений с временем и пространством...»	325
«Мы не верили снам быстролицым и дням быстротечным...»	326
«Дни грызутся друг с другом, как свора бездомных собак...».....	327
ЕВРАЗИЯ	328
«А „Запад — есть Запад, Восток — есть Восток“...».....	328
«Торричелиева пустота...»	329
«В той земле, где роса выпадала градом...».....	329
«И язык бы забыла родной, но слагаются горькие строфы...».....	330
«Неужели еще кто-нибудь верит...».....	331
«Византии медовый торт...».....	331

«Эта земля от себя устает...».....	333
«Жили чудовища...»	334

«КОНЦЕПЦИЯ СВЕТА»

2005–2010

«Овод прозрачное мучит стекло...».....	337
«Пруд, похожий на лужу...»	338
«Начинаю писать стихи с чистой страницы...».....	339
«Ты шла поспешно в горную страну...»	340
«Это, наверное, все не о нас...».....	341
«Обетованная земля...»	342
«Разноцветные волны свои бугенвили душистые катят...»	343
«Спустившись с южных гор, по северной равнине...»	344
«Ориентальный мгновенный восход...».....	345
«Я в сыне — деда узнаю...».....	346
«Мир бился в истерике и не заметил...»	347
«В тенетах памяти моей...».....	348
«Ты всегда повторяешь свои же мысли...»	349
«О, древнее слово — Атхарва-Ниграсса...»	350
«Беспечально или безрадостно?..»	351
«Кто разберется: сказка или быль?..»	352
«Мираж дороги свет сулит вдали...»	353
«Во времени, как в море на плоту...»	354

«Минуты нанизываются на спицы пространства...»	355
«И вера не верит...»	356
«Освобождаясь от солнечных пут...»	357
«Добро ли это или зло...»	358
СНЕГОПАД	359
«Снегопад, Белый Лев...»	359
«„Репортажем с петлей на шее“...»	359
«Ты прости свою блудную дочь...»	360
«Не легка нам дорога Ваша...»	361
«На сером небе месяц тонкий...»	362
«Ранняя Пасха без листьев и трав...»	363
«Ра восстал, как всегда, и к земле протянул свои руки...»	364
«Рельсы тянутся, рельсы выются...»	365
«Мое двуязычье, двуречье, двугорбье...»	366
«Мне сон приснился — я приснилась сну...»	367
ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ	368
«Звонки мобильных телефонов...»	368
«Инстинкт свободы — дар нелепый...»	369
«Расскажи мне о том, чего сам не знаешь...»	369
«И сколько зим, и сколько лет...»	370
«В шорохе шин или в конском топоте...»	370
«Черный и красный смерчи...»	372
«Какой кромешный свет!..»	373
«Век двадцатый — черный призрак...»	374
«Не достучишься до твердых небес...»	375

ДРУГУ.....	376
«На смерть Генриха Алтуняна...»	377
НИНОЧКЕ.....	378
«Школьный звонок, тетрадки...»	378
«Я жду твоего прихода...».....	379
«На кресте твоём ласковый снег — он лежит и не тает...»	379
«После смерти твоей я о жизни писать разучилась...».....	380
«Счет потерь предъявляем мы Господу Богу...».....	380
«Читая Канон покаянный...».....	381
«Ловлю руками желтую листву...»	381
«Фонендоскоп в моей руке...».....	382
«Мне вдруг опять приснилась ты...».....	382
«Как промелькнуло это лето!..»	383
«Август полон горячей плоти...»	384
«Я с собой привезла соли Мертвого моря...»	385
«Объективный идеализм — не объективен...»	386
URBI.....	387
«Энергия в моем городе...»	387
«Со своею собакой гуляю всегда по прошедшим годам...»	388
«Осколок сна с одной звездой горячей...».....	388
«Город статичен, как фото...».....	389
«В конструктивизме наших душ...»	389
«По одному во мгле загораятся фонари...»	390
9 МАЯ.....	391
«Двухголовый орел очнулся...»	392
«Сегодня вспомнила тебя...»	393

«А в детстве ветер — разноцветный...».....	394
«Концепция света включает концепцию тьмы...».....	395
«Мне приснились к чему-то монголы в серебряных шлемах...».....	396
IN VIVO.....	397
«Все было так невнятно...»	397
«В покаянной молитве пишу я строки...»	397
«О, как хотела быть я той...»	398
«Какая разница, — который...»	398
«Печаль — единственная нота...»	400
«Какая долгая зима!..».....	401
«Что тебе примерещилось в этот вечер...»	402
«Доисторический кошмар!..»	403
«Я не знаю, кто первым начал...»	404
«Рассказали нам древние греки...»	405
«Шкатулка века приоткрыта...»	406
«Время все расставляет по полочкам узким и длинным...»	407
«В середине августа депрессия света...»	408
«Ночью, когда все кошки...»	409
«„Не верь, не бойся, не проси“...»	410
«Забудь о том, что тьма вокруг...».....	410
«Здесь наши камыши...».....	411
«Смертельных фейерверков град...»	412
«Хорошо нам гулять по глухим городам...».....	412
МОРОЗНАЯ СЮИТА.....	414
«И красные горы, и синие травы я вижу...»	414

«Пробирка дня поставлена на лед...»	414
«Террор зимы в разгаре. Все пространство...»	415
«Будто пьяный, качается клен за границей окна...»	416

НОВЫЕ СТИХИ

2011

«Ты ошибся, мой друг, это плачу не я, а вьюга...»	419
«Когда печаль становится душой...»	420
«Дежавю, дежавю, дежавю...»	421
«Оранжевый ветер несет облака...»	422
«„Душа болит, а сердце плачет...“ ..»	423
«Ангел дальних дорог на тяжелом крыле самолета...»	424
«Отчаянье — от чаянья...»	425
«Не грусти — все начнется сначала...»	426
«Ничто не вечно под луною...»	427
«Круговерть океана и воздуха»	428
«Я вижу отблеск лунного луча...»	429
ЧЕРТОВ ПЕРЕКРЕСТОК	430
«Барахтаясь в собственных страхах, как в тине...»	431
«Мы гуляем по Марсу и срываем красные георгины...»	432
«Дикое поле так и осталось диким...»	433
«Когда ничего не хочется...»	434
«Любимый Бог, мне горько и сейчас...»	435

«Мне кажется, моя голова, как в детстве, лежит на твоих коленях...».....	436
«Деревья никак не хотят зеленеть...»	437
«Дожди, дожди — весна черна, графична...»	438
«У каждого что-то свое пред глазами...»	439
«Кладбище, психушка, рыжий кот...»	440
ЗАЗЕРКАЛЬЕ	441
«С декабристами, с декабристами...».....	441
«Недавно выпал черный снег...»	441
«Как в детстве, страшных сказок я боюсь...».....	442
«Идите вы куда-нибудь туда...».....	442
«Ваша честь, неужели Вы смотрите в небо...».....	443
«Черные мыши — летучие мыши-вампиры...»	443
«Страна моя, страна твоя...»	444
МОЛИТВА.....	445
«Что с тобою, веселый грешник?..».....	445
«История ходит кругом...».....	445
«Вам хочется быть рабами?..».....	446
«Гнев бессилия — не самый страшный...».....	447
«Как ястреб, день уносит солнце в лапах...»	447
«Страстная неделя. „Кого бы распять?“...»	448
«Я тебя не знала и не знаю...»	448
«Я вижу Бога своего во всех...».....	449
«А мне б с дикарями побыть дикарем...»	449
«Внезапная осень, слепая беда...»	449

Литературно-художественное издание

ЗАХАРОВА
Инна Борисовна

ИЗБРАННОЕ

ISBN 617-587-047-1

Ответственный за выпуск *Е.Е. Захаров*
Компьютерная верстка *О.А. Мирошниченко*

Подписано в печать 04.10.2011
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура A Classic Mysl
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,52 Усл. кр.-отт. 28,69
Уч.-изд. л. 29,26. Тираж 1000 экз.

«Права людини»
61112, Харьков, ул. Р. Эйдемана, 10, кв. 37
Свидетельство Государственного комитета телевидения
и радиовещания Украины серия ДК № 3065 от 19.12.2007 г.

Напечатано на оборудовании Харьковской правозащитной группы
61002, Харьков, ул. Иванова, 27, кв. 4
<http://khpq.org>
<http://library.khpq.org>